

Ветераны Меня

перевод для группы <https://vk.com/booksource.translations>

ЧЕЛСИ БОБУЛЬСКИ

Нелл Мартин снова переезжает, на этот раз в "Гранд Отель Уинслоу", построенный в 1878 году. Не успевают Нелл устроиться на месте, как начинают происходить странные события. Двери закрываются сами по себе, на стенах в ванной комнате появляются надписи, и что самое ужасное, видения мёртвого мальчика пронизывают её жизнь наяву. Она решает, что всё это игры её разума, но вскоре обнаруживает, что прошлое и настоящее сплелись воедино, стоит ей узнать о страшных подробностях убийства, которое произошло в отеле в 1905 году и было связано с девушкой по имени Аурелия.

Нелл и таинственный коридорный должны пережить заново тот день в надежде, что наконец-то смогут разрушить проклятие, заточившее их в свой плен. А ещё Нелл выясняет, что на самом деле связывает её с историей "Гранд Отеля Уинслоу".

Переводчик: Goshka_77

Редактор: Marina_lovat

Вычитка: _Kirochka_

Переведено для группы

vk.com/booksources.translations

ПРОЛОГ

ОН КАКИМ-ТО ОБРАЗОМ ЗНАЛ, когда нажимал на курок, что смерть не будет худшим из того, с чем он столкнётся. Ещё до того, как его палец скользнул по холодному изгибу металла, он почувствовал, как проклятие прокладывает себе путь в воздухе, сшивая и связывая себя с комнатой, переплетаясь с каждым волокном, частицей и молекулой окружающего его пространства. Сквозь стены, потолок и половицы, вплоть до самых балок, стропил и каменного фундамента отеля.

Время замедлилось до пульсирующего, барабанного ритма крови, которая перекачивалась, сочилась, ползла по половицам, когда он приставил дуло ко лбу. Он смотрел, как кровавый мениск растекается, словно пролитый мёд, такой густой, такой тёмный, что кажется почти чёрным даже в свете хрустальной люстры, которая отбрасывала на него электрический свет, а нити накаливания жужжали в его ушах, как саранча, пока он не нажал на курок...

И вообще ничего не услышал.

Он всё вспомнил, когда пробудился от оцепенения, хотя и не мог припомнить, сколько времени прошло с тех пор, как явилось это воспоминание, и с тех пор, как он в последний раз просыпался. Всё, что он знал, это пронизывающий его голод, боль, которую он никогда не мог удовлетворить, независимо от того, сколько возможностей ему было дано для этого.

У него больше не было физической формы, но он и не нуждался в ней. Отель позаботился об этом.

Когда солнце взошло, известив о новом дне, а большинство посетителей отеля всё ещё спали в своих кроватях, он вытянул своё присутствие из тёмного, холодного места, где жил — ждал, *отдыхал* — и медленно устроился на каждой стене, потолке и половице, как будто

облачаясь в очень старое, очень знакомое пальто.

По всему отелю все открытые окна со щелчком закрылись. Двери слегка дрогнули в своих рамах, как будто их любовно подтолкнули нежные кончики пальцев, заскользившие по их полированным граням. Свет в коридоре замерцал, как пламя свечи, слишком быстро, чтобы его можно было заметить. Волокна ковра встали дыбом, а половицы заскрипели там, где никто не ступал. И в мягком голубом свете раннего утра во внутреннем саду под открытым небом, разбитом в центре отеля, расцвела одинокая красная роза.

В неподвижной, спокойной тишине рассвета темнота просочилась в свет, заскользила по стенам в виде теней, болтовни и ритмичных мелодий давно минувших времен. Только одна душа заметила это, но ничего нельзя было сделать, чтобы остановить это. Ничего, что могло бы заставить призраков замолчать или отправить их обратно в неглубокие могилы.

Всё, что можно было сделать, это сидеть.

И ждать.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

ЛИЯ

Июнь, 1907.

ЖАЛЬ, что сегодня утром на воде так много лодок. Если бы я соскользнула с перил парома, сомневаюсь, что кто-нибудь оставил бы меня в покое на достаточно долгое время, чтобы я утонула.

Хотя, если честно, не знаю, пошла бы я на это, даже если бы условия были благоприятными. Мама любит говорить, что я — сплошная драматургия без продолжения, и, возможно, это правда. Или, может быть, отец просто давным-давно воспитал во мне непослушание.

В любом случае, сегодня я не буду прыгать за борт, поэтому заставляю себя отвести взгляд от волн, бьющихся о борт парома, и обращаю своё внимание на нашу летнюю резиденцию.

"Гранд Отель Уинслоу".

В брошюре отель казался достаточно впечатляющим зданием, но карандашные наброски бледнеют по сравнению с реальным зданием. Гигантское сооружение, обшитое белым деревянным сайдингом и увенчанное покатой медной крышей, уже позеленевшей от патины, возвышается на дальней стороне острова, затмевая пальмы и другие небольшие здания, окружающие его.

— Разве это не великолепно? — говорит мужчина, стоящий рядом со мной и рукой хлопает по скользким перилам. — Это одно из самых больших деревянных зданий в стране, разве ты не знаешь? Четыреста гостевых комнат! И ослепительно блистает с 91-го.

— Я слышала, что на строительство ушло три миллиона кубометров древесины, — отвечает его маленькая девочка.

Её старший брат усмехается.

— Скорее, шесть миллионов.

Она показывает ему язык.

Я закрываю глаза и заставляю себя впитать их волнение, попытаюсь найти хорошее и

волшебное, присущее этому месту, куда так много людей год за годом возвращаются летом на его прогретые солнцем пляжи, но когда я открываю глаза снова, я не вижу в отеле ничего, кроме того, чем он является на самом деле.

Моя тюрьма.

Словно прочитав мои мысли, отец опускает руку на моё на плечо. Это крепкая рука, сильная и непреклонная. Я смотрю на него, на солнечный свет.

Тени омрачают его лицо.

— Аурелия.

— Отец.

— Ты выглядишь обеспокоенной, — говорит он с ноткой предупреждения в голосе.

Я качаю головой.

— Просто погрузилась в мысли.

Его хватка усиливается, быстрое сжатие.

— Постарайся выглядеть счастливее, хорошо? Ты встречаешься здесь со своим женихом.

— Конечно, отец.

Он смотрит на меня ещё мгновение.

— Нам очень повезло оказаться в этом месте, Аурелия. Запомни это.

Я смотрю на маму, которая улыбается и держит Бенни за руку, пока тот подпрыгивает на носу корабля, указывая на семейство журавлей, бредущих вдоль берега.

— Да, отец, — говорю я.

Паром причаливает, и нас сажают в трамвай с надписью "ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ КОМПАНИЯ ОСТРОВА УИНСЛОУ" на крыше. Хотя это небольшой вагончик предназначенный для перевозки посетителей отеля на паром и обратно. Бенни смотрит на него так же, как на поезда на вокзале в Филадельфии. Его няня, Мадлен, подталкивает его в вагон, и я сажаю его к себе на колени.

— Отпусти, — скулит он. — Я слишком взрослый для этого.

— Это правда?

Он торжественно кивает.

— Прости меня, — поддразниваю я. — Я и не подозревала, что ты стал взрослым в зрелом возрасте семи лет. Полагаю, это означает, что ты также не захочешь, чтобы я тайком принесла тебе дополнительный десерт из столовой сегодня вечером?

Он морщит лицо, противопоставляя своё стремление к независимости своему печально известному пристрастию к сладкому.

— Вместо того чтобы сидеть у тебя на коленях, как насчёт поцелуя в щёку?

Я вздыхаю.

— Полагаю, что так и будет.

Он оглядывает вагон, желая убедиться, что никто не смотрит, затем клюёт меня в щёку, как птичка, быстро и резко, а затем перебирается на соседнее сиденье. Мадлен тихо посмеивается, отчего морщинки вокруг её глаз становятся глубже.

Как только все учтены, трамвай трогается с места, скользя по рельсам к отелю. Но пока все остальные высовываются из окон, чтобы лучше разглядеть "Гранд", я оглядываюсь назад, на мужчин, выгружающих с парома чемоданы и автомобили, а за ними — на голубую воду и жизнь, которую я оставила в прошлом на её далёком берегу.

Если всё пойдёт по плану отца, я покину этот отель в конце лета не как Аурелия

Сарджент, а как Аурелия вон Ойршот, жена Лона вон Ойршота — предпринимателя и очевидного наследника "Сталелитейной компании вон Ойршот".

Отец прочищает горло.

— Аурелия.

Я поворачиваюсь обратно.

Трамвай катит по Палаточному городу, мимо рядов полосатых палаток, которые, как утверждается в брошюре, можно арендовать за ту же сумму в неделю, что платят посетители отеля за ночь. И если кто-то не возражает против земляного пола и самых элементарных предметов первой необходимости, цена падает вдвое ниже.

Мужчины, женщины и дети машут нам с улицы, когда мы проезжаем мимо, некоторые в купальных костюмах, другие одеты для ланча. Я замечаю группу девочек примерно моего возраста, возможно, на год или два младше, которые, взявшись за руки, направляются к пляжу, их кожа загорелая, а волосы выгорели на летнем солнце. На мгновение я позволяю себе представить, что моя рука переплетена с их, и я вижу — себя с мокрыми от океана волосами и кожей, покрытой коркой соли. Мы пятеро — лучшие подруги; мы выросли вместе и знаем самые глубокие, самые тёмные секреты друг друга. У каждой из нас есть избранники по нашему собственному выбору, хотя выйдем ли мы замуж за кого-нибудь из них или нет, ещё предстоит выяснить. Мы спорим о том, что будем есть на обед — мороженое, чтобы охладить наши обожжённые солнцем тела, или что-нибудь более существенное, чтобы зарядиться энергией, необходимой нам, чтобы провести остаток дня, сражаясь с прибором. Я думаю, мы бы остановились на обоих вариантах, потому что лучшие друзья умеют идти на компромисс.

Трамвай пролетает мимо, и видение исчезает.

Я больше не одна из них.

Мы сворачиваем на длинную гравийную дорожку, обсаженную кипарисами, испанский мох свисает с их ветвей, как призрачные занавески, и плавно останавливаемся перед массивным отелем. Океанский бриз здесь ещё сильнее, он проникает сквозь просветы между пальмами, усеивающими пляж, и в открытые окна трамвая. В своём возбуждении Бенни выпрыгивает из вагона, как только носильщик открывает дверь. Он взбегает по ступенькам отеля, раскинув руки, как птичьи крылья.

— Бенджамин, — рявкает отец.

Бенни замирает. Отцу больше ничего не нужно говорить. Строгий взгляд и лёгкое поднятие руки для взбучки — это всё, что нужно Бенни, чтобы послушно вернуться к отцу.

— Ты слишком взрослый для такого поведения, — бормочет отец себе под нос. — Это неприлично.

Бенни кивает.

— Да, отец.

— Всё в порядке, сынок. Просто не позволяй себе такое снова.

Но Бенни не выглядит успокоенным. Отец никогда не спускает проступки так легко.

Мама берёт меня за руку.

— Пойдём, дорогая. Давай посмотрим, сможем ли мы найти твоего возлюбленного.

Я расправляю плечи и натягиваю на лицо маску, которую мама учила меня носить всю мою жизнь. Мне не нужно зеркало, чтобы знать, что морщины, пересекающие мой лоб, исчезают или что мои губы растягиваются в хорошо отработанной улыбке, которую никто не смог бы распознать как фальшивую, — не тогда, когда я могу наблюдать, как моя мать

проходит через то же самое превращение, её мимолетное беспокойство о Бенни исчезает, как будто его никогда и не было.

Мама ждёт, пока папа и Бенни возьмут инициативу в свои руки, а затем мы следуем за ними вверх по ступенькам к богато украшенным деревянным дверям "Гранд Отеля Уинслоу".

ГЛАВА 2

НЕЛЛ

Июнь 2019.

Я, ПРИЩУРИВШИСЬ, смотрю на отель сквозь лобовое стекло, пока папа ведёт на потрёпанный фургон "Королла" 94-го года по извилистой гравийной дорожке мимо лабиринта кипарисов, тропических розовых цветов и женщин одетых в "Гуччи" с сумочками-клатчами.

— Что ты об этом думаешь? — спрашивает папа, загоняя машину под навес перед входом.

Я удивлённо выгибаю брови.

— Ты уверен, что мы не должны использовать вход для прислуги или что-то в этом роде?

Он смеётся.

— Не очень скромно, да?

— Это прям замок, — говорю я, мой голос мягок как шепот, когда я всё это воспринимаю.

В отличие от квадратных, шаблонных отелей, в которых папа работал всю свою жизнь, в "Гранд Отеле Уинслоу" нет двух одинаковых секций. Создаётся впечатление, будто кто-то склеил сотню викторианских домов вместе, обшив их одним и тем же белым деревянным сайдингом и покрыв сверху одной и той же патиново-зелёной крышей, чтобы скрыть все швы.

Визжат тормоза, и машина резко останавливается. Мы оба летим вперёд, наши потёртые, испачканные кофе ремни безопасности щёлкают на груди.

Я бросаю взгляд на папу.

— Нервничаешь?

Он улыбается через лобовое стекло семейству блондинов, плящущихся на нашу машину и быстро тараторящих друг с другом по-французски. Позади нас чёрный "Астон Мартин" держит дистанцию.

— Нет, — говорит он.

— Папа.

Я бросаю на него многозначительный взгляд.

— Машина всё ещё на ходу. Ты только что нажал на аварийный тормоз.

Он хмурится, глядя на рычаг переключения передач.

— Я?

Я заставляю себя улыбнуться.

— Не волнуйся. Ты будешь великолепен.

— Спасибо, Нелли Би. Просто... это высшая лига, понимаешь?

— Понимаю.

Мы не упоминаем о болях в груди, которые были у папы прошлой осенью — приступ паники, из-за которого он попал в отделение неотложной помощи, думая, что у него отказало сердце, — хотя это был самый страшный момент в моей жизни, и я до сих пор помню молитву, которая постоянно крутилась у меня в голове, пока мой учитель балета возил меня в больницу после занятий:

Не его тоже... Не его тоже... Пожалуйста, Боже, только не его тоже.

Дежурный врач сказал папе, что он загоняет себя в раннюю могилу и ему нужно начать относиться к жизни немного спокойнее. Папа некоторое время следовал совету. Он приезжал домой на семейные вечера кино и Тако по вторникам. В этом году он даже пришёл на мой весенний концерт, хотя это было в субботу, а он терпеть не мог оставлять помощника менеджера за главного на выходные. И это было в жалком домике с тридцатью двумя спальнями в Скалистых горах Колорадо, примерно в шестнадцатую часть размера "Гранд Отеля". Не говоря уже о том, что это был скорее причудливый маленький городок в стиле семейного клуба. Отнюдь не роскошный морской курорт с безупречной репутацией.

Если я увижу папу здесь вообще, кроме как на случайном раннем завтраке, я буду считать, что мне повезло.

Парковщик хорошо скрывает свою реакцию на нашу потрёпанную машину, позволяя себе лишь украдкой взглянуть на помятый бампер, прежде чем взять у папы ключи. Я выхожу из машины, закидываю на плечо свой заклеенный скотчем рюкзак и разминаю ноги. Я рассеянно перебираю ногами каждую балетную позу, пока другой служащий укладывает наш багаж на тележку, а папа представляется как новый менеджер по работе с гостями каждому сотруднику в радиусе трёх метров.

Мне не нужно оглядываться на папу, чтобы знать, что его грудь выпячена, плечи отведены назад, а губы растянуты в широкой улыбке, от которой ямочки на щеках превращаются в овраги. Уинслоу был его мечтой с тех пор, как он впервые посетил его в детстве во время двухдневного пребывания с родителями (две ночи, на которые они копили годами и о которых он до сих пор говорил как о самом экстравагантном отпуске, который они когда-либо брали).

Папе здесь уже нравится, а это значит, что его склонности трудоголика проявятся ещё до того, как мы распакуем наши сумки.

Стоя спиной к машине и парковке за ней, я смотрю на широкую кирпичную лестницу, ведущую к главному входу. Двери — массивные, старомодные, с причудливыми овальными окнами и гигантскими цветами магнолии, вьющимся плющом, пальмовыми листьями и вырезанными из дерева толстощёкими ангелочками — стоят открытыми, и сквозь темноту за ними я могу различить силуэты других гостей, проходящих регистрацию. Люди, о которых папа будет заботиться. Люди, которые будут подпитывать его склонности трудоголика.

"Будь счастлива за него, — говорю я себе. — Помни, что сказал доктор Роби. Ожидайте только хорошее".

— Но что вы делаете, когда вместо этого происходит что-то плохое? — я спросила доктора Роби на нашем первом сеансе четыре года назад, сидя в кожаном кресле напротив его стола и безумно потея. — Не лучше ли быть готовым к плохому, чтобы не было так больно?

Он ответил на мой вопрос другим вопросом.

— Почему ты так уверена, что с тобой случится что-то плохое?

Именно в этот момент я решила, что доктор Роби мне совершенно ни к чему.

Папа обнимает меня за плечи, пока один из служащих толкает наш багаж в очередь у домика, а другой отгоняет нашу машину. Её двигатель грохочет, как будто под капотом у неё отбойный молоток.

— Готова?

Я говорю ему то, что он хочет услышать.

— Ещё бы.

— Это моя девочка.

Я пытаюсь проглотить страх, подступающий к горлу, пока мы поднимаемся по лестнице — *с папой всё будет хорошо, всё будет хорошо, всё будет хорошо*, — но моё сердце колотится в груди, когда мы приближаемся к дверям, а голова кажется воздушным шариком, парящим над моими плечами, как будто она не получает достаточно крови, чтобы утяжелить её.

Ожидайте только хорошее.

Мантра заставляет мои ноги двигаться, но по мере того, как зияющая темнота вестибюля становится всё ближе, другая мысль врезается в мой мозг...

БЕГИ.

Я замираю.

Папа хмуро смотрит на меня.

— Всё в порядке?

Нет. Я никогда в жизни не чувствовала, что что-то было столь неправильно, как сейчас, но это чувство приходит из ниоткуда, и я знаю, что оно коренится в более глубокой проблеме. Более глубоком страхе.

Я повыше закидываю рюкзак на плечо, а голос доктора Роби эхом отдаётся в моей голове "*Позвони мне, если тебе что-нибудь понадобится*" вместе с воспоминанием о взгляде, который он бросил на меня, когда я уходила с последнего приёма — это был взгляд, в котором говорилось, что он сомневается, что со мной всё будет в порядке, хотя он и не стал спорить, когда я сказала ему, что не буду искать другого психотерапевта в Южной Каролине.

Взгляд, который я бросила в ответ, был упрямым, вызывающим. В нём говорилось, что он больше никогда обо мне не услышит.

Я, наконец, собираюсь доказать и ему, и папе, что то, через что я прошла после смерти мамы, было временным явлением, единственной рябью на спокойном пруду, а не пожизненной проблемой, нуждающейся в постоянном вмешательстве. Это не определяло меня тогда, и я не позволю этому определять меня сейчас.

Со мной всё будет в порядке.

Я в порядке.

— Да, — вру я, шлепая туфлями по кирпичам.

Папа обнимает меня за плечи и ведёт к входной двери.

— Всё хорошо.

ГЛАВА 3

ЛИЯ

Я ЕДВА НЕ ОТКАЗЫВАЮСЬ ПРОЙТИ ЧЕРЕЗ двери, даже когда мама, папа и Бен подталкивают меня вперёд. Они должны чувствовать страх внутри меня, знание того, что если я не убегу сейчас, у меня не будет другого шанса. Но потом мама твёрдой рукой берёт меня за руку и, как капитан, управляющий кораблём, тащит меня в вестибюль.

Мама останавливается, как только мы входим, и кладёт руку на грудь.

— О, Аурелия, разве тут не прекрасно?

Отель прекрасен, с его высокими колоннами и панельным потолком, выполненным из того же полированного красного дерева. На каждой колонне изящно вырезаны те же узоры из плюща, цветов магнолии, пальмовых листьев и озорных херувимов, играющих на арфах и лютях, что и на парадных дверях отеля. Рядом с лестницей стоит золотая клетка лифта, а с галереи второго этажа открывается вид на главный вестибюль и вход в отель, и, вероятно, именно поэтому так много дам сидит там, наблюдая за прибытием новых гостей "Гранда". Но отель почему-то напоминает мне Колизей, как будто я вхожу через одни ворота и жду, когда лев появится через другие.

Я замечаю его раньше, чем он замечает меня, он входит в вестибюль с тремя другими джентльменами. Все в белых рубашках и брюках и с теннисными ракетками в руках. Я отворачиваюсь и прячусь за колонной, а мама кричит:

— Лонни! Сюда.

Я крепко зажмуриваюсь, ударяясь головой о колонну. *"Просто помни, что ты любишь её,* — говорю я себе, *— и что она желает тебе добра"*.

— Миссис Сарджент, — говорит Лон, его голос грохочет в моей груди, как пушечный выстрел. — Где Аурелия?

Я делаю глубокий вдох, нацепляю свою привычную улыбку и выхожу из-за колонны.

— Привет, Лон, — говорю я, заставляя свой голос звучать радостно, чего я не чувствую. — Чудесно видеть тебя снова.

Он берёт меня за руку и проводит губами по костяшкам пальцев в перчатке. Я прикусываю язык, чтобы не высунуть его.

Дело не в том, что Лон *совершенно* отвратителен. Мои друзья все позеленели от зависти, что я заполучила красивого холостяка с состоянием в придачу, но, хотя я могу оценить его не гротескные черты чисто аналитически, они не вызывают у меня симпатию к нему.

— Теперь мы будем гораздо чаще видеться друг с другом, — говорит он.

Его запах — вызывающая кашель смесь бергамотового одеколона, кофе и сигар — проникает в мои ноздри, вызывая тупую боль в левой роговице.

— Полагаю, что да, — отвечаю я, запах щекочет моё горло.

Мама незаметно щипает меня за запястье, и я широко улыбаюсь.

— Я не могла бы быть более рада этой перспективе.

— Я тоже.

Мать спрашивает Лона о его игре в теннис и мужчинах, с которыми он играл. "Деловые партнеры", отвечает Лон, которые также будут проводить лето в отеле, позволяя ему участвовать как в работе, так и в играх, пока они здесь. Я пользуюсь возможностью и медленно отступаю назад, пока жжение в горле не утихает.

— Конечно, во время вашего медового месяца в сентябре работы не будет, — легкомысленно упрекает его мама.

— Конечно, — говорит Лон, переводя взгляд на меня. — Я бы и не мечтал об этом.

Он ждёт, что я что-то скажу — возможно, что я рада, что в это время он будет уделять мне всё своё внимание, или что я не могу дождаться сентября, — но всё, о чём я могу думать, это тот факт, что менее чем через три месяца я буду вынуждена делить постель с этим человеком, который купается в одеколоне и курит ужасное количество сигар и который мне совершенно незнаком.

Поэтому я вообще ничего не говорю.

Отец возвращается после регистрации и останавливается рядом с Лоном, пожимает ему руку.

— Лон. Рад тебя видеть. Твой отец здесь?

— Полагаю, совершает утреннюю прогулку по пляжу. Пока мы здесь, у него очень строгий график. За все годы, что мы проводили лето в "Гранд Отеле", он ещё ни разу не нарушил его. Вы уже зарегистрировались?

— Да. Мне сказали, что наши чемоданы скоро должны быть доставлены.

— Я не буду вас задерживать. Мне нужно переодеться к обеду.

Он поворачивается ко мне и снова берёт меня за руку.

— Увидимся в столовой, скажем, через час?

Я застенчиво наклоняю голову, как учила меня мама, мгновенно презируя себя за это.

— Я бы ни за что на свете не пропустила это.

Лон ухмыляется.

— Замечательно. Прошу меня извинить.

Мать смотрит ему вслед, её взгляд устремлен немного дальше на юг, чем подобает настоящей леди.

— Он довольно атлетичный мужчина, не так ли?

"Почему бы тебе тогда не выйти за него замуж?" — думаю я, едва удерживая язык за зубами.

— Идёмте, дамы, — командует нам отец, пересекая вестибюль и направляясь к лифту.

Мама и Бенни проскальзывают в лифт следом за ним, и я остаюсь одна с другой стороны, но даже по настоянию оператора я, кажется, не могу переступить порог. Моё сердце учащается, когда я думаю о песне, о птичке в позолоченной клетке, и затем внезапно моя жизнь проносится перед моими глазами, моё прошлое, настоящее и будущее смешиваются воедино, и одна ужасная правда становится очевидной:

Ни один день не отличается от остальных.

Я буду жить и умру тем же человеком, в той же позолоченной клетке, что и в тот день, когда я родилась, и даже несмотря на то, что я чувствовала правду об этом до этой самой минуты — чувствовала, как она сжимает мне горло посреди ночи, когда я не могла заснуть, — полный эффект не поражал меня до этих пор, пока я не увидела чёткое, визуальное представление этого: мои родители и брат, счастливо устроившиеся в маленькой, тесной кабине лифта, а я по другую её сторону, уверенная, что мне там не место.

Отец прищуривает глаза.

— Аурелия, — бормочет он себе под нос. — Заходи в этот чёртов лифт.

Мужчина с женщиной сходят с лестницы и с любопытством смотрят на нас. Отец улыбается им и говорит:

— Она смертельно боится высоты.

Затем он выходит из лифта и берёт меня за локоть.

— Всё в порядке, милая. Нам недолго подниматься.

— Она могла бы подняться по лестнице, — предлагает оператор.

Отец свирепо смотрит на него.

Мужчина съёживается под пристальным взглядом отца и бросает на меня умоляющий взгляд.

— Мисс?

Я делаю глубокий вдох.

— Всё в порядке.

Отцовская хватка сдавливает мои кости.

— Когда-нибудь я должна преодолеть этот страх.

Я вхожу в клетку, и оператор закрывает за мной дверь.

Я закрываю глаза до того момента, пока она снова не откроется.

ГЛАВА 4

НЕЛЛ

ПРИСТУП ПАНИКИ ПРОХОДИТ, КАК ТОЛЬКО мы входим в вестибюль, как будто э единственное слово — *БЕГИ* — пронеслось мимо меня с океанским бризом, увлекая меня в подводное течение, предназначенное для кого-то другого.

— *Неуместный страх, — говорит доктор Роби, щёлкая ручкой, как метрономом, — очень часто встречается у тех, кто пережил травматический опыт в столь юном возрасте. Чему мы собираемся научиться здесь, так это тому, как контролировать этот страх, чтобы он больше не контролировал тебя.*

— Ну? — спрашивает папа, широко разводя руки. — Что ты об этом думаешь?

Я выбрасываю из головы все мысли о разговорах в кабинете моего терапевта и сосредотачиваюсь на комнате, в которой нахожусь сейчас.

Как дочь человека, помешанного на отелях, я повидала немало вестибюлей. Всё, от недорогих придорожных франшиз до высоток в больших городах, от простых горных домиков до пряничных отелей типа "постель и завтрак". Я видела современные вестибюли с чёткими, чистыми линиями и современные вестибюли, которые смеялись в лицо фэн-шую. Но это...

Это всё равно, что вернуться в прошлое.

Огромное пространство разделено только колоннами, поддерживающими потолок. Вся комната, от богато украшенной стойки администратора до балкона на втором этаже, вплоть до балок, пересекающих потолок в завораживающем ромбовидном узоре, кажется вылепленной из того же тёмного полированного дерева, которое блестит, как янтарь, в тёплом свете настенных бра и старинной люстры, висящей в центре всего этого. Убранство похоже на что-то из сна, и всё, о чём я могу думать, это:

Маме бы здесь понравилось.

Я обхожу комнату, пока папа разговаривает с администратором, и останавливаюсь у пары французских дверей, ведущих в большой сад. Я выхожу на солёный океанский воздух, где вокруг меня возвышаются четыре внутренние стены отеля с балконами и внешними коридорами, а над всем этим дугой простирается квадрат голубого неба.

Сад как из сказки. Старинные железные скамейки стоят под смесью фруктовых деревьев, магнолий и кипарисов, а каменная дорожка вьётся среди множества розовых

кустов и цветущих тропических кустарников. Я иду на звук журчащей воды на другую сторону сада, у каменной стены находится пруд. Из камней торчит львиная морда, из её пасти в пруд льётся струя воды. Рыбки кои шныряют под листьями лилий, их разноцветная чешуя блестит под поверхностью воды, как радуга. Я стою там несколько минут, наблюдаю за ними. Интересно, беспокоятся ли они когда-нибудь о вещах, которые они не могут контролировать, например, о том, что кто-то забудет их покормить, или вода испарится, и они задохнутся от окружающего их воздуха.

Поднимается ветер, принося с собой аромат цветущих лимонов. Я поворачиваюсь и направляюсь обратно тем же путём, которым пришла, останавливаясь на полпути к вестибюлю, когда мой взгляд падает на лимонное дерево, одиноко стоящее на лужайке. Я иду по влажной лужайке и прижимаюсь носом к цветам. Моё сердце сжимается от свежего цитрусового аромата, точно так же, как это происходит всякий раз, когда я чувствую запах любимых цветов мамы или её духов на другой женщине. Но мы никогда не жили в достаточно тёплом месте, чтобы мама могла выращивать лимонные деревья, а её духи пахли жасмином и ванилью, а не цитрусовыми цветами, так что я понятия не имею, почему я чувствую то же самое душераздирающее чувство близости к чему-то, что не имеет к ней никакого отношения.

Хмуро глядя на дерево, я заправляю волосы за уши и возвращаюсь в вестибюль.

Слева от меня, сразу за золотой клеткой лифта, широкая роскошная лестница поднимается на второй уровень, по которой спускается группа женщин, одетых в одежду, которую я видела только на обложке *"Вог"*. Я опускаю взгляд на джинсы, которые ношу уже три дня, и на свой любимый свитер, на манжете которого теперь пятно от кетчупа из-за тех чудовищных бургеров, которые мы купили в Нэшвилле. Натягивая манжету на ладонь, я прохожу мимо лестницы к высоким закрытым двойным дверям, выполненным из того же тёмного дерева, что и всё остальное. Над дверью золотыми петляющими буквами выгравировано *"Бальный зал"*.

Струнная музыка доносится сквозь деревянный шов.

Песня до боли знакомая. Я напеваю несколько нот, подходя ближе, мой голос поднимается и опускается вместе с торжественной мелодией, которая сплетается вокруг моего сердца, но я не могу вспомнить, откуда я её знаю. Нахмурившись, я хватаю телефон и открываю "Поиск песен", но когда я подношу телефон к дверям, мелодия звенит вокруг меня, как дождь, а на экране появляется большой красный крест вместе с сообщением:

"Музыка не найдена. Попробуйте снова".

Я оглядываюсь на стойку регистрации. Папа всё ещё разговаривает с женщиной за стойкой, без сомнения, узнавая историю её жизни. Он всегда был хорош в таких делах. Я окидываю взглядом вестибюль, но никто не смотрит, и хотя я не уверена, что должна, я хватаюсь за ручку и тяну.

Дверь открывается. Я ещё раз оглядываюсь через плечо, затем прокрадываюсь внутрь.

Войти в бальный зал — всё равно, что войти в собор. Куполообразный потолок, выполненный из того же тёмного дерева, что и всё остальное, изгибается надо мной завораживающим узором из звёздных вспышек. Четыре хрустальные люстры простираются по всему протяжению, освещая пространство, которое кажется — по крайней мере, в его почти пустом состоянии со стоящим посередине лишь кем-то брошенным пылесосом, — длиной примерно с футбольное поле.

Пусто.

Никакого струнного квартета, хотя музыка продолжает мерцать в воздухе.

Я шагаю дальше в помещение, мои туфли мягко стучат по бело-голубому викторианскому ковру. Иду мимо небольшой сцены, где мог бы выступать струнный квартет, и через танцпол к длинному ряду окон на другой стороне зала. Окна выходят на листву парадного входа, а за ним — на длинную гравийную дорожку, которая привела нас сюда, вдоль которой, насколько хватает глаз, растут деревья, покрытые призрачными серыми лентами испанского мха, мягко покачивающимися на ветру.

Музыка нарастает, проникая сквозь меня, как ток, но я не вижу никаких очевидных динамиков. Я иду на шум обратно к сцене в центре зала, полагая, что звуковая система, должно быть, спрятана где-то там.

Я снова достаю телефон. Появился значок поиска, а затем приложение гудит, показывая мне всё тот же красный X.

— Впечатляет, не так ли?

Я подпрыгиваю.

Женщина лет тридцати с небольшим с густыми каштановыми волосами и неестественной улыбкой стоит позади меня, за очками в черепаховой оправе её глаза круглые, как стеклянные шары.

Я прижимаю руку к сердцу.

— Извините, я... я не должна быть здесь?

Она отмахивается от моего беспокойства.

— Тут просто готовятся к конференции. Никакого вреда, никакой грязи, — она протягивает мне руку. — Я София Морено. Генеральный менеджер отеля.

Я пожимаю ей руку.

— Эм, Нелл, — говорю я. — Нелл Мартин.

— Я знаю, кто ты.

Она произносит эту фразу, словно знает больше, чем просто моё имя, и я немного ёжусь под её совиным взглядом.

Она всё ещё не отпускает мою руку.

— Нелл? — голос папы эхом доносится от двери.

— Она здесь, — отзывается София, хотя и не сводит с меня глаз. Она наклоняется ко мне, как будто делится секретом. — Мы искали тебя.

— Да, — я поворачиваюсь и вырываю свою руку из хватки Софии. — Простите.

Папа выгибает бровь, когда подходит ближе.

— Что ты здесь делаешь?

— Э-э... исследую?

Папа смотрит на меня *тем самым взглядом*. Которым говорит, что мы оба знаем, что меня воспитали лучше, чем врываться в закрытые двери.

София прочищает горло.

— Я подумала, что сначала покажу вашу комнату и дам вам возможность освоиться перед экскурсией.

— Звучит здорово, — говорит папа.

Она вручает нам ключи от номера, её окрашенные в неоновую-оранжевый цвет ногти ослепительно сверкают в свете люстр. Я провожу большим пальцем по квадратной карточке. На лицевой стороне изображен "Гранд", освещенный ночью огромными старомодными лампами — ещё один ключ в мою коллекцию.

— Следуйте за мной, — говорит София.

Она выводит нас из комнаты и останавливается перед пустой клеткой лифта.

— Он будет через минуту, — говорит она, улыбаясь папе.

По сигналу над нами жужжат невидимые шестерни и шкивы, а затем появляется нижняя часть лифта. Лифт опускается в клетку и с лязгом останавливается. Внутренняя дверь клетки отодвигается, а затем появляется рука в белой перчатке, открывающая наружные двери. Семья из четырёх человек выходит из лифта, самый маленький мальчик несёт крошечное пляжное ведёрко и лопатку. Проходя мимо, они улыбаются и кивают нам, а потом в клетку лифта заходит папа.

— Добрый день, сэр, — говорит оператор, его пушистые белые волосы выются по краям шляпы, как сахарная вата. — Наверх?

— Да, пожалуйста, — отвечает папа.

Я зависаю на краю клетки. Я говорю себе, что нужно войти, но что-то не так. Мои внутренности нервно скручиваются, когда я смотрю в крошечное пространство. Папа вопросительно глядит на меня, и я чувствую, как глаза Софии прожигают дыры в моём позвоночнике, но в голове совершенно пусто.

Я не могу вспомнить, как двигаться.

Папа хмурит брови.

— Всё в порядке?

Неуместный страх. Вот и всё, что это такое.

— Да, — говорю я, заставляя себя улыбнуться, когда вхожу в клетку, София следует за мной. — Всё в порядке.

— Какой этаж? — спрашивает оператор.

— Четвёртый, пожалуйста, — отвечает София.

Старик кивает и закрывает кабину лифта. Он нажимает кнопку, и шестерни над нами скрежещут. Лифт поднимается с мягким, *журчащим свистом*.

Глубокий вдох.

Пока мы поднимаемся, папа заводит светскую беседу с оператором, спрашивая его, откуда он и как долго работает в "Гранде", но их голоса звучат приглушенно, как будто они разговаривают под водой. Мой взгляд скользит по потолку движущейся золотой клетки, который внезапно кажется на тридцать сантиметров ниже, чем был, когда мы вошли.

София замечает, что я смотрю на него снизу вверх.

— Всё в порядке? — шепчет она.

Я сглатываю.

— Да, просто... тесновато.

Мы проезжаем второй этаж, и потолок снова снижается.

Я могла бы протянуть руку и прижать к нему ладонь.

"Дыши, — говорю я себе. — Просто дыши".

Я закрываю глаза и прокручиваю в голове упражнения доктора Роби, называя эту галлюцинацию тем, чем она является на самом деле: клаустрофобией, вызванной стрессом и усталостью от переезда, а также страхом, что с папой здесь будет не всё в порядке.

"Потолок находится именно там, где и должен быть. Ничего из этого не реально".

Что-то скрипит, как поворачивающийся кран.

Я открываю глаза.

Один из декоративных золотых завитков медленно отделяется от клетки. Его острые

края сверкают, как металлические зубы, в свете верхнего света, когда он поворачивается.

Я наклоняю голову.

— Э...э, ребята...

Металл вырывается, щёлкая по моей руке. Я вскрикиваю и прижимаю руку к порезу, кровь пузырится на поверхности.

Папа поворачивается ко мне.

— Нелл? Что случилось?

— Моя рука...

Я поворачиваю её, ища царапину, но там ничего нет.

Даже красной метки нет.

Я ищу острый изгиб металла, торчащий из стены, но клетка совершенно цела, потолок там, где ему и положено быть. Я осматриваю лица папы, Софии и оператора в поисках любого признака того, что они видели то же самое, что и я. Но все они смотрят на меня так, будто я здесь нечто из ряда вон выходящее.

У меня пересыхает во рту.

"О, Боже. Только не снова".

Когда оператор, наконец, говорит "четвертый этаж" и открывает двери лифта, я выхожу первой. Я жду, пока папа и София последуют за мной, положив руки на колени и хватая ртом воздух.

Я вижу, как папины ботинки появляются рядом с моими. Он обнимает меня за плечи.

— В чём дело? Поговори со мной.

— Укачало, — говорю я, потому что не могу сказать ему, что вижу то, чего на самом деле нет.

Я делаю ещё один глубокий вдох, а затем выпрямляюсь.

— Теперь я в порядке.

Папа не выглядит убежденным, но София уже уходит, ведя нас в один из залитых солнцем коридоров, выходящих во внутренний сад. Я следую за ней и папой за угол, сжимая пальцами лямки рюкзака.

Думаю, я в порядке. Всё в порядке.

Но моя рука всё ещё горит там, где порезал металл.

ГЛАВА 5

ЛИЯ

КАК ТОЛЬКО МАМА ЗАКРЫВАЕТ дверь нашего номера, отец ругает меня из-за лифта за то, что я выставляю его таким дураком перед Богом и всеми остальными. Мама, которая всегда отводит глаза, когда отец наказывает Бенни или меня, комментирует, какая у нас прекрасная гостиная и как хорошо, что есть веранда с видом на пляж. Она выходит на закрытый балкон вместе с Бенни и его няней, полностью игнорируя твердую хватку, которой отец сжимает мою руку.

— Больше нет смысла бороться с этим, Аурелия. Мы сейчас здесь, и если ты будешь вести себя так, будто ты не в *восторге* от этой свадьбы, да поможет мне Бог, я...

Но я не получаю шанса услышать, что он будет делать. Его речь прерывается стуком в дверь.

Я вырываю руку из его хватки.

— Я открою.

Он стискивает зубы, но отпускает меня.

Я провожу рукой по рукаву, разглаживая ткань, и открываю дверь.

Первое, что я вижу, это шея — очень загорелая шея с острым кадыком — и кусочек ключицы, выглядывающей из-под накрахмаленного белого воротничка. Под воротником — униформа коридорного, которая выглядит так, как будто её наспех сшили всего несколько минут назад, пиджак перекосялся из-за неправильно расположенных отверстий для пуговиц. Мой взгляд возвращается к шее, к воротнику рубашки, а затем выше, к сильной квадратной челюсти, острым скулам и губам, которые изгибаются в очаровательной полуулыбке. Прямые тёмные волосы свисают на виски коридорного, обрамляя его тёмные брови. И эти глаза...

Я никогда не видела таких голубых глаз, напоминающих два сапфира, и совершенно чистых, без вкраплений разного цвета или слегка отличающихся оттенков между ними. Так не похоже на мои карие глаза, в которых смешиваются оттенки коричневого и зелёного. Но завораживает не только цвет, хотя я уверена, что никогда не видела неба таким голубым. Это то, как его глаза морщатся и смягчаются, когда он смотрит на меня сверху вниз. В этих глазах есть что-то безрассудное и почти опасное.

Нечто *большее*.

— Мисс Сарджент? — спрашивает коридорный.

Я прочищаю горло.

— Да?

— У меня багаж вашей семьи.

Он указывает налево, где стоит тележка для багажа.

— О, точно.

Я насчитываю четыре чемодана, и мой хмурый взгляд становится ещё более глубоким.

— Это не всё.

Это просто наблюдение — мама часто обвиняет меня в том, что я думаю вслух в самое неподходящее время, — но я не понимаю, что слова могут звучать обвиняюще, пока они уже не слетают с моих губ, как будто я подозреваю его в том, что он сбежал с остальными.

— Нет, это не всё, — соглашается коридорный. — Кто-то ещё поднимает остальные, но двое работников не смогли бы поместиться в лифте, не так ли?

— Конечно, нет, — говорю я. — Глупая я.

Он вежливо улыбается.

— Вообще нет. Я был бы очень обеспокоен, если бы не увидел, что все мои вещи учтены.

— Вы слишком добры. Заходите.

Я отступаю в сторону, чтобы он мог проскользнуть мимо меня. Затем, передумав, я снова прыгаю перед ним.

— Подождите.

Он наклоняет голову, его губы кривятся в ещё одной ухмылке.

— Ваша униформа, — объясняю я. — Она довольно растрёпанная.

Он смотрит на себя и тихо ругается.

— Пожалуйста, простите мой внешний вид.

— Я не возражаю, — быстро говорю я, пока он не понял неправильно.

Я наблюдаю, как его пальцы порхают по пуговицам, расстегивая пиджак, а потом

быстро перевожу взгляд на точку на стене над его плечом.

— А вот мой отец...

— Он не одобряет несовпадающие пуговицы?

— Не совсем.

Он снова застегивает куртку, на этот раз как следует.

— Вы что, только начали свою смену? — спрашиваю я. — Или только что вернулись с перерыва?

Он опускает воротник.

— Не совсем, — говорит он, передразнивая мои слова с огоньком в глазах. — Видите ли, вообще-то я не коридорный.

— О?

— Я бегун, — объясняет он. — Я могу выполнять почти любую работу на месте — ну, во всяком случае, любую работу, которая не требует высшего образования, — поэтому я иду туда, где я нужен. Я только что закончил чистить картошку на кухне, а сегодня утром катался на кэдди на поле для гольфа.

Я прислоняюсь плечом к дверному косяку.

— Ну, тогда. Должна сказать, я впечатлена.

Он проводит руками по брюкам, разглаживая ткань, затем расправляет плечи, идеально имитируя солдата, проходящего инспекцию.

— Лучше?

— Намного.

Он расслабляется.

— Спасибо. Правда. Вы спасли меня от полного смущения и, вполне возможно, от понижения в должности. Я у вас в вечном долгу.

— Осторожнее, — говорю я, моя улыбка становится шире. — Я могу попросту поймать вас на слове.

Его бровь выгибается.

— Я надеюсь, что именно так вы и сделаете.

Я смотрю на него ещё мгновение, не совсем уверенная, что о нём думать, затем отступаю от двери и объявляю:

— Наши чемоданы прибыли.

— Их только четыре, — говорит коридорный, который на самом деле является бегуном, подмигивая мне и проходя мимо, толкая перед собой тележку, — но пока мы разговариваем, другой коридорный несёт остальные.

Отец вздыхает и достаёт бумажник, который выглядит намного тоньше, чем я привыкла его видеть. Он суёт парню в руку долларовую купюру.

— Вы двое должны поделить это, ясно?

— Да, сэр, — отвечает он.

Я прижимаюсь к стене, пока парень заносит наши чемоданы, расставляя их по спальням, которые мама уже выделила каждому из нас. Год назад горничная уже ждала бы, чтобы разобрать мои вещи, но я уверена, что справлюсь сама.

Закончив, парень берёт свою теперь уже пустую тележку и направляется к двери, но отец останавливает его.

— Как тебя зовут?

— Алек, сэр, — говорит он, поворачиваясь назад. — Алек Петров.

Отец прищуривает глаза.

— Я спрошу вашего менеджера о вас, мистер Петров, и поделились ли вы чаевыми с другим мальчиком.

Алек сводит челюсть.

— Очень хорошо, сэр.

Он отвечает последний поклон, его взгляд ещё раз скользит по мне. Затем он вкатывает свою тележку в холл и закрывает за собой дверь.

Я свирепо смотрю на отца.

— Что, по-твоему, он собирался сделать? Оставить без чаевых того парня?

Отец выгибает бровь.

— Язык, моя дорогая. Я не хочу, чтобы Лон думал, что мы нашли тебя на ферме в Канзасе.

О, нет. Я не позволю ему так легко сорваться с крючка.

— Ну, так и есть?

Он бросает на меня многозначительный взгляд.

— Иногда я забываю, насколько ты наивна, Аурелия. Парни его возраста, в его положении... они могут быть совершенно дикими.

Я качаю головой.

— Ты даже не знаешь его.

— А ты?

— Нет, но я предпочитаю давать людям кредит доверия.

Отец смотрит на меня ещё мгновение, затем тихо смеется.

— Одевайся. Лон ждёт тебя в столовой через полчаса.

Я хочу спросить его, будет ли *всё* моё лето теперь зависеть от различных прихотей Лона, но, конечно, я уже знаю ответ.

ГЛАВА 6

НЕЛЛ

СОФИЯ ВЕДЁТ НАС ПО НЕСКОЛЬКИМ извилистым, обходным коридорам, которые кажутся, тянутся бесконечно, с короткими ответвлениями, ведущими только в одну или две гостевые комнаты в каждом секторе. Слава Богу, что на стенах висят таблички. Даже с ними я не знаю, смогу ли самостоятельно найти дорогу обратно к лестнице, но я ни за что не воспользуюсь этим лифтом снова.

София сворачивает в коридор, который ведёт к двум дверям.

— Вот мы и пришли.

Она просовывает свою универсальную ключ-карту в дверь слева от нас.

— Дом, милый дом.

Наша комната вдвое длиннее, чем в ширину, с большой ванной комнатой, гардеробной, двумя двуспальными кроватями и высокими окнами с белыми ставнями. Два окна открывают вид на покрытую патиной зелёную крышу раскинувшегося отеля, а окна вдоль дальней стены выходят на декоративные балконные перила, наполовину скрытые массивным деревом, ветви которого достаточно близко, чтобы поцарапать окно при хорошем порыве ветра, а его зелёные листья падают, как занавес, на пол французского балкона

пятнадцатисантиметровой ширины. Я занимаю кровать рядом с балконными окнами и кладу рюкзак на мягкое пуховое одеяло.

Наш багаж ещё не прибыл, и поскольку у нас нет одежды, чтобы переодеться, и нечего развешивать в шкафу, папа говорит Софии, что мы хотели бы отправиться на экскурсию прямо сейчас.

Она хлопает в ладоши.

— Чудесно!

Я засовываю ключ-карту в задний карман, закрываю за собой дверь и иду за ними до конца коридора. София останавливается перед входом в главный коридор, поворачивая к узкой лестнице, которую я не заметила раньше.

— Может быть, мы начнём сверху и спустимся вниз? — спрашивает она.

Папа кивает.

— По-моему, звучит неплохо.

Поскольку папа будет заниматься взаимоотношениями с гостями, София говорит, что важно, чтобы он как можно быстрее изучил планировку отеля, на случай если в одном из номеров возникнет какая-либо чрезвычайная ситуация. Я пытаюсь не отставать от их разговора, пока мы пробираемся по узким коридорам пятого этажа — коридорам, которые, по словам Софии, когда-то принадлежали горничным и лакеям, для которых "Гранд" стал постоянным местом пребывания, — но моё внимание продолжает переключаться на вид из окон, выходящих на пляж и пальмы с одной стороны, а с другой — на гравийную дорожку перед зданием и поросшие мхом кипарисы.

Я рассеянно размышляю, слыша, как скрипят половицы под моими ногами, каково это было ходить по этим коридорам сто лет назад. Я почти вижу это. Другой ковёр — менее современный, хотя и не такой модный, как ковры, которые использовались бы на нижних этажах, — и более свежая краска на стенах. И затем, используя знания о тяжёлом периоде времени, события которого я представляю, я воображаю мужчину, который, перед моим мысленным взором, движется по коридору ко мне, одетый в коричневые брюки и белую рубашку под коричневым жилетом и коричневым пиджаком в тон. Он улыбается мне и приподнимает свою кепку газетчика, когда мы проходим мимо друг друга.

— Мисс, — говорит мой воображаемый знакомый.

Картинка кажется очень реальной, этот человек и это приветствие, и этот участок пространства, который существует уже более ста лет, с тысячью людей, прошедших через него за это время. Как будто воздух тяжёл от их присутствия, каждый год и каждый гость накладываются друг на друга, всё происходит в одном и том же месте, стоит на одних и тех же этажах, окружено одними и теми же стенами.

Единственное, что нас разделяет, это время.

Я протягиваю руку к тому месту, где мужчина, которого я вообразила, прошёл мимо меня.

Даты и факты истории — сражения, документы и правительства — никогда настоящему не привлекали меня, но фотографии, лица, смотрящие на меня с чёрно-белых снимков, всегда заставляют меня останавливаться и удивляться:

Какова ваша история?

Как вы жили?

Как вы умерли?

Это увлечение стало лишь сильнее после мамы, потребность познать смысл всего этого

только растёт. Во мне кипит жгучее желание увидеть, как нити человечества переплетаются на протяжении веков, и каким-то образом понять, что всё это значило.

Папа окрикает меня по имени из конца коридора. Я опускаю руку, пылинки мерцают, как золотые снежинки на солнце, и спешу догнать отца.

— А эта лестница, — говорит София, — ведёт к нашей самой высокой башне.

— Мы можем подняться наверх? — спрашиваю я, рукой сжимая перила.

София качает головой.

— Здесь крайне темно и не очень чисто. Туда больше никто не ходит, и в целях страховки мы держим её запертой. Извини.

— Всё в порядке, — говорю я, хотя не могу скрыть разочарования в своём голосе.

Мы продолжаем наш обход по другим гостевым этажам, проходя ещё несколько лестничных пролётов, а это означает, что мне больше никогда не придётся подходить к лифту, если я этого не захочу. Коридоры расширяются по мере того, как мы спускаемся, пока не достигаем второго этажа, где расположены самые широкие коридоры на сегодняшний день. Если бы папа, София и я стояли рядом друг с другом, вытянув руки, мы могли бы охватить весь главный коридор, но я не хочу портить профессиональное настроение нашей экскурсии проверкой моей теории. София говорит нам, что на протяжении многих лет на этом этаже останавливались самые богатые и важные гости.

Вдоль стен стратегически расставлена оригинальная для здания антикварная мебель, в том числе длинные изящные диваны с бархатными подушками и трехметровые зеркала с херувимами и плющом, выступающим из деревянных рам. Вид этих предметов только усиливает ощущение сосуществования прошлого с настоящим, и что-то в этом заставляет меня чувствовать себя неуютно, как будто часть меня отпечатывается на стенах, глубоко проникает в половицы, добавляя частичку моей души в это место, как и тысячи других, которые были здесь до меня.

Интересно, папа тоже это чувствует?

Я стою перед одним из зеркал, а София и папа смотрят на сад. Стекло покрыто чёрными пигментными пятнами. Херувимы смотрят на меня сверху вниз, пока я рассматриваю своё отражение.

Кто ещё стоял перед этим зеркалом на протяжении многих лет?

В моём сознании мелькает образ девушки в розовом атласном бальном платье, которая кружится и смеется. Я тянусь к ней, мои пальцы касаются стекла. Её улыбка становится шире, а смех звенит в моих ушах, как падающий хрусталь. Её губы произносят мое имя — *Нелл*, — и я чувствую, как её мягкое дыхание шепчет на моих костяшках пальцев.

Кончики моих пальцев погружаются в стекло.

— Нелл.

Я убираю пальцы и смотрю на папу, стоящего в другом конце коридора.

Он одаривает меня озадаченной улыбкой.

— Идешь?

Я поворачиваюсь обратно к зеркалу, но там нет никаких признаков девушки, и стекло твёрдое под пальцами.

Мама всегда говорила, что у меня сверхактивное воображение, но она всегда говорила это так, как будто это было хорошо, что-то, чего я никогда не должна терять. Доктор Роби сказал то же самое, используя это для объяснения кошмарных видений, которые я начала видеть после её смерти, но он говорил об этом так, словно это было плохо, что-то, что я

должна была отбросить и никогда больше не подбирать.

Тем не менее, я держалась за своё воображение на начальных этапах лечения, потому что мама говорила мне об этом, потому что я знала, что она думала, что это делает меня особенной, и потому что центральной темой каждого из моих видений была она. Но прошло совсем немного времени, прежде чем я поняла, что поправляться ради папы важнее, чем повсюду видеть маму. Видения исчезли быстрее, как только я начала заставлять себя сосредоточиться на реальности, а затем, мало-помалу, они исчезли полностью.

Или, по крайней мере, я так думала.

"Ты просто недосыпаешь", — говорю я себе тем же логичным голосом, который помог мне пройти через всё это в первую очередь. — *"Ты с папой проехала через всю страну. Тебе позволено быть немного не в своей тарелке"*.

"Ты всё ещё знаешь разницу между тем, что реально, а что нет".

Мы заканчиваем нашу экскурсию по второму этажу в галерею с видом на вестибюль.

— Раньше здесь днём сидели женщины — объясняет София, когда мы выглядываем с балкона. — Они наблюдали за гостями, входящими в вестибюль, пока пили чай. Отсюда, сверху, они могли наблюдать каждую личную драму, которая проходила через парадные двери, как в мыльной опере девятнадцатого века.

— Очаровательно, — говорит папа, и ямочки на его щеках становятся глубже, чем я когда-либо видела раньше.

Я не видела папу таким счастливым уже четыре года, и от этого всё внутри меня переворачивается. Я не хочу быть причиной того, что он здесь несчастлив. Что бы со мной ни происходило — рецидив, ломка, паранойя, вызванная истощением, — мне нужно преодолеть это, ради папы.

Затем София показывает нам залы для завтраков и ужинов, а затем сувенирный магазин, где продаются сувениры на тематику "Гранда", в том числе фотографии Лотти Чарльстон, кинозвезды 1930-х годов, которая часто посещала отель.

— А это, — говорит София, ведя нас в коридор, увешанный чёрно-белыми фотографиями, — наша Стена истории.

Изображения были увеличены и смонтированы на холстах в почти натуральную величину. На одном снимке группа мужчин и женщин в викторианской одежде стоят перед садом, а перед ними вывеска с надписью "КЛУБ САДОВОДСТВА ОСТРОВА УИНСЛОУ". На другом группа женщин с прическами и тёмным макияжем глаз звёзд немого кино загорает на пляже. На другом Лотти Чарльстон в блестящем чёрном платье и меховом палантине поёт в старомодный микрофон, в то время как на фотографии рядом с ней Тедди Рузвельт сидит на крыльце "Гранд Отеля" с собакой у его ног.

Но фотография, которая действительно привлекает моё внимание, была сделана в бальном зале. Судя по женским платьям в стиле "нью лук", я бы предположила, что снимок был сделан примерно в 1950-х годах. Над танцующими парами сияют старомодные лампочки люстр, как большие звёзды, яркость и волнение той ночи сохранились для поколений одним щелчком затвора.

Я могла бы часами смотреть на них, на эти беззаботные, улыбающиеся лица, но папа и София уже идут обратно по коридору, да и другие гости хотят посмотреть на фотографии, поэтому я разворачиваюсь и следую за ними.

На заключительном этапе нашего обхода София ведёт нас по набережной магазинов, в которых продаётся всё: от дизайнерских солнцезащитных очков, сумочек, украшений и

одежды до конфет, выпечки и детских пляжных игрушек. София заканчивает свой тур посещением ресторанов отеля, а затем посещением бассейна, и только потом ведёт нас на пляж.

Я оставляю папу и Софию на бетонной дорожке, когда они заканчивают обсуждать папины обязанности. Прохладный бриз налетает на бьющиеся океанские волны, обещая ещё более холодную воду, но мне всё равно. Я не была в океане с лета перед седьмым классом, когда папа устроился на временную работу в "Аутер-Бэнкс".

Пришло время ещё раз сказать привет.

Я снимаю балетки, закатываю джинсы и позволяю нагретому солнцем песку просачиваться между пальцами ног, пока пробираюсь к линии прилива. Солнце скользит по небу, окрашивая воду нежными, огненными мазками, словно кистью. Дальше по пляжу от меня мать держит за руку визжащую дочь, пока они ждут возвращения воды. Маленькая девочка засовывает руку в рот и прыгает вверх-вниз, надеясь, что мать поймает её, если прилив попытается утащить её.

Я остаиваюсь у кромки воды, закрываю глаза и жду, когда холодная Атлантика поглотит мои ноги.

"И вот мы здесь, мама. Мы сделали это".

Вода стекает по моей коже, поднимается по лодыжкам, касается икр и закатанных джинсов.

"Хотела бы я, чтобы ты была здесь".

Мои глаза горят, поэтому я снова открываю их и стискиваю зубы, пока это чувство не проходит. Я ставлю ноги в пяти основных положениях, расправляя бёдра и выпрямляя позвоночник, когда вода снова отходит от меня. Знакомые позы сосредотачивают меня, прогоняя слёзы и плохие мысли, а также причину, по которой мы не полетели сюда — причину, по которой я никогда больше не полечу, — пока не кажется, что их никогда и не было.

Когда я заканчиваю, я отворачиваюсь от горизонта и пытаюсь сфокусировать взгляд на папе и Софии, но масштаб отеля доминирует в поле моего зрения, лишая меня дыхания. Всё остальное — каждый гость, слоняющийся по пляжу, садам и патио, каждая скамейка, дерево и замок из песка — исчезает, поскольку единственное, что я вижу, это викторианский дворец, бесчисленные сверкающие окна которого смотрят на меня в оранжевом сиянии заходящего солнца.

* * *

По нашей традиции, в день переезда мы с папой заказываем пиццу в номер на ужин и едим, распаковывая вещи. Большая часть наших вещей находится на складе, пока мы не найдём квартиру, и вскоре его костюмы выстраиваются в ряд в левой части шкафа. Я кладу свои джинсы, футболки, толстовки и танцевальную одежду на правую сторону.

— Знаешь, — говорит папа, когда я запикиваю свой пустой чемодан в дальнюю часть шкафа, — вполне возможно, что это последний раз, когда мы въехали в такой гостиничный номер. Я не планирую устраиваться на работу куда-либо ещё.

— Знаю, — говорю я. — Разве ты не всегда так планировал? Работать здесь до самой смерти?

— Ну, может быть, не до самой смерти, — папа смеётся. — Но, само собой, до тех пор,

пока я не уйду на пенсию.

Я закрываю дверцу шкафа и беру третий кусок пиццы.

Папа прочищает горло.

— Я просто хотел убедиться, что ты в курсе, что на этот раз мы никуда не двинемся. Мы задержимся на месте на некоторое время.

Я сажусь, скрестив ноги, на край кровати и смотрю на него, не совсем понимая, к чему он клонит.

— Я знаю.

— И, — он чешет затылок, — чтобы ты не чувствовала, что тебе нужно держаться на расстоянии от людей. Ты можешь завести здесь друзей, принять участие в жизни сообщества. Может быть, начнёшь думать о своём будущем, например, о том, в какой колледж ты хочешь поступить.

Я игнорирую первый комментарий о том, чтобы завести друзей, и сосредотачиваюсь на том, на который у меня есть ответ.

— Я уже начала думать об этом. Я провела кое-какие исследования в местных колледжах и танцевальных труппах. У Чарльстона весьма отличная репутация балетного театра, и до него всего тридцать минут езды на пароме.

— Замечательно, — говорит папа.

Он подходит к шкафу, вешает галстуки.

— Но по всей стране есть много уважаемых трупп. Мне бы не хотелось видеть, как ты рассматриваешь план только с одним городом.

— Мы только что приехали, а ты уже выгоняешь меня? — мой тон лёгкий и дразнящий, но его слова кажутся предательством.

Папа качает головой.

— Конечно, нет, Нелли Би. Я просто не хочу, чтобы ты чувствовала, что должна планировать всё своё будущее вокруг меня. Сейчас мне гораздо лучше.

Если это правда, то хоть одному из нас теперь лучше.

— Я просто хочу увидеть, как ты начнёшь больше проявлять себя, — продолжает он. — Раньше ты была такой общительной. Мы с твоей мамой постоянно пытались обуздать тебя...

Он делает паузу, и я знаю, что он думает о ней, видит её в каком-то воспоминании, которое принадлежит ему одному.

— Я думаю, что пытаюсь сказать, что тебе нужно вернуться в мир, сладкая горошинка. Пришло время.

ГЛАВА 7

ЛИЯ

ПОСЛЕ ДОЛГОГО ОБЕДА, во время которого Лон говорил только о своих делах, экскурсии по территории, во время которой Лон говорил только о бесчисленных летних каникулах, которые он провёл на острове Уинслоу на протяжении всей своей жизни, я возвращаюсь в свою комнату, чтобы переодеться к ужину и подготовиться к тому, чтобы пройти через то же испытание по-новому.

Мама помогает мне переодеться в изумрудное атласное бальное платье с накладкой из чёрного кружева, меняя мой дневной корсет на ещё более плотный вечерний. В то время как

большая часть наших дорогих вещей была (тайно) продана на аукционе, всё, что могло привлечь внимание Лона, было оставлено. И если мама носит платья прошлого сезона, а отец неуклюже чинит дыру в шве своего смокинга, то я привезла с собой три сундука, полностью набитых совершенно новыми платьями от "Модного дома Уорта"¹, хотя и настаивала, что в них нет необходимости. Хотя я бы предпочла, чтобы Бенни получил несколько подарков на день рождения в этом году, вместо того чтобы тратить все оставшиеся у нас деньги на поддержание привлекательного внешнего вида.

— Мы подарим Бенни сотню подарков, как только ты выйдешь замуж, — сказал мне отец однажды вечером после того, как я высказала ему о нелепом способе, которым он решил потратить наши оставшиеся финансы. — *Двести*, если хочешь. Но сейчас главное это *ты*, так что веди себя как нормальная девушка и наслаждайся дополнительным вниманием, ладно?

Я вижу Бенни всего мгновение, ровно столько, чтобы узнать, что он провёл день на пляже, выискивая ракушки, и Мадлен тут же уводит его обедать в детскую столовую. Он кажется таким счастливым здесь, его опыт очень отличается от моего.

Как только мама собирает мои кудри в модную причёску (единственную, в которой горничная считала её искусной до того, как её вынудили уйти на новую работу), а отец в тысячный раз заверил нас обоих, что "всё это окупится, как только Лон и Аурелия поженятся", мы направляемся в столовую.

Родители пользуются лифтом.

Я иду по лестнице.

Я останавливаюсь на галерее второго этажа, обхватываю руками крепкую дубовую балюстраду и смотрю вниз, в вестибюль, на мужчин во фраках и женщин в драгоценностях, которые собираются вокруг пальм, стоящих в горшках, а официанты в ливреях ходят вокруг них с подносами шампанского. Я задаюсь вопросом, в каком-то отдалённом, сомнительном смысле, а достаточно ли высоко падение, чтобы убить.

Вздыхнув, я поворачиваюсь и направляюсь к лестнице. Родители ждут меня внизу, вместе с Лоном и его родителями.

— О, дорогая, — зовёт мама. — Смотри, кого мы нашли.

— ...ужасно боится лифтов, знаете ли, — подслушиваю я, как отец объясняет мистеру и миссис вон Ойршот.

Лон предлагает мне свою руку.

— Может, нам войти?

Я кладу руку на его и улыбаюсь, хотя на самом деле ничего не говорю, опасаясь, что слова "Зачем? Чтобы ты наскучил мне ещё больше своими невыносимыми историями?" слетят с моего языка.

Столовая, которая была впечатляющей в середине дня, выглядит ещё более впечатляюще при полном свете электрических ламп. Панели из красного дерева на стенах впитывают янтарное сияние, которое становится ещё теплее из-за темноты, сгущающейся за окнами. Столы застланы такими белоснежными скатертями, что напоминают мне свежий филадельфийский снег. Струнный квартет стоит на одном из балконов, выходящих в зал, и играет нам "Грёзы" Дебюсси.

Лон взял на себя смелость забронировать один общий стол для наших двух семей на всё лето, гарантируя, что я никогда не смогу поужинать без него. Это крайне неприятный сюрприз, хотя, полагаю, со временем мне придётся привыкнуть делить с ним каждую

трапезу.

Всё идет так хорошо, как и следовало ожидать — еда, по крайней мере, вкусная, и я могу притворяться, что интересуюсь в политиканстве моего будущего тестя с лучшими из них, до тех пор, пока внезапно всё перестает быть таковым.

Я горжусь своей способностью никогда не показывать своих истинных эмоций, никогда не выставлять, насколько невыносимо скучна или самонадеянна моя нынешняя компания, но сегодня их высокомерие и жестокое остроумие душат меня. Вся комната кажется душной, до краёв заполненной мужчинами и женщинами, поглощёнными своим богатством и властью. Они смеются, хихикают и судят обо всём и обо всех так, что сами себе кажутся безупречными. Мне стыдно признаться, что когда-то это был мой мир, что я оказалась такой же самонадеянной и влиятельной, как и многие из них, хотя я никогда по-настоящему не делала ничего примечательного в своей жизни.

Я не уверена, когда произошла эта перемена (думаю, примерно, как и предложение о замужестве), но мне становилось всё труднее вести себя так, будто мне небезразличен этот мир и эти люди — эти ходячие, говорящие банковские счета, которые обратили бы на меня осуждающий, яростный взгляд, если бы знали мои истинные чувства. Как будто я была здесь посмешищем, а не они.

У меня начинает болеть голова, а мышцы напрягаются, когда самодовольное хихиканье и напыщенные комментарии эхом отдаются в ушах. Кажется, мне не хватает воздуха.

— Милая, — шепчет мама. — Ты в порядке?

— Не очень, — отвечаю я.

Официант ставит передо мной четвертое блюдо — говяжье филе, которое минуту назад казалось восхитительным, но от запаха у меня сводит живот. Я резко встаю, ударяясь коленом о стол.

Все взгляды обращены на меня.

— Прошу прощения, — бормочу я. — У меня немного болит голова. Все эти путешествия, вы же знаете. О, пожалуйста, не вставайте, — я жестом прошу всех мужчин сесть обратно. — Мне просто нужно отдохнуть. Пожалуйста, извините меня.

Отец свирепо смотрит на меня, но у меня нет сил беспокоиться о грядущих последствиях его гнева, не тогда, когда каждая частичка моего существа сосредоточена на том, чтобы поставить одну ногу перед другой. Я дышу короткими, неглубокими вздохами, и внезапно мне кажется, что грудь сдавливает сердце, но я сохраняю улыбку на лице, говоря себе: *"Ещё немного. Почти на месте"*.

Вестибюль почти пуст, но несколько человек поворачивают голову в мою сторону, когда я прохожу мимо. В животе у меня хлопает, а кольца впиваются в распухшие пальцы. Я ускоряю шаг, мой разум кричит, что надо найти большое открытое пространство, где я могу подумать, где могу *вдохнуть воздуха* раньше, чем паника поглотит меня целиком.

ГЛАВА 8

НЕЛЛ

Я БЕГУ ПО коридорам пятого этажа, моя длинная хлопчатобумажная ночная рубашка развеивается позади меня. Маленький мальчик со светлыми кудряшками бежит впереди меня, оборачиваясь и крича:

— Ты никогда меня не поймаешь!

Я смеюсь. Звук отражается от стен, высокий и звенящий. Я следую за ним коридор за коридором, через бесконечный лабиринт с дверями и маленькими, чердачного размера окнами, непроглядная ночь давит на стекло. Каждый раз, когда маленький мальчик оглядывается на меня, его глаза становятся немного ярче, щёки немного розовее, и моё сердце наполняется радостью.

Даже когда я преследую его, я знаю, что это скоро закончится. Мы не можем делать это вечно. Мы будем разорваны на части неподвластными нам обстоятельствами.

Нам придётся попрощаться.

Но не сегодня. Сегодня вечером мы юные и свободные, как птенцы, летящие высоко над миром, где нас никто не найдёт.

Я заворачиваю за другой угол. Мальчика нигде не видно, но дверь в середине коридора закрывается. Улыбаясь, я поворачиваю ручку и проскальзываю в тёмную комнату. Дверь за мной закрывается, и маленький мальчик хихикает. Я пальцами шарю по стене в поисках выключателя. Слышу, как мальчик дышит позади меня. Я позвоночником натываюсь на металлическое кольцо, свисающее с потолка. Я поворачиваюсь, сжимаю его в пальцах и тяну.

Над нами вспыхивает одинокая лампочка Эдисона.

Маленький мальчик стоит передо мной, но он больше не выглядит молодым и энергичным. Его светлые кудри пепельные и ломкие, мёртвые пряди, которые, как кажется, готовы рассыпаться от одного прикосновения. Кожа под его глазами иссиня-чёрная, а розовые щёки превратились в воронки под слишком острыми костями. Его губы синеют, кожа трескается, когда он говорит. Застывшая коричневая кровь просачивается сквозь трещины, покрывая его губы, как железнодорожные шпалы.

— Это происходит снова, — бормочет он.

Я прижимаюсь к двери, моё сердце колотится в груди.

— Что?

— Он придёт за тобой.

— Кто придёт за мной? — спрашиваю я. — О чём ты говоришь?

Он наклоняется вперёд, и его позвоночник скрипит. И затем, так тихо, что я почти не слышу его, он шепчет:

— Беги.

* * *

Я вздрагиваю и просыпаюсь.

Я понятия не имею, где нахожусь.

Колорадо?

В тишине раздаётся булькающий храп, и события дня возвращаются ко мне. Служащий гостиницы, отчаянно пытающийся скрыть гримасу при виде нашей машины, музыка, доносящаяся из бального зала, лифт, сон.

Я переворачиваюсь на другой бок и касаюсь экрана телефона.

3:01 утра.

Я пытаюсь лечь обратно, прижимая подушку к голове, но образы из кошмара мелькают в моём сознании, как катушка старого фильма. Тёмная кладовка. Маленький мёртвый

мальчик, и это единственное слово, просачивающееся сквозь его окровавленные губы.

Беги.

Пыхтя, я соскальзываю с кровати, беру ключ-карту с прикроватной тумбочки и рюкзак из угла комнаты и направляюсь в ванную. Я достаю из рюкзака пару штанов для йоги, майку и поношенные балетные тапочки. Переодевшись, я собираю волосы в свободный пучок, затем на цыпочках прохожу через комнату и, выйдя в коридор, тихо закрываю за собой дверь.

Ходить по коридорам таким ранним утром — всё равно, что ходить через могилы. В тишине есть присутствие, тяжесть, которая заставляет меня чувствовать что угодно, только не одиночество. Мурашки покалывают кожу, и я стискиваю зубы, чтобы не побежать, идя мимо закрытых дверей, пол скрипит под моим весом. Я сворачиваю не туда и оказываюсь в коридоре с большим количеством дверей вместо задней лестницы.

Свет гаснет.

Холодный ветер свистит в тишине, и тяжесть усиливается, как будто кто-то разделяет со мной темноту.

Беги.

Холодный порыв воздуха щекочет мне затылок. Моё сердце подскакивает к горлу, и я оборачиваюсь.

Свет снова загорается.

В коридоре пусто.

Я выдыхаю и бормочу:

— Перестань быть смешной.

Я знаю, как поступить; я просто избегаю этого.

Стиснув зубы, я разворачиваюсь и иду ещё по двум коридорам, шагаю по внешнему коридору с видом на сад, окрашенный серебристо-голубым убывающим лунным светом, а затем шныряю обратно в отель.

Слева от меня появляется главная лестница, а рядом с ней клетка лифта.

Я осторожно протягиваю руку, провожу пальцами по декоративным золотым завиткам и заглядываю в шахту. Лифт находится внизу, где он и стоял с тех пор, как оператор ушёл домой на ночь.

— Видишь? — шепчу я сквозь комок в горле. — Бояться нечего.

Лязгает шестерёнка. Я отпрыгиваю назад.

Лифт не двигается.

Тем не менее, я держусь дальнего края лестницы, подальше от клетки, пока спускаюсь на четыре пролёта в вестибюль. Один человек стоит за стойкой регистрации, но он слишком занят, смеясь над чем-то в своём телефоне, чтобы обратить на меня внимание. Я крадусь вниз по последней лестнице, пересекаю вестибюль и, затаив дыхание, хватаюсь за ручку бального зала.

Дверь открывается.

Я выдыхаю и проскальзываю внутрь.

В зале темно, и моим глазам требуется некоторое время, чтобы привыкнуть к тусклому свету, проникающему через стеклянную стену на другой стороне зала. Иду по ковру, огибая столы и стулья, и поднимаю взгляд на длинный изогнутый потолок, люстры парят над мной, как хрустальные призраки в темноте.

Добравшись до танцпола, я достаю из рюкзака телефон и наушники и выбираю свой

любимый классический плейлист. Затем я начинаю растяжки, используя спинку стула в качестве импровизированной штанги, выполняя основные положения.

После того, как папа вернулся домой, объявив о своей новой работе в Южной Каролине, мой инструктор в Колорадо связался с Чарльстонской школой балета, объяснив мою финансовую нужду, и назначил прослушивание на возможную стипендию осенью, но все рекомендации учителей в мире не помогут мне, если я не останусь в форме.

Я пытаюсь обращать внимание на время — последнее, чего я хочу, это чтобы меня снова поймали на том, что я снова пробралась сюда — но затем музыка усиливается, просачиваясь сквозь мои поры, в каждую вену, клапан и мышечное волокно, пока не кажется, что мелодия — часть меня, единственная причина, что моё сердце бьётся, и я совсем забываю о том, что надо следить за временем. Мои тапочки шуршат по деревянному полу, а разум проясняется, мир вокруг меня расплывается, когда я кружусь.

Всё исчезает, когда я танцую. Кошмары. Жуткие лифты. Странные генеральные менеджеры.

Мама.

Никаких мыслей или чувств вообще, кроме размышлений о следующем шаге или ощущения, как ритм музыки изгибает мои кости. Вот почему я так люблю это.

Танцы освобождают меня.

Когда музыка заканчивается, я приседаю в низком реверансе, прикладывая руку к сердцу. Как вдруг в безмолвном промежутке между песнями, скрипит половица.

Я поднимаю взгляд.

Зал купается в тенях и кусочках лунного света.

— Привет? — зову я, шурясь в темноту.

Дверь приоткрывается, разрезая тени золотой трещиной. Кто-то выходит на свет, спиной ко мне.

Маленький мальчик из моего сна.

Нет... это не он. Эта фигура высокая и широкоплечая. Мужчина. Он проходит через дверь в вестибюль.

Мужчина, дежурящий за стойкой регистрации? Неужели он услышал, как я танцую, и пришёл разобраться? Как долго он наблюдал за мной?

И хотя логическая часть моего мозга говорит мне, что этот служащий выгнал бы меня, если бы мне не разрешили быть здесь, то иррациональная часть — та, которая придумывает кошмары о маленьких мёртвых мальчиках и бесконечных коридорах — берёт верх. Я стаскиваю наушники, хватаю рюкзак и пробираюсь между столами к двери.

Вестибюль по-прежнему пуст, если не считать мужчину за стойкой регистрации, который сейчас читает газету. Если это он наблюдал за мной, то, похоже, его это не слишком беспокоит.

Это потому, что ему всё равно.

И всё же что-то в этом мне кажется странным. Только когда я возвращаюсь в свою комнату, я понимаю почему.

Мужчина, который выскользнул из бального зала, был в белой рубашке, свет лампы сочился янтарно-золотым сквозь ткань.

А униформа портье чёрная.

ГЛАВА 9

ЛИЯ

Я ВЫБЕГАЮ НА ПЛЯЖ, в голове стучит, желудок сводит. Полная луна окрашивает песок в серебристый цвет своим сиянием. Дальше по пляжу, насколько я могу видеть, полосатые тенты Палаточного города светятся под уличными фонарями. Костры и электрические лампочки борются со светом луны, золотые искры против серебряных лучей, но на пляже отеля никого нет. Только я, иссиня-чёрные волны и кислород, наполняющий мои изголодавшиеся легкие.

Океан выглядит таким прохладным, таким небесным, а я всё ещё в такой панике, что не думаю о песке, который прилипнет к моему платью, когда подхожу к кромке прибоя и ложусь у воды. Я вдруг чувствую себя очень усталой и ничего так не хочу, как заснуть здесь, на краю океана, и полностью доверить свою жизнь воде.

В последнее время я ловлю себя на том, что делаю это всё чаще и чаще — отдаю свою жизнь в руки более великой, более могущественной силы. Обмениваю свои оставшиеся удары сердца на веру в то, что для меня существует более грандиозный план, который я не знаю или не до конца понимаю. Если мне суждено быть унесённой морем, тогда море заберёт меня, и, ох, я не могу придумать более умиротворённого способа погрузиться в забвение.

Холодная, бодрящая вода стекает по моим икрам, щекоча колени сквозь платье. Я выдыхаю, закрываю глаза...

И жду.

* * *

Я просыпаюсь от звука приближающихся ко мне шагов и мужского голоса, зовущего:
— Мисс? Мисс!

Я не открываю глаза, думаю: *О, Великое и Могущественное Море, если ты планируешь забрать меня, пожалуйста, сделай это сейчас, пока не стало слишком поздно.* Это кажется довольно мелодраматичным, но иногда обстоятельства требуют таких мер.

Песок летит мне в лицо, когда мужчина присаживается рядом со мной на корточки. Я крепче зажмуриваю глаза, защищаясь от песчинок. Пальцы перебирают мои волосы, и он кладет мою голову себе на колени. Его руки обвивают мою шею.

Мои глаза распахиваются.

— *Что вы делаете?*

Мужчина отпрянул назад.

— Я проверял пульс. Я думал, вы ранены.

Я отталкиваюсь от него.

— Я в порядке.

— Почему вы ничего не сказали, когда я позвал?

— Я вас не слышала.

У него такой вид, будто он собирается что-то сказать, но потом наклоняет голову, изучая меня.

— Я знаю вас.

Я удивлённо выгибаю бровь.

— Ваша семья сегодня зарегистрировалась в отеле. Сардженты.

Я прищуриваюсь, всматриваясь в него, лунный свет окантовывает его лицо серебром.

Мои глаза широко распахиваются.

— А вы коридорный, который на самом деле не коридорный.

— К вашим услугам, — говорит он, затаив дыхание.

— У вас привычка приставать к молодым женщинам на пляжах, мистер Петров?

У него отвисает челюсть.

— Я не *приставал* к вам. Я думал, вы мертвы!

— Если бы, — говорю я, но слова слабые, неосязаемые и заглушаются грохотом прибоя.

— Что вы здесь делаете? — спрашивает он.

Я снова ложусь на песок и закидываю руки за голову. Мои ноги превратились в сосульки, чулки намокли от прибоя и прилипли к коже, но мне нравится это ощущение. Это оцепенение.

— Думаю, — говорю я.

Проходит мгновение.

— Ты всё ещё хочешь побыть со мной?

Он открывает рот.

Колеблется.

А затем, вздохнув, опускается на песок и ложится рядом со мной.

— Возможно, тебе стоит закатать штаны, — бормочу я, когда волны несутся нам навстречу.

Он садится, едва успевая подтянуть штаны выше колен, прежде чем вода обрушивается на наши ноги.

— Пресвятая Матерь Божья, как холодно!

Я смеюсь и удивляюсь, как получилось, что я уже дважды встречала этого парня, и оба раза он заставлял меня улыбаться, когда мне казалось, что весь мой мир рушится вокруг меня.

— Пожалуйста, простите мою ненормативную лексику, — говорит он сквозь стучащие зубы.

— Мне нравится твоя ненормативная лексика, — говорю я ему. — Если ты спросишь меня, то ни у кого в моей жизни её не хватает.

— Тогда, может быть, вы также простите меня за то, что я говорю, что вы, мисс Сарджент, странная утка?

— Только если вы не имеете в виду это как оскорбление.

— Нет.

— Тогда я не буду воспринимать это как таковое.

Я смотрю на небо, вдыхая ночной воздух.

— Разве они не прекрасны?

— Звёзды?

— Нет, камни, — поддразниваю я. — Да, звёзды.

— Раньше я так думал.

— Больше нет?

Он не отвечает. Волны бьются о наши ноги, на этот раз каскадом поднимаясь выше, облизывая мои бёдра. Затем слова вылетают из его рта, как шершни, быстрые и колючие.

— Мой отец умер несколько месяцев назад. Грипп.

Я закрываю глаза.

— Мне жаль.

Некоторое время мы молчим, тишина нарушается только шумом прибоя и шумом ветра.

Наконец, я говорю:

— Лия.

— Что?

Я наклоняю голову и встречаюсь с ним взглядом.

— Моё имя. Вообще-то меня зовут Аурелия, но я предпочитаю Лия.

— Лия, — говорит он.

Я делаю глубокий вдох и выдыхаю, садясь.

— Я должна вернуться, прежде чем родители обнаружат, что я не там, где должна быть.

— Вы хотели бы, чтобы вас сопроводили обратно? — спрашивает он.

— Теперь это вызовет сплетни, — говорю я, вставая, отряхивая песок с платья и пытаюсь укротить свои непослушные волосы.

— Верно.

Он встаёт и стряхивает песок со штанов.

— Конечно. Я должен был догадаться.

Я улыбаюсь.

— Спасибо тебе за то, что ты всё ещё со мной.

И с этими словами я разворачиваюсь и наполовину иду, наполовину бегу обратно в "Гранд". Я не знаю, что там найду, но это уже не имеет значения. Я ещё раз проверила свою смертность и обнаружила, что чувствую себя более живой, чем когда-либо.

По крайней мере, в те несколько минут я не была женщиной, попавшей в ловушку. Я была свободной женщиной, и мне понравилась каждая мимолетная секунда этого.

ГЛАВА 10

НЕЛЛ

— ИТАК, Я ДУМАЛА О ТОМ, что ты сказал прошлой ночью, — говорю я, снимая обертку с черничного маффина.

Папа прекращает намазывать сливочный сыр на рогалик. Ещё рано, чуть больше семи, и наши завтраки прямо из печи. Мы сидим за столиком с видом на открытый внутренний дворик и пляж за ним, где волны с белыми шапками бьются о песок, а набухшие серо-голубые облака грозят дождём.

— Какую часть? — спрашивает он.

— Часть о том, чтобы завести новых друзей. Стать более вовлеченной. Думаю, что могла бы найти здесь работу.

— Работу?

— Я подумала, что это будет хороший способ познакомиться с людьми, — вру я.

У меня нет никакого интереса знакомиться с людьми или заводить друзей, как говорит папа, но я не могу признаться ему, что делаю это ради денег. У нас никогда не бывает лишних денег, и я понятия не имею, какую часть обучения покроет балетная стипендия, если предположить, что школа вообще выберет меня для этого. Папа всегда за то, чтобы я работала, если это означает завести новых друзей или научиться быть ответственной,

взрослой — типичные родительские темы, — но он ненавидит, что в этом мире есть что-то, что он не может себе позволить, к примеру, уроки балета в самых престижных школах и машина, чтобы возить меня на упомянутые уроки.

Однажды я напомнила ему, что у нас не было много денег, даже когда мама была жива. Воспитатели в детском саду не зарабатывали и близко к тому, сколько следовало бы, а папа тогда всё ещё находился довольно низко на тотемном столбе гостеприимства, но мы справлялись. Он сказал, что от этого ему лучше, но я могла сказать, что от этого ему стало ещё хуже.

Я больше никогда не поднимала вопрос о деньгах.

Папа заканчивает намазывать сливочный сыр и откусывает кусочек, размышляя. Снаружи ветер рвёт пальмы, и моя паранойя, вызванная кошмарами, заставляет меня задуматься, не является ли приближающийся шторм каким-то предзнаменованием.

— Работа на лето, — наконец говорит папа, — звучит как отличная идея, — он смотрит на часы. — У меня ещё есть немного времени, прежде чем я должен появиться в офисе. Почему бы нам не найти Софию и не посмотреть, есть ли какие-нибудь свободные вакансии?

Я выдыхаю.

— Звучит здорово.

Белая вспышка проскакивает через стол, когда первый удар молнии раскалывает небо.

* * *

Офис Софии выглядит так, будто сувенирный магазин заблевал его.

Встроенные книжные полки за её столом заставлены плакатами "Гранд Отеля Уинслоу", туристическими брошюрами и открытками — некоторые новые, некоторые очень старые. Среди них разбросано множество великолепных памятных вещей, от старинных рождественских украшений, висящих в декоративных стеклянных коробках, до кофейных кружек, чайных сервизов и полотенец для рук. Стены украшены серией картин в стиле арт-деко² и чёрно-белыми фотографиями "Гранд Отеля".

— Эта фотография сделана примерно в то время, когда отель только открылся, — говорит София, поймав меня на том, что я рассматриваю одну из фотографий.

Это снимок внешнего фасада "Гранд Отеля", сделанный с достаточно большого расстояния, чтобы запечатлеть почти две стороны гигантского сооружения, включая знакомый декоративный балкон у гостевых комнат.

— Видишь, что здесь не так много деревьев? Многие из них ещё даже не были посажены.

Она смотрит на меня так, словно ожидает определённого ответа, но я не могу придумать, что сказать, кроме:

— Да. Безумие.

Её губы изгибаются в той же оценивающей улыбке, что и вчера, и я не могу избавиться от ощущения, что проваливаю какой-то тест.

Папа таращится на рамку на столе Софии.

— Это настоящее меню, созданного для визита Эйзенхауэра?

София поворачивается к нему, и я чувствую, что снова могу дышать.

— Так и есть, — говорит она.

— Настоящий коллекционный экспонат.

София хихикает.

— Ну, мне нравится думать, что я настоящий коллекционер.

Папа смеётся, но это не его обычный дружелюбный смех, который он раздает людям, как визитные карточки. Это смех обожания — тот, который он приберегал только для мамы. София кладёт левую руку на руку папы, и я проверяю безымянный палец.

Чистый. Нет даже линии загара от снятого кольца

— Итак, что привело тебя сегодня утром в мой офис, Оскар? — спрашивает она, устраиваясь в кресле за своим столом и обхватывая рукой без кольца дымящуюся кружку кофе.

Папа занимает одно из мест перед столом. Я удивляюсь, что София слишком фамильярно называет папу по имени, и ещё секунду смотрю на её руку, затем сажусь, впиваясь ногтями в ладони.

Несколько крупных капель дождя *стучат* по окнам, а вдалеке гремит гром.

— Нелл заинтересована в летней подработке здесь, в отеле, — объясняет папа. — Поэтому мы решили зайти и узнать, есть ли у вас что-нибудь в наличии.

— Что ж, дай мне посмотреть, что я смогу найти.

София надевает на нос очки в черепаховой оправе, висящие у неё на шее, и поворачивается к компьютеру.

— Есть ли у тебя какой-либо предыдущий опыт работы?

— Прошлым летом подрабатывала официанткой, — говорю я.

Я не говорю ей, что это было в закусочной на двенадцать столов, где превосходство определялось хрустящей корочкой картофеля фри, а не качеством обслуживания, а "домашний" яблочный пирог на самом деле был замороженным полуфабрикатом, купленным в магазине. Почему-то я сомневаюсь, что такой опыт поможет мне здесь.

София *прищёлкивает* языком по зубам.

— Я не вижу сейчас никаких свободных рабочих мест для обслуживания.

Слава Богу.

— Вообще-то... — София искоса смотрит на меня. — Как ты относишься к работе над специальным проектом?

— Что за специальный проект?

— Отель сотрудничает с местным историком по созданию музея, в котором будут представлены старые фотографии, бухгалтерские книги, документы — даже мебель, подобную той, что вы видели на экскурсии. Думаю как Стена Истории, только гораздо больше. Совершенно захватывающий опыт для наших гостей, в котором они пройдут через каждое десятилетие существования отеля, начиная с открытия в 1879 году и до сего дня.

— Как будто идёшь сквозь время, — удивляется папа.

София улыбается.

— Вот именно.

Мгновение они смотрят друг на друга, сияя.

Я прочищаю горло.

— Так что это за работа?

— Мой сын Макс убирает в нашей кладовой, раскладывает всё, что нужно историку, чтобы начать собирать проект, но это довольно большая комната, и это занимает у него

больше времени, чем я полагала. Я могу предложить тебе ту же сумму денег, что и ему... пятьсот долларов по завершению проекта, — она делает глоток кофе, глядя на меня поверх ободка. — Так что ты думаешь?

Я бросаю взгляд на папу.

— Похоже, это отличный опыт... пройти через всю эту историю, — говорит он. — Честно говоря, я немного завидую.

— Я тоже, — говорит София. — Я бы сделала это в мгновение ока, если бы у меня было время.

Это было не то, чего я ожидала, но звучит довольно просто, и деньги более чем справедливые, тем более, вряд ли это займёт больше двух-трех недель, максимум, а это значит, что ещё будет достаточно времени, чтобы найти другую работу и заработать ещё больше денег, прежде чем лето закончится.

— Хорошо, — говорю я. — Я в деле.

ГЛАВА 11

ЛИЯ

Я ПРОСЫПАЮСЬ ОТ СОЛНЕЧНОГО СВЕТА, СТРУЯЩЕГОСЯ по моему лицу утыкаюсь носом в его тепло.

Вчерашнее платье висит в шкафу, тщательно очищенное от песка, а чулки развешаны на спинке стула для просушки. Уже не в первый раз с тех пор, как отец потерял большую часть своего состояния в результате неудачной коммерческой сделки, я благодарна за то, что мне дали уединение, лишив горничной. Некому шпионить за мной — никого, кто притворяется преданным, а по факту живёт в бумажнике моего отца.

Прошлой ночью, проходя по почти пустому вестибюлю и пустынным коридорам, я придумала оправдание для своих родителей, если они обнаружат, что я не вернулась в номер, как обещала. Я бы сказала им правду. Или, по крайней мере, большую её часть — что мне понадобился свежий воздух, и я пошла, прогуляться по территории. Им не нужно было знать, что я провела время наедине со служащим отеля. И если бы оказалось, что мои родители ждали меня в течение более длительного периода времени, чем это оправдание, я бы добавила, что заблудилась на обратном пути — что, по правде, почти и случилось, и это не было бы полной ложью. Отель такой большой, с таким количеством извилистых, поворотных коридоров, что я оказалась в конце одного из них, прежде чем поняла, что номера комнат не совпадают с теми, где, как я думала, нахожусь.

Я понятия не имела, как я планировала объяснить сырость юбки или песок, прилипший к моим чулкам. Возможно, я надеялась на чудо кратковременной слепоты со стороны моих родителей.

К счастью, оправдание не понадобилось. Родителей до сих пор не было в номере — отец, без сомнения, пил бренди с мужчинами, а мать пила кофе после ужина с дамами, ну а Мадлен и Бенни крепко спали, когда я вернулась. У меня было достаточно времени, чтобы не только переодеться в ночную рубашку и халат, но и смыть все следы пляжа с платья и тела, прежде чем скользнуть в постель.

Теперь, потягиваясь, я зарываюсь лицом в подушку. Со стоном я встаю с кровати и переодеваюсь в белое муслиновое платье с голубой атласной лентой, пряча свои пахнущие

океаном чулки под юбками. Я убираю волосы назад в простую прическу, закрепляя их голубыми заколками в виде стрекозы, которые мерцают в утреннем свете и тут же напоминают мне об Алеке.

Я улыбаюсь, думая о том, как он назвал меня "странной уткой". Если бы он только знал половину мыслей, которые проносятся у меня в голове каждый день.

Мама заказала завтрак в номер. На столе, застеленном белой скатертью, стоят серебряные подносы с круассанами, горячими пирожками, яйцами, беконом, сосисками и ананасами. Мама занята чтением светской хроники, поэтому я прокрадываюсь в комнату Бенни, чтобы разбудить его, но и его, и Мадлен кровати уже заправлены, и единственная форма жизни в комнате — это свеча в светильнике Бенни, почти сгоревшая до основания. Качая головой, я пересекаю комнату и задуваю её. В "Гранд Отеле" строго запрещено использовать открытый огонь, поскольку весь отель построен из дерева и всё такое, но Бенни не может спать без лун и звёзд, которые исходят из его маленькой игрушечной коробки, а мама всегда была из тех, кто считает, что правила никогда не распространяются на "таких как мы".

— Мадлен повела Бенни на пляж купаться ранним утром, — говорит мама, когда я закрываю за собой дверь комнаты Бенни, — а отец играет в теннис с мистером вон Ойршотом. И поскольку я не знала, как ты будешь себя чувствовать этим утром, я подумала, что мы могли бы спокойно позавтракать вместе.

Я сажусь напротив неё и принимаюсь за горячие пирожки, стараясь скрыть удовольствие, которое испытываю от перспективы не делить трапезу с Лоном.

— Как ты думаешь, ты могла бы прогуляться после завтрака? — спрашивает мама.

— Разве Лон не будет искать меня?

— О нет, — говорит она. — Он уехал на весь день в Чарльстон по делам. Он сообщил нам об этом вчера вечером, после того как ты ушла. Но обещал вернуться вовремя, чтобы сопроводить тебя на бал сегодня вечером.

Я не могу скрыть улыбки от этой новости. Целый день без Лона, а затем ночь в танцах, во время которых ему будет крайне трудно вообще говорить? Вместо чуда кратковременной слепоты мне было даровано чудо кратковременного одиночества.

К счастью, мама неправильно истолковывает источник моей радости.

— А, видишь? — говорит она. — Я знала, что это осчастливит тебя.

ГЛАВА 12

НЕЛЛ

СОФИЯ ВЕДЕТ МЕНЯ ВНИЗ, в подвал, который, к моему удивлению, бь отремонтирован для размещения нескольких офисов. Тут мраморный плиточный пол, полированные стены из красного дерева и антикварные бра, излучающие тот же мягкий янтарно-золотой свет, что и в остальной части отеля. София замечает, что я пялюсь, и усмехается.

— Не то, чего ты ожидала? — спрашивает она.

— Не совсем.

Я повидала немало подвалов отелей, и те, что такие старые, обычно выглядят как гигантские жуткие подвалы с паутиной по углам и кладбищем, полным старых бумаг и

мебели. Даже современные обычно больше похожи на школьные столовые с резким флуоресцентным освещением и цементными полами.

— На самом деле здесь есть выход на пляж, а также доступ к подъездной аллее, — объясняет София, когда я спускаюсь вслед за ней по лестнице. — Мы находимся на стадии планирования, чтобы сделать этот проход главным и добавить сюда нескольких ресторанов и магазинов. Финансирование проекта было моим личным детищем в прошлом году, и я только что получила известие, что мы начнём работу над ним следующей весной.

— Вау. Поздравляю.

— Спасибо. К сожалению, должна сказать, что кладовка выглядит не так красиво, как остальная часть подвала, — она останавливается перед дверью и поворачивается ко мне. — Готова?

Она говорит так, словно отправляет меня в зону боевых действий, а не в старую кладовку.

— Э-э... да.

Она виновато улыбается и открывает дверь.

Сначала всё, что я вижу, это одинокую лампочку Эдисона, висящую над тёмной комнатой, вид которой возвращает меня в бельевой шкаф из моего сна. Но затем в фокус попадают выветренные каменные стены, а также стопки гробов, альбомов, пыльная мебель и потрёпанные коробки, заполняющие комнату. Два ряда металлических стеллажей вдоль дальней стены вмещают ещё больше контейнеров и старых безделушек, включая сломанную пишущую машинку и горы старых обеденных тарелок.

— Макс? — зовет София. — Я привела помощь.

За одной из полок движется тень. Пара кед "Конверс" показывается в пустом пространстве на нижней полке, а затем парень, которому они принадлежат, выходит из-за угла. От него веет настоящей атмосферой "Корпуса мира-встречающего-Джеймса Дина", в армейской зеленой рубашке, облегающими джинсами, чёрных кедах, очками с толстыми стёклами и растрёпанными волосами. Он одаривает меня кривой полуулыбкой, как только видит меня.

— Новая кровь? — спрашивает парень.

— Нелл, это мой сын Макс, — говорит София. — Макс, это Нелл Мартин. Она будет помогать тебе организовывать этот беспорядок, — София снова поворачивается ко мне. — Игнорируй его, если он станет слишком обаятельным. Это нервный тик.

Макс качает головой.

— Ну и дела, спасибо, мам.

— В любое время, милый, — отвечает София. — Давай же, покажи Нелл, что ты уже сделал, и посмотрите, сможете ли вы придумать систему, которая ускорит работу.

— Так точно, капитан.

— Тогда ладно. Я оставлю вас наедине с этим.

София машет рукой и закрывает за собой дверь.

— Итак, — говорит Макс, — ты та девушка, которая живёт в отеле?

— Прошу прощения?

— Мама рассказывала мне о тебе прошлым вечером. И твоём отце, конечно, тоже.

— Она рассказывала?

Он кивает

Не знаю, как я отношусь к тому, что София говорит о нас. Не потому, что я думаю, что

она говорила что-то плохое, а потому, что я беспокоюсь, что всё, что она говорила, было хорошим. То есть, очень хорошим. Например, вот такое хорошее: мне-кажется-я-сегодня-встретила-твоего-нового-отчима.

— Как тебе тут, нравится? — спрашивает Макс.

Я думаю о лифте, и о кошмаре, и о том, что этот черничный маффин сегодня утром почти стоил того, чтобы испугаться собственной тени.

— Хм... мило.

Он кивает.

— Я хотел жить здесь, когда был ребёнком. Я проводил тут почти каждый день после школы.

— И чем занимался?

— О, ну, знаешь. Немного этого, немного того, — его улыбка становится шире. — Так ты учишься в старшей школе, верно?

— Ага.

— Младший? Выпускной?

— Перехожу в выпускной, — говорю я. — Ты?

— То же. Может быть, у нас будет несколько совместных занятий.

— Да, может быть.

— Хочешь немного воды? — спрашивает он. — Я прихватил побольше с собой.

— Э-э, конечно. Спасибо.

Он роется в зелёной армейской сумке на полу, достаёт не открытую бутылку и протягивает её мне.

— Итак, работа довольно проста, — говорит он, делая глоток из своей бутылки. — Я перебрал всё, что здесь есть, и разложил по пяти разным кучам: разрозненные бумаги, книги, фотографии, артефакты — это может быть что-нибудь маленькое, например, очки, чайные чашки, украшения и тому подобное — и мусор. В конце дня мы относим всё, что мы организовали, на стойку регистрации вон в тех коробках, — он показывает на шатающуюся стопку картона рядом с дверью, — и историк забирает их. Кроме мусора, само собой. Мусор отправляется в мусорный контейнер.

— Так... это всё? Нам больше не нужно это организовывать?

— Это всё.

Я хочу спросить его, почему ему потребовалось так много времени, чтобы закончить, но не хочу показаться надоедой, поэтому делаю глоток и пытаюсь придумать, что ещё сказать вместо этого.

Мой взгляд останавливается на биографии Тедди Рузвельта, выглядывающей из его сумки.

— Так... ты любишь историю? — спрашиваю я, указывая на книгу.

— Люблю, — говорит он. — Я планирую получить двойную специализацию в колледже. История и сценарий. Я глубоко убежден, что визуальные медиа это лучший способ сохранить историю для масс или, по крайней мере, снова сделать её интересной для них.

Он закручивает крышку на бутылке и засовывает её в задний карман.

— На самом деле, именно поэтому я был так взволнован, когда мама рассказала мне об этом проекте. Я уже некоторое время работаю над сценарием о "Гранд Отеле", но всё время застреваю. Я подумал, что близкое и личное знакомство с некоторыми первоисточниками

поможет прояснить несколько сюжетных идей.

— Есть какие-нибудь успехи? — спрашиваю я.

— Пока нет, но всегда есть надежда, верно?

— Это то, что они мне говорят.

* * *

Я не собираюсь проводить в кладовке весь день, вдыхая пыль и гниль прошлых поколений, но когда я листаю сухие, потрескивающие бумаги и натываюсь на старые фотографии и случайные предметы — потёртые бумажные конверты, бумажные веера и старинные серьги, — я обнаруживаю, что меня поглощают эти миры, которые существовали давным-давно. Часы превращаются в минуты, а минуты превращаются в секунды. Это почти как если бы мы с Максом вошли в пространство, где на берег выкинуло бы обломки времени, которые погребли бы под собой проходящие часы, так что время больше не кажется линейным, а то и вообще не имеет никакого смысла.

Даже Макс, который, как я думала, наверняка задаст мне миллион вопросов о моей жизни во время работы, едва произносит два слова, пока его телефон не звонит с напоминанием об обеде. Каждый из нас берёт по сэндвичу в кафе. Макс предлагает отпустить меня на остаток дня, но дождь всё ещё идёт, так что я не упускаю отличный пляжный день или что-то в этом роде, и мои ноги направляются обратно в подвал, прежде чем мои губы успевают сформулировать ответ.

В четыре часа Макс относит первую коробку в вестибюль, а я начинаю собирать вторую.

— Осторожнее там, — говорит мне Макс, когда возвращается. — Пол мокрый.

Я заканчиваю упаковывать коробку и поднимаю её, слегка отклоняясь назад и прижимая к животу. Гроссбухи тянутся так высоко, что я едва могу видеть поверх них. Я переносу вес коробки на правое бедро и наклоняю голову влево, проскальзывая через открытую дверь в коридор подвала.

Я поднимаюсь по лестнице на второй этаж, держась правой стороны стены. Зал извивается и превращается в извилистый лабиринт передо мной, пока я пробираюсь сквозь толпу покупателей, разглядывающих витрины, мой шаг замедляется, когда мои ноги ступают по скользким, влажным от дождя полам.

Я слишком занята, наблюдая за группой детей, бегущих в магазин игрушек, чтобы заметить лужу под ногами, а когда замечаю, уже слишком поздно.

Мой каблук скользит по полу, и я издаю тихий вскрик, когда коробка врежется во что-то твёрдое. Стена? Нет, стены не издают звуков "омф". Гроссбухи взмывают в воздух, их кожаные обложки и пожелтевшие страницы внутри хлопают, как цыплята, пытающиеся взлететь. Коробка выпадает из моих рук, и кто-то протягивает руку, пытаясь удержать меня, но наши конечности переплетаются, и мы оба падаем. Одна из их рук обхватывает мой затылок, притягивая моё лицо к своей груди. Чистый аромат сандалового дерева, цветов лимона и свежего белья окутывает меня за секунду до того, как человек приземляется на меня сверху. Рука, держащая мой череп, с треском ударяется об пол.

Время замедляется.

Я не чувствую ничего, кроме прикосновения пальцев к волосам, прикосновения мягких волокон рубашки к моей щеке, осторожного веса чьего-то тела поверх моего. Я не слышу

ничего, кроме неровного дыхания и гулких ударов гроссбухов об пол.

А потом я поднимаю глаза.

Его глаза, окруженные густыми ресницами и обрамленные прямыми тёмными волосами, которые нависают над нами, как занавес, отгораживая от остального мира, расширяются в шоке. Его губы приоткрываются, а руки сжимаются вокруг меня. Мой взгляд блуждает по его лицу, по острым скулам и квадратной челюсти, останавливаясь на маленькой ямочке на подбородке. Я хмурюсь, глядя на эту ямочку, и на внезапное, непреодолимое желание провести по ней пальцами.

Должно быть, у меня сотрясение мозга.

— Ты в порядке? — спрашивает он.

Я делаю глубокий вдох.

— Наверное.

Его руки вокруг меня превращаются в камень. Морщинки беспокойства вокруг его глаз исчезают, и его взгляд становится холодным.

— Смотри, куда идёшь в следующий раз, — рычит он.

Я так ошеломлена, что ничего не говорю, когда он тянет меня вверх. Медленно, как будто выходя из транса, мой мозг регистрирует сразу несколько вещей. Сухая швабра, лежащая на полу — край золотого бейджа с именем на рубашке моего спасителя, — лужа, которая выбила почву из-под меня, и которую он, должно быть, вытирал. Что сделало бы его... кем? Уборщиком? Он выглядит не намного старше меня, может быть, лет восемнадцать, и я удивляюсь, почему восемнадцатилетний парень предпочёл работу уборщика чему-то более гламурному, особенно когда этот парень выглядит как модель "Кельвин Клайн".

И затем мой мозг фиксирует тот факт, что он собирает бухгалтерские книги и запикивает их обратно в коробку, в то время как я просто стою и тарашусь на него.

— Ты не обязан этого делать, — внезапно говорю я, присаживаясь на корточки рядом с ним.

Он хватается последнюю бухгалтерскую книгу и швыряет её поверх остальных.

— Это уже сделано, — говорит он, берёт швабру и направляется в вестибюль.

— Спасибо за помощь, — огрызаюсь я в ответ, и в моём голосе звучат нотки, совсем не похожие на благодарность.

Я понятия не имею, слышит ли он меня. Он просто продолжает идти, сворачивает за угол и исчезает из виду.

— Придунок, — бормочу я себе под нос.

Я жду ещё несколько секунд, просто чтобы уменьшить свои шансы снова столкнуться с ним, затем беру коробку, мои руки дрожат под её тяжестью, и направляюсь к стойке регистрации.

ГЛАВА 13

ЛИЯ

ОБОЙДЯ ПЕРВЫЙ ЭТАЖ ОТЕЛЯ, пройдя мимо женского бильярдного зала библиотеки и шахматной комнаты, мама останавливается у стойки регистрации, чтобы спросить, где разместился бридж-клуб отеля в понедельник днём. Я бреду к дверям, ведущим во внутренний двор, мой взгляд скользит по различным фруктовым деревьям и тропическим

растениям, останавливаясь на работнике отеля, сажающем лимонное дерево. На нём коричневые вельветовые брюки и подтяжки поверх белой рубашки, которая облегает его широкую мускулистую спину. Он проводит рукой по лбу, откидывая назад волосы...

Алек.

Моё сердце учащенно бьётся. Я оглядываюсь на маму, но она окружена группой женщин и не обращает на меня ни малейшего внимания. Я делаю глубокий вдох и вхожу в открытые двери.

— Ещё одно из ваших многочисленных занятий, мистер Петров? — спрашиваю я.

Алек смотрит на меня.

— Я обладаю множеством талантов, мисс Сарджент.

— Я могу это видеть.

Он кладёт лопату и вытирает перепачканные грязью руки о штаны. Капля пота скатывается по его шее к ключице, исчезая под рубашкой. Мои глаза инстинктивно пытаются проследить за ней, и я с удивлением обнаруживаю, что могу различить твёрдые выступы мышц его живота под тонкой влажной тканью.

Мои щёки горят.

— Ты добралась до своей комнаты незамеченной? — спрашивает он, понижая голос.

Даже при том, что я знаю, что мы не сделали ничего плохого — не *совсем*, на самом деле, — этот вопрос заставляет наше совместное времяпрепровождение звучать намного неприличнее, чем оно было на самом деле, особенно если его подслушал кто-то вне контекста. Я поворачиваю голову, ища кого-нибудь в пределах слышимости.

— Мы одни, — говорит он.

Теперь он ближе, его тёплое дыхание касается моей шеи. Крошечный, неопиcуемый трепет пронзает меня от вибрации его голоса на моей коже.

— Да, — говорю я. — Наш секрет в безопасности.

Его глаза мерцают при этих словах.

— Хорошо.

— Почему? Ты хочешь повторить? — спрашиваю я, лишь наполовину поддразнивая.

Мой вопрос застаёт его врасплох. Он резко вдыхает и ещё раз осматривает двор, но среди деревьев никто не прячется, и никто из гостей не наблюдает сверху. Он сглатывает.

— На самом деле...

— Да?

— Неважно.

— Не говори глупостей, — говорю я. — Что?

Он изучает меня.

— Сегодня вечером мы с друзьями идём танцевать в Палаточный город, — его дыхание, хриплое от работы и жары, слегка дрожит, когда он говорит: — Ты бы хотела пойти?

— С тобой?

— И моими друзьями, — уточняет он. — Мы не будем одни, так что это не будет неприлично.

— За исключением того факта, что мне нужно будет улизнуть из своей комнаты и солгать родителям, чтобы сделать это.

Он морщится.

— Верно. Конечно. Мне не следовало спрашивать...

Я кладу руку ему на плечо, чтобы остановить его, слишком поздно понимая, насколько

это неуместно.

Я быстро забираю её обратно.

— В котором часу?

— После бала, — говорит он. — Сегодня вечером я работаю лакеем.

Конечно, кто бы сомневался. Есть ли в этом отеле хоть одна работа, которую он не выполняет?

— На самом деле, это идеально, учитывая, что я должна присутствовать на балу.

Его глаза расширяются.

— Ты хочешь сказать, что пойдёшь?

Я не знаю, о чём я думаю; возможно, я вообще не думаю вовсе. Солгать родителям прошлой ночью было достаточно рискованно, но я всё же была на территории отеля. Теперь я всерьёз подумываю не только солгать им, но и улизнуть посреди ночи. Если меня поймают... Я даже не хочу думать о наказании, которое последует за этим.

Но если я не воспользуюсь каждой возможностью, чтобы сделать свой собственный выбор сейчас, пока у меня ещё есть шанс, я знаю, что буду сожалеть об этом всю оставшуюся жизнь.

— Да, — говорю я, слово срывается с моих губ в тот момент, когда мой мозг нажимает на курок. — Я пойду.

— Аурелия? — мамин голос доносится с другого конца двора.

Я подмигиваю ему, затем разворачиваюсь и направляюсь обратно в вестибюль.

— Что ты там делала? — спрашивает мама, беря меня за руку и ведя к лестнице.

— Я видела, что работник сажал новое дерево, — отвечаю я. — Я хотела посмотреть, какого вида оно было.

Она косится в окно.

— По-моему, похоже на лимонное дерево.

Я бросаю ещё один взгляд на Алека.

Он всё ещё смотрит на меня, позабытая им лопата лежит у его ног.

ГЛАВА 14

НЕЛЛ

КОГДА Я ВОЗВРАЩАЮСЬ, Макс уже наполовину упаковывает очередную коробку. Он поднимает глаза на звук закрывающейся двери.

— Почему так долго?

Я закатываю глаза.

— Ты не поверишь, что только что произошло со мной.

— Ты споткнулась?

Я пристально смотрю на него.

Он скидывает руки.

— Не смотри на меня так. Я же говорил тебе, что пол мокрый!

— Дело не в том, что я споткнулась, — выдавливаю я. — Дело в том, что я наткнулась на кого-то, кто был не очень любезен по этому поводу.

Он съёживается.

— Гость?

— Нет. Уборщик. Ну, мне кажется, что он был уборщиком. Он вытирал пол.

— Дай угадаю, — говорит Макс. — Высокий, темноволосый, с хмурым лицом, может быть, на год или два старше нас?

— Да. Как ты узнал?

— Ты повстречалась с Петровым.

— С кем?

— Алек Петров, — объясняет он. — Он живёт здесь, в отеле, как ты с твоим отцом. Странно. Разве Софии не стоило бы упомянуть о ком-то ещё, живущем в отеле?

— И он не столько уборщик, сколько человек, который делает всё, — продолжает Макс. — В основном он занимается садом и ремонтом. Иногда он подменяет официанта или повара, если кто-то заболел и не сможет найти замену.

— Значит, у него нет какой-то конкретной работы?

— Насколько я знаю, нет.

— Его родители тоже здесь работают?

— Если и так, то я никогда с ними не встречался. Я уже спрашивал об этом маму, но она просто говорит, что личная жизнь других людей меня не касается. И пофиг, что она просит нас осмотреть личную собственность кучки мёртвых людей *специально* для того, чтобы она могла выставить их личную жизнь на всеобщее обозрение, — он качает головой. — Поговорим о лицемерии во всей его красе. Эй, дай мне, пожалуйста, тот старый дневник.

* * *

Отнеся на стойку регистрации последние коробки, намеченные на сегодняшний день, мы с Максом направляемся в офисы на первом этаже.

— Любимый фильм? — спрашивает меня Макс.

— Это просто, — отвечаю я. — *Авансцена*.

— Прощу прощения?

— Ну, фильм о балете? Из-за него я и захотела стать балериной.

— Что ж, тогда я не смогу превзойти тебя в этом, не так ли? И у него, по крайней мере, солидная сюжетная линия.

— Ты видел его?

— Я видел всё, — говорит он, руками сжимая ремень сумки, пересекающий его грудь. — Так ты балерина?

— Да. Или, по крайней мере, пытаюсь ею быть.

— И ради этого ты хочешь пойти в школу?

— Таков план.

— Очень круто. Может быть, когда-нибудь, когда мы оба станем богатыми и знаменитыми, и сможем вместе снять фильм о балете.

— Мы могли бы, — говорю я, — но ты не сможешь превзойти мой любимый фильм.

— Спорим? — Макс останавливается у кабинета моего отца. — Так я увижу тебя завтра?

— Да, я приду.

— Хорошо, отлично! — он прочищает горло. — Это, эм... здорово. Я подумал, вдруг тебе было безумно скучно. Я знаю, что большинству людей так и было бы.

— Нет, — говорю я. Вообще-то, мне кажется, это было довольно круто.

— Потрясающе. Я хочу сказать, я знаю, что мама будет рада это услышать. Она уже несколько недель не даёт мне покоя, пытаюсь найти кого-нибудь, кто мог бы помочь, но никто из моих друзей не оказался заинтересован, — он наклоняет голову и одаривает меня самой глупой улыбкой. — Ну, короче. Увидимся завтра.

— Увидимся.

Он разворачивается и направляется обратно тем же путём, которым мы пришли, к офису своей мамы.

Я качаю головой и немного смеюсь над его вызывающим, очаровательным энтузиазмом, затем поворачиваюсь и стучу в полуоткрытую папину дверь.

Папа сидит за своим столом и что-то печатает на компьютере.

— Привет, Нелли Би! Как прошёл твой первый рабочий день?

Я плюхаюсь на один из стульев напротив него.

— Хорошо, — говорю я, хотя хочу сказать, что *встретила одного очень хорошего парня и одного придурка, который, очевидно, не знает значения слова "несчастный случай"*. — Оживлённо. Как прошёл твой день?

Он ухмыляется.

— Хорошо. Оживлённо.

— Ты почти закончил?

— Мне нужно закончить ещё пару дел, но что ты скажешь, если мы поужинаем где-нибудь через час?

— Звучит хорошо.

Он возвращается к своему компьютеру.

— Эй, пап? Ты, правда, счастлив здесь, да?

Он делает глубокий вдох и кивает.

— Счастливее, чем я был долгое время, малышка.

Это всё, что мне нужно услышать. Его счастье стоит того, чтобы иметь дело с кошмарами и дерзким уборщиком. И, кроме того, это не значит, что за последние два дня мне не понравилось в "Гранде".

Крутая пекарня. Потрясающая работа. Макс.

Всё могло быть и хуже.

* * *

Я достаю из кармана ключ-карту и открываю дверь в наш номер. Здесь тихо, почти до жути, и впервые я понимаю, что не слышала никаких явных признаков присутствия других гостей вокруг нас. Ни телевизора, бормочущего сквозь стены, ни захлопывающихся ящиков, ни разговоров в холле. Это означает, либо комната, смежная с нашей, не занята, либо конструкция девятнадцатого века намного более звукоизоляционная, чем я полагала.

Я направляюсь в ванную, включаю горячий душ и снимаю с себя запыленную одежду. Зеркало запотеваает, поэтому я открываю крошечное окошко под потолком, так как наша комната находится слишком высоко, чтобы кто-нибудь, кроме птиц, прыгающих на цыпочках по зелёной медной крыше, мог меня увидеть.

Я вхожу в душ, разминаю узлы на шее и вдыхаю пар, пока вода бьётся о мои ноющие мышцы. Я закрываю глаза и напеваю себе под нос знакомую мелодию. Мне требуется мгновение, чтобы даже вспомнить, где я недавно слышала эту песню, а затем ко мне

приходит ответ.

Бальный зал. Просачивающаяся через эти невероятно хорошо скрытые динамики.

По другую сторону занавески скрипит половица.

— Папа?

Ответа нет.

Кончиками пальцев я отодвигаю край занавески. Туман пара размывает туалетный столик и очертания двери, но я вижу достаточно, чтобы понять, что здесь никого нет. Я хмурюсь, а потом вспоминаю об открытом окне.

Должно быть, от порыва ветра задрезжали жалюзи.

Тем не менее, я побыстрее заканчиваю. Возможно, скрип исходил от папы с другой стороны двери, и я не хочу заставлять его слишком долго ждать, чтобы перекусить. Я выключаю воду, беру полотенце с душевой штанги и вытираю кожу насухо, а затем оборачиваю его вокруг себя и отодвигаю занавеску.

Я кричу.

Все до одного ящики под раковиной были выдвинуты и беспорядочно висели на петлях, как будто кто-то что-то искал и не успел их закрыть.

Папа?

Я бросаю взгляд на дверь...

Она заперта изнутри, но я не помню, чтобы запирала её.

А значит, человек, который это сделал, всё ещё находится со мной в ванной — окно слишком маленькое, чтобы кто-то мог пролезть, и находится слишком высоко, чтобы кто-то мог дотянуться, — но тут никого нет.

Я одна.

Мой взгляд останавливается на зеркале. Буквы начертаны на запотевшем стекле, конденсат стекает по стеклу.

Сердце колотится, я выскакиваю из душа, щёлкаю замком и открываю дверь. Пар клубами валит из ванной комнаты при внезапном порыве свежего воздуха. Я снова смотрю на зеркало, зная, что это было всего лишь моё воображение, что моё имя не будет написано на стекле.

Туман начинает рассеиваться, так что видны только верхушки букв, но имя всё ещё там.

Нелл.

А потом и оно тоже исчезает.

ГЛАВА 15

ЛИЯ

В БАЛЬНОМ ЗАЛЕ СТОЛПОТВОРЕНИЕ.

Мужчины в смокингах и женщины в бальных платьях, которые сверкают, как звёздная пыль, под тёплым золотистым светом люстры, кружатся под музыкальную подборку Вагнера, Штрауса и Мендельсона. Я благодарна за свою насыщенную танцевальную карту, благодаря которой Лон смог получить только три танца. Слишком много, если бы мы не были помолвлены, заставляя меня скучать по тем дням, когда он просто ухаживал за мной.

Я почти сразу выделяю из толпы Алека. Он стоит у дальней стены, держа в руках поднос с бокалами шампанского, и выглядит удивительно красивым в своей униформе и белых перчатках. Я наблюдаю за ним, бросая взгляды поверх плеч моих партнеров по танцу.

Иногда я чувствую себя храброй и посылаю ему улыбку или подмигиваю, а иногда я настолько захвачена его красотой, интенсивностью его взгляда, когда он смотрит на меня в ответ, что я ничего не могу сделать, кроме как смотреть и считать минуты до того момента, как смогу уйти.

В половине двенадцатого я жалуясь на головную боль от шампанского и сообщаю Лону, что мне нужно будет уйти пораньше. Мама выглядит обеспокоенной — на меня не похоже уходить с вечеринки до полуночи, особенно с той, на которой моя танцевальная карта заполнена. Я ободряюще похлопываю её по руке, а затем убегаю. Она стала такой беспокойной с тех пор, как отец потерял больше половины своих клиентов, и чувство вины горит у меня в животе, как раскалённый уголь, но с каждым шагом, который я делаю, удаляясь от бального зала, оно всё больше задыхается, пока не превращается в мерцающую кучку пепла под моим волнением.

И снова Бен и Мадлен уже спят, когда я возвращаюсь в наш номер.

Я переодеваюсь в простую тёмно-синюю юбку и белую блузку, затем распускаю волосы с дорогого гребня и заплетаю их в косу, перевязывая лентой в тон юбке. Наконец, я кладу подушки под одеяла в грубой форме спящего тела и выключаю свет, чтобы осмотреть свою работу. Сияние лунного света, проникающего сквозь мои занавески, окутывает кровать серебристыми тенями, которые только усиливают фарс. Если родители не присмотрятся слишком внимательно, я уверена, что они не смогут заметить разницу.

К тому времени, как я добираюсь до пляжа, луна скрыта тёмным облаком, её бледный свет очерчивает пухлые гребни, и моим глазам требуется некоторое время, чтобы привыкнуть к темноте. Сначала я не вижу Алека, и меня охватывает страх. Неужели он не смог уйти? Или всё это было шуткой? Неужели он сейчас смеётся со своими друзьями над глупой богатой девушкой, которая думала, что на самом деле нашла в нём друга?

Но потом облако движется, заливая пляж лунным сиянием, и я вижу его, сидящего на камнях. Он сменил форму лакея на вельветовые брюки и подтяжки, которые носил в саду, сочетая их с синей рубашкой из шамбре. Он ещё не увидел меня, и я задаюсь вопросом, вернутся ли у него в голове те же вопросы. Думает ли он, что, может быть, я где-то смеюсь на его счёт.

Я выхожу из тени.

Все его тело расслабляется при виде меня.

— Я отчасти подумал, ты придешь, — говорит он, когда я подхожу ближе.

— Я отчасти подумала о тебе то же самое, — признаюсь я.

Он спрыгивает со скалы и протягивает мне руку. Я беру её, удивляясь тому, насколько она отличается от бесчисленных других рук, которые я принимала за эти годы. Шире и крепче, с мускулами — не те мускулы, которые джентльмен получает от игры в гольф, а те, которые мужчина получает от тяжёлой работы, зарабатывая на жизнь.

— Итак, — говорит он. — Ты готова увидеть Палаточный город?

ГЛАВА 16

НЕЛЛ

МАМА СКЛОНЯЕТСЯ НАД МОЕЙ КРОВАТЬЮ, заправляя вокруг меня одеяло. С пахнет розами и сиренью, летом и влажной садовой землей.

— Всего три дня, — говорит она, — и я вернусь.

Слабые лучи лунного света, пробивающиеся сквозь ставни, освещают чемодан рядом с дверью нашего гостиничного номера. Папа храпит на другой кровати, и это пугает меня.

Его не должно быть здесь.

Мне двенадцать лет, и я в своей собственной спальне.

Но когда я поднимаю глаза, ожидая увидеть полки, заставленные танцевальными трофеями, фотографиями команд и боа из перьев, я вижу только белую полосу. Справа от моей кровати, где на бирюзовом столе должны стоять мой компьютер и учебники, находится ряд длинных окон с плантационными жалюзи, выходящих на балкон, который просто для вида, и ветви деревьев, которые бьют по оконным стеклам.

И тогда я вспоминаю.

Я не в своей спальне в Колорадо, а в гостиничном номере на острове Уинслоу. Потому что папа сейчас работает здесь. Но другого человека, который должен был быть здесь, третьего человека, который составлял треногу, которая была нашей семьёй, здесь нет с нами, потому что она уехала на учебную конференцию и не вернулась домой.

— Мама...

Она целует меня в лоб.

— Я постараюсь вернуться пораньше, если смогу.

Я борюсь с простынями, но они прилипают к моей коже, прижимая к кровати, удерживая меня.

— Мам, не уходи...

— Это моя работа, — она одаривает меня грустной, понимающей улыбкой. — Я должна идти.

— Нет.

Простыни впиваются в мою кожу, как верёвки, прижимая меня к матрасу.

— Ты должна выслушать меня...

Но она отстраняется точно так же, как и в ту ночь. Как будто это не прощание навечно.

— Сладких снов, Нелли Би.

— Мама!

Она хватается за свой чемодан.

— Не надо!

Я бьюсь о простыни, но это бесполезно.

— Мама, пожалуйста!

Она открывает дверь. Оглядывается на меня.

— Ты должна быть сильной сейчас, малышка.

— Мама...

Окна с треском распахиваются, впуская порыв ветра, который звучит так, словно отказывает реактивный двигатель.

Она посылает мне воздушный поцелуй.

— Я буду скучать по тебе.

А затем она выходит в дверь, закрывая её за собой.

— Нет!

Простыни обмякают в моих руках. Я сбрасываю их и бегу к двери. Я рывком открываю её и осматриваю коридор, но слишком поздно.

Она уже ушла.

— Тсс.

Маленький мальчик появляется в конце коридора.

— Следуй за мной, — говорит он.

Я вытираю тыльной стороной ладони заплаканные щёки.

— Зачем?

Он хихикает.

— Мы играем в игру.

Его голос потрескивает, как радиопомехи. Сейчас он стоит посреди коридора, хотя я и не видела, чтобы он двигался.

Я сглатываю и прижимаюсь спиной к дверному косяку.

— Что за игра?

Я моргаю, и он уже стоит прямо передо мной, свет отражается в его тусклых, ломких волосах.

— Мы не можем позволить ему найти тебя, — шепчет он, просовывая свою маленькую холодную руку в мою. — Поторопись.

Он тянет меня по коридору, подол моей ночной рубашки шуршит вокруг лодыжек. Розовые шёлковые ленты кружатся вокруг моих запястий и округлого выреза. Я комкаю рукой тонкую, незнакомую ткань.

Маленький мальчик оглядывается на меня.

— Не волнуйся, — говорит он. — Я не позволю ему найти тебя

— Кто 'он'? — спрашиваю я.

— Мужчина, — отвечает он.

Он ведёт меня вверх по узкой лестнице на пятый этаж.

— Мы можем спрятаться здесь, — говорит он, открывая дверь в бельевой шкаф.

Я отдёргиваю руку.

— Нет.

Свет мигает.

— Поторопись, — говорит маленький мальчик. — Он идёт!

Тяжёлые шаги слышны вверх по лестнице.

Маленький мальчик протягивает руку.

— Пожалуйста.

Шаги становятся громче.

Я беру мальчика за руку и погружаюсь в темноту.

* * *

Я резко просыпаюсь.

Простыни вокруг меня холодные, влажные и смятые. Огромная дыра, которую мама оставила в моём сердце, снова вскрылась, кровоточит в лёгкие, невозможно дышать. Слезы обжигают глаза, а резкие, сдавленные рыдания режут горло. Я пытаюсь убедить себя, что это был всего лишь сон, но мои кости болят от метаний в кровати, а кожа под глазами покрыта солью от слёз.

У меня есть два варианта. Я могу разбудить папу. Рассказать ему о сне и о том, что произошло ранее в ванной. Найти утешение в единственном родителе, который у меня остался, и в процессе испортить счастье, которое он смог найти здесь. Он одарит меня таким взглядом, который говорит, что он уже сомневается, что я когда-нибудь буду в

порядке, и тогда мне тоже будет труднее в это поверить.

Или я могу полностью отключить свои эмоции.

Я хватаю рюкзак и направляюсь в бальный зал.

* * *

Мой плейлист с инди-роком крутится в ушах, пока я тренирую *жете* через весь зал. Это не традиционная балетная музыка, но мощь инструментов и эмоциональность вокала дают мне необходимый импульс, чтобы прыгать выше, растягиваться дальше, работать усерднее. Я теряюсь в историях песен и в ритме, проходящем через меня. Музыка делает меня смелой, заставляет меня хотеть устроить шоу для этого зала и всех, кто может быть в нём. Человек или отпечаток.

Живой или мёртвый.

Я лишь смутно ощущаю свою опору, когда кружу по залу. Большое *жете*, *пируэт*, *арабеска*. Большое *жете*, *пируэт*, *арабеска*. Я иду, круг за кругом, пока моё тело не начинает двигаться без мыслей.

Я подобна воздуху, а воздух ничего не чувствует.

Только когда мои лёгкие больше не могут качать достаточно быстро, чтобы дать мне необходимое дыхание, я замедляюсь. Волосы давно выбились из пучка, падая на глаза и приликая к блестящей от пота шее. Песня заканчивается наступающей тишиной, и я делаю реверанс перед своей воображаемой аудиторией.

В тишине я слышу слабые ноты другой песни. Я проверяю телефон, но плейлист закончился.

Музыка не моя.

Я вытаскиваю наушники из ушей. Это та же вчерашняя песня, за напевом которой я поймала себя в душе. Только на этот раз она наполнена множеством других звуков — звоном хрустала, приглушенным журчанием разговоров, хлопаньем пробок от шампанского — и всё это эхом разносится по пустому залу. Мелодия звучит издалека, и всё, о чём я могу думать, это то, что она, должно быть, просачивается сквозь стены из другой комнаты.

В обеденном зале?

Я кладу наушники в рюкзак и направляюсь к двери, мои балетные тапочки шуршат по ковру.

Я выхожу в вестибюль — на этот раз администратор работает над судоку — и направляюсь в столовую. Сжимаю пальцы вокруг дверной ручки. Музыка и болтовня становятся громче, жужжа у меня в ушах. Я открываю дверь...

Музыка прекращается.

Нахмурившись, я вхожу внутрь, но помещение выглядит точно так же, как бальный зал. Совершенно пустое, если не считать круглых столов. Персонал ещё даже не начал готовить его к завтраку.

Я выхожу в вестибюль, закрываю за собой дверь и возвращаюсь в бальный зал, прислушиваясь к песне, но там уже ничего нет. Только звук ластика администратора, стирающего ошибку.

ГЛАВА 17

ЛИЯ

МЫ ИДЁМ РУКА ОБ РУКУ мимо бесчисленных рядов палаток. Ночь золотистая с света уличных фонарей и кухонных костров. Алек ведёт меня к танцевальному павильону, из которого на улицу доносится ритм рэгтайма оркестра Палаточного города.

— Ты готова к этому? — спрашивает он, неуверенность в его глазах противоречит дразнящим ноткам его голоса.

— Я никогда ни к чему так не была готова за всю свою жизнь.

Он ухмыляется.

— Ну, тогда. Давай не будем заставлять тебя ждать ни минуты дольше.

В бальном зале воздух был пропитан запахом денег — он пульсировал от каждой украшенной драгоценностями шеи и пресных разговоров. Музыка была строго классической, алкоголь — исключительно шампанским. Здесь же, в танцевальном павильоне, деревянный пол липкий от пива и пота, воздух пропитан запахом помады и дешёвых духов. Туфли, купленные в комиссионке, топают по потёртым доскам, а оркестр разражается неистовой мелодией.

Это именно то, что мне нужно.

— Алек!

Алек поворачивается. Высокий, худой парень, похожий на рыжеволосую вешалку для одежды, выскакивает из толпы с напитком в руках. Он обнимает Алека за плечи и говорит:

— Мы уже начали думать, что у тебя ничего не получится, — его взгляд скользит по мне. — И кто эта прелесть?

— Лия Сарджент, — говорю я, протягивая руку.

Новоприбывший крепко пожимает мою руку.

— Фицджеральд О'Брайен, — говорит он, его дыхание пахнет алкоголем и можжевельником. — Друзья зовут меня Фитц.

— Фитц — мой старый друг, — объясняет Алек.

— Приятно с вами познакомиться, — говорю я.

Фитц поворачивает мою руку и целует костяшки пальцев.

— Большое удовольствие для меня.

Алек прочищает горло и смотрит на толпу.

— Сегодня вечером мы действительно тестируем пожарную безопасность.

— Да, — соглашается Фитц, не сводя с меня глаз.

— А если будет пожар? — спрашиваю я.

Фитц ухмыляется.

— По крайней мере, мы умрём, танцуя и напившись.

Девушка со светлыми волосами, тонкими и блестящими, как кукурузный шелк, появляется рядом с Алеком, задевая его плечо розовым рукавом с оборками.

— Привет, незнакомец.

— Клара, — отвечает Алек, не вполне встречаясь с ней взглядом. — Развлекаешься?

Она разговаривает с ним, но смотрит на меня.

— Разве ты не собираешься представить меня своей подруге?

Прежде чем Алек успевает ответить, к нам с танцпола приближается ещё одна пара: парень с черными, как смоль волосами и девушка с веснушками на лице.

— Мы знакомимся? — спрашивает новенький. — С кем?

Фитц обнимает меня за плечи.

— Не подходи ближе, Томми, мой мальчик. Я увидел её первым.

— О, Боже, — бормочет Алек, убирая волосы с лица и сцепляя руки за головой.

Я подавляю смехок.

— Хорошо. Привет, — говорит Томми, засовывая большие пальцы в подтяжки и делая шаг ко мне.

Девушка рядом с Томми толкает его локтем в рёбра.

— Я Мойра, — говорит она. — *Девушка* Томми.

Алек отталкивает Фитца и Томми от меня.

— Может быть, это была не такая уж хорошая идея, — шепчет он мне на ухо.

— Почему? — спрашиваю я.

— Всё в порядке, — говорит Алек, его волосы низко падают на глаза. — Тебе не нужно притворяться, что тебе это нравится. Мы можем свалить отсюда.

— Я не притворяюсь.

Чтобы доказать это, я беру напиток Фитца из его рук и допиваю оставшийся джин. Алек смотрит на меня с отвисшей челюстью, пока я провожу тыльной стороной ладони по рту.

— Как насчёт этого танца?

Рот Алека слегка приоткрывается.

— Как пожелаете, мисс Сарджент.

Я хватаю его за руку и тащу на танцпол. Оркестр начинает другую песню, быструю и свободную. Я поворачиваюсь к Алеку, кладу правую руку ему на плечо и переплетаю свою левую руку с его. Медленно, как будто он не уверен, что должен, он кладёт руку мне на талию. Он смотрит на меня настороженным, неуверенным взглядом, но затем музыка ускоряется, и наши ноги начинают двигаться, и мой смех ослабляет его беспокойство.

Он кружит меня по полу, и я подстраиваюсь под него шаг за шагом. Я представляю, что должна чувствовать комета, проносящаяся сквозь Вселенную с невероятной скоростью. Я смутно осознаю людей вокруг нас. Во время одного обхода танцпола я замечаю Томми, Мойру и Фитца, которые улюлюкают и хлопают в ладоши, наблюдая за нами. Клара стоит в стороне, уперев руки в бока.

Алек отстраняет меня, так что мы едва держимся друг за друга кончиками пальцев, затем притягивает меня обратно к своей груди. Его друзья свистят. Я двигаюсь, чтобы снова увеличить расстояние между нами, но он прижимает руку к моей спине, притягивая меня к себе, и затем мы летаем по залу, наши ноги касаются пола всего на полсекунды, прежде чем снова взлететь. Я не осознаю ничего, кроме музыки и запаха лимонного дерева, всё ещё цепляющегося за кожу Алека, и ощущения его тела, прижатого к моему.

Мы замедляемся только тогда, когда музыка замедляется. Останавливаемся только тогда, когда музыка смолкает.

— Давайте поаплодируем этой паре, — объявляет руководитель оркестра, указывая на нас, и впервые я понимаю, что мы единственные, кто остался на танцполе.

Толпа аплодирует.

Алек наклоняется к моему уху.

— Хочешь пить?

Я киваю.

Он берёт две кружки пива из бара и ведёт меня к столику.

Я залпом выпиваю половину своей кружки, затем ставлю её на стол и откидываюсь на спинку стула.

— Вы такое удивительное создание, мистер Петров.

— Я? Это не я только что выпил половину джина Фитца.

Я качаю головой, глядя на него.

— Где, чёрт возьми, ты научился так танцевать?

— Мои родители вкладывали деньги в уроки, когда я был мальчиком, — отвечает он. — Отец сказал, что мне будет гораздо легче найти подходящую девушку, если я буду уметь танцевать.

— Думаю, мне бы понравился твой отец.

Губы Алека кривятся в грустной улыбке.

— Он бы полюбил тебя.

— А твоя мать? — спрашиваю я. — Когда я смогу с ней встретиться?

Его брови взлетают вверх.

— Ты хочешь познакомиться с моей матерью?

— Я должна поблагодарить её за уроки, — говорю я. — Если ты не заметил, я только что провела лучшее время в своей жизни.

— На самом деле, ты можешь встретиться с ней в любое время, когда захочешь, — отвечает он. — Она тоже работает в "Гранде".

— Она работает?

Он кивает.

— Она прачка.

Я кладу локти на стол, отчасти потому, что это удобно, а отчасти потому, что знаю, что маме это не понравилось бы.

— А твой отец? — спрашиваю я. — Он тоже работал в "Гранде"?

— Управляющий конюшни. Прodelал свой путь от скромного конюха. Моим родителям было шестнадцать, когда они поженились. Вместо медового месяца они вложили все свои деньги в эмиграцию из России в Соединенные Штаты. Моя мать была беременна мной, когда они приехали в "Гранд". Это всё, что я когда-либо знал.

— Неудивительно, что ты знаешь, как выполнять здесь всю работу.

Он улыбается, само смирение, и крутит свой бокал на столе.

Оркестр переключается на более медленный сет. Я допиваю остатки пива.

— Готов к ещё одному вращению?

Алек делает то же самое, ставя свой пустой стакан на стол.

— Ещё бы.

Когда на этот раз Алек обнимает меня, моё бедро мягко покачивается под его рукой, это как медленный ожог глубоко в моей груди. Он смотрит на меня сверху вниз сквозь завесу длинных тёмных ресниц, прижимая меня ближе, очертания его тела сливаются с моими. Я чувствую, что что-то теряю, когда смотрю на него снизу вверх, но понятия не имею, что именно.

Это в равной степени пугает и завораживает меня.

Я не могу отвести взгляд.

ГЛАВА 18

НЕЛЛ

НА ЧАСАХ УЖЕ ЧЕТВЕРТЬ ШЕСТОГО, когда я возвращаюсь в наш номер, и хо

большая часть отеля всё ещё спит, уже появились признаки жизни в виде утренних бегунов, пересекающих вестибюль в спандексе и неоновых теннисных туфлях, бормочущих телевизоров из-за закрытых дверей, и запах свежесваренного кофе разносится по коридорам. Теперь, окруженной искрами жизни, легче быть смелой — легче искать разумные объяснения, чем верить, что музыка может исходить из ниоткуда, или ящики в ванной могут открываться сами по себе, а дверь в ванную может закрываться ни с того ни с сего.

Мои любимые объяснения того, что произошло в ванной, включают сейсмический сдвиг, сильный порыв ветра и то, что я так устала, что не помню, как запирала дверь или открывала ящики в поисках... чего-то.

Мыла, может быть.

Ладно, последнее объяснение немного неубедительно, но всё же.

Должно быть, я была бледной, когда папа, наконец, вернулся в комнату прошлой ночью — часом позже, — потому что он спросил меня, что случилось, и выглядел смущённым, когда я спросила его, был ли он в ванной.

— Нет, я только что вернулся из офиса. А что?

Я сказала ему, что спросила просто так, что мне показалось, я что-то слышала. Я сомневаюсь, что он мне поверил, но и вряд ли бы он поверил в то, что произошло на самом деле.

"А музыка?" — призрачный голос шепчет в глубине моего сознания. — Та песня, которую ты всё время слышишь?"

Я презрительно фыркнула в ответ этому голосу. Всё очень просто. Очевидно, кто-то в отеле репетирует эту песню точно так же, как я репетирую свой танец. Я просто не могу понять, в какой комнате они находятся. Их может даже не быть поблизости — музыка может проникать через вентиляционные отверстия с другой стороны отеля, просто создавая впечатление, что она звучит в той же комнате, что и я.

"А голоса, которые ты слышала с ней?"

"А твоё имя на зеркале?"

"А сны?"

Этому есть гораздо более простое объяснение, которое подходит и для инцидента в ванной. Но я старательно избегаю этого объяснения, потому что оно наиболее правдоподобно и будет означать, что я не так хороша, как хочу быть. Потому что означает, что мне придётся бежать обратно к доктору Роби, поджав хвост, если я не смогу придумать, как это исправить самостоятельно.

Я так погружена в свои мысли, когда сворачиваю во внешний коридор, что не замечаю лестницу, пока не натыкаюсь ногой на её основание. Я вытягиваю руки и хватаюсь за металлические края, удерживая равновесие и себя, и лестницу. Надо мной раздаётся глубокий взволнованный звук. Я бросаю взгляд на пару длинных, обтянутых хаки ног и белую футболку, на мускулистую руку, тянущуюся к светильнику. Одна загорелая рука хватается за арматуру, в то время как другая вытягивается для равновесия.

— Простите! — говорю я, морщась.

Мужчина медленно поворачивает голову в мою сторону. Его тёмные волосы касаются висков, а квадратная челюсть напрягается. Он шумно выдыхает.

— Ты, должно быть, шутишь, — бормочет он, закатывая глаза к потолку.

Алек Петров.

Я отталкиваюсь от лестницы. Она раскачивается, и парень снова крепче сжимает

светильник.

— Что ты там делаешь наверху? — спрашиваю я.

— Меняю лампочку, — говорит он сквозь стиснутые зубы. — Тебя это устраивает?

Я прищуриваюсь и всерьёз подумываю о том, чтобы сказать ему, куда он может засунуть эту лампочку, но я не хочу доставлять ему такого удовольствия. Я вообще-то рада, что столкнулась с ним — ну, я не рада, что *буквально* столкнулась с ним. Снова. Но если мы собираемся жить под одной крышей, мы могли бы также прийти к какому-то мирному договору, и это кажется прекрасной возможностью протянуть оливковую ветвь.

— Мне, правда, жаль, — говорю я, выдавливая слова. — Это был несчастный случай.

Он вставляет новую лампочку в разъём и поворачивает.

— Несчастные случаи, похоже, вошли у тебя в привычку.

Я скрещиваю руки на груди.

— Я не неуклюжая, если ты на это намекаешь.

— А с виду и не скажешь.

Я ногтями впиваюсь в кожу.

— Что-нибудь ещё хочешь *мне* сказать?

Он спускается по лестнице.

— Нет.

— Серьёзно?

Он не произносит ни единого слова, направляясь обратно тем же путём, которым пришла я. Даже не попрощался.

И это *всерьёз* выводит меня из себя.

Я бегу и обгоняю его, подрезая у двери.

— Я Нелл, — говорю я, протягивая руку.

Я пытаюсь вернуть тёплую улыбку — *"если единственно твоё желание это задушить кого-то, — как говорила мама, тебе лучше убить его добротой"*, — но мои зубы сжимаются, а рот кривится в оскале.

— Нелл Мартин. Приятно с вами познакомиться.

Мускул на его челюсти дёргается.

— У тебя проблемы с тем, что ты не нравишься людям или что-то в этом роде?

— Нет, — отвечаю я. — Но у меня точно проблемы с плохими манерами.

Его брови выгибаются. Не намного. Ровно настолько, чтобы понять, что я удивила его, но его лицо тут же снова становится жёстким.

— Забавно, — говорит он, делая шаг ближе, его низкий голос грохочет по моей коже. —

И это говорит девушка, которая не знает, как сказать "Спасибо".

Я щурю глаза. Он явно зол не из-за этого, но если он хочет так играть, прекрасно.

— Если уж на то пошло, я сказала: "Спасибо за помощь", но ты был слишком злым, чтобы услышать меня.

— Это всё?

— Что это?

— Это всё, что ты хотела мне сказать? — спрашивает он, глядя на меня сверху вниз. —

Потому что у *некоторых* из нас есть работа, которую нужно сделать.

Я фыркаю.

— Да. Это всё.

Он обходит меня. Этот чистый цитрусовый аромат щекочет мой нос, он слишком хорош

для кого-то настолько ужасного.

— И постарайся больше не вставать у меня на пути, — кричу я ему в спину.

Он раздражается смехом.

Кипя от злости, я поворачиваюсь на каблуках и иду в другую сторону.

Кем, чёрт возьми, он себя возомнил? Принц Уинслоу? Король "Гранда"? Я никогда не встречала кого-то настолько раздражающего, настолько приводящего в бешенство, настолько чудовищно ужасного за всю свою жизнь...

Я останавливаюсь рядом с узкой лестницей, ведущей на пятый этаж, мои ногти впиваются в ладони полумесяцами. С тех пор, как я здесь, я чувствую себя не в своей тарелке, и не знаю, из-за переезда, или из-за отеля, или из-за того взгляда, который бросил на меня доктор Роби, который продолжает мелькать у меня в голове, но всё, о чём я могу думать, это:

К чёрту всё это.

Я поднимаюсь на самый верх лестницы и сворачиваю направо, следуя по пути, который помню из своих снов. Я собираюсь доказать, что никакого бельевого шкафа не существует, потому что если бельевого шкафа нет, то нет и мёртвого мальчика, а если нет мёртвого мальчика, то сны, которые мне снились, какими бы реальными они ни казались, всего лишь сны. "Подсознательное проявление моей тревоги", — как сказал бы доктор Роби, а потом, как только я сама увижу, что всё это ненастоящее, я забуду об открытых ящиках, и о моём имени, написанном на зеркале, и о лифте, и о песне, и, самое главное, об Алеке Петрове.

Я вернусь к тому, чтобы быть в норме. Я просто должна увидеть.

Я поворачиваю направо, затем ещё раз, и ещё. Снаружи небо светлеет, превращаясь в кобальтово-синее полотно, испещрённое серыми облаками. За моей спиной скрипит половица.

Я резко оборачиваюсь.

В коридоре пусто.

Я продолжаю идти, делаю ещё один поворот, и...

Вот она. Дверь в бельевого шкафа.

Моё сердце останавливается.

"Это ничего не доказывает, — говорю я себе. — Ты, очевидно, помнишь эту дверь с той поры, как побывала здесь в последний раз. Это не значит, что всё так, как ты думаешь".

Мой гнев делает меня храброй. Я шагаю к шкафу, ища номер комнаты для гостей, но там его нет. Я хватаюсь за ручку и считаю:

Один... два... три.

Я рывком открываю дверь.

Внутри стены заставлены полками со свежестиранными полотенцами и постельным бельём. Передо мной раскачивается металлическая цепь. Я прослеживаю цепочку до единственной лампочки в стиле Эдисона. Единственное, чего не хватает, это маленького мёртвого мальчика, у которого кровь капает с потрескавшихся губ.

С колотящимся сердцем я захопываю дверь.

ГЛАВА 19

ЛИЯ

В ПОЛОВИНЕ ЧЕТВЕРТОГО УТРА КЛАРА предлагает развести костёр на пляже.

Фитц указывает на неё, его глаза остекленели от выпитого.

— О, отлично. Мы будем танцевать вокруг костра, как пещерные люди, и выть на луну.

Томми, — кричит он. — Тащи сюда свою ирландскую задницу.

Алек шепчет мне на ухо:

— Нам не обязательно идти. Если хочешь, я могу отвести тебя обратно в отель.

— А вот этого, — говорю я ему, — я меньше всего хочу.

Похоже, мы не единственные в Палаточном городе, у кого возникла такая идея. На пляже уже есть несколько других костров, поэтому вместо того, чтобы тратить время на разведение собственного, мы присоединяемся к группе, играющей на банджо и танцующей босыми ногами вокруг полутораметрового пламени. Мойра ободряюще улыбается мне, пока мы танцуем, но Клара смотрит на меня так, словно я вор, а Алек — как будто сокровище, которое я пришла украсть.

— Думаю, кто-то влюблен в тебя, — бормочу я уголком рта, заметив, что она наблюдает за нами.

Алек вздыхает.

— Мы встречались несколько месяцев. Думаю, она надеется, что мы, так или иначе, найдём способ вернуться друг к другу.

— Было ли намерение жениться?

Он прикусывает губу, но не может полностью скрыть смех.

— Это никогда не было настолько серьёзно. Клара и Фитц были моими первыми друзьями. У меня нет ни одного воспоминания без них. Казалось естественным, что один из нас будет ухаживать за ней, но это никогда не ощущалось правильным. Я думал, что то же самое относится и к Кларе. Во всяком случае, она всегда смотрела на Фитца, когда мы были вместе.

Я выгибаю бровь.

— Ну, теперь она смотрит на тебя.

Он бросает на меня скрытый, косой взгляд.

— Она никогда не любила делиться своими игрушками.

Мы часами танцуем вокруг этого костра, воем на луну, как стая волков, как и сказал Фитц. Когда небо светлеет, предвещая рассвет, Томми поднимает Мойру на руки и кружит её. Фитц хватается за талию и швыряет её в море. Она визжит и бьёт его по спине, крича:

— Просто подожди, пока я не скажу твоей маме!

Я беру Алека за руку и шепчу:

— Спасибо.

— За что?

— За то, что пригласил меня сегодня вечером. Ты даже не представляешь, как много это для меня значит.

— Ну, тогда. Считай это приглашением на всё лето. В любое время, когда захочешь сбежать, просто дай мне знать.

— Ты серьёзно это имеешь в виду? — спрашиваю я.

— Конечно.

Я снова поворачиваюсь к луне и закрываю глаза, моя кожа впитывает её угасающий свет и прохладный морской воздух. В темноте он рукой накрывает мою руку, и мы остаёмся так,

одни у угасающего костра, пока солнце не показывается из-за горизонта.

* * *

Оранжево-золотой свет рассвета следует за нами, когда мы возвращаемся на пляж отеля, оставляя за собой следы на влажном песке. Я оглядываюсь на компрометирующий след, который мы оставили, идя из Палаточного города, но прилив усиливается, и меня утешает сознание того, что единственное свидетельство нашей совместной ночи будет смыто до того, как подадут завтрак.

Одной рукой я держу туфли на согнутых пальцах, а другой придерживаю юбку. Теперь я благодарна судьбе за то, что сменила бальное платье на дневное, хотя Мойра, Клара и другие девушки в павильоне были в своих лучших платьях. Если мои родители не спят, когда я приду, я могу объяснить своё отсутствие прогулкой по пляжу ранним утром, при условии, что они так и не обнаружили подушку под моими простынями.

Алек, засунув руки в карманы, продолжает украдкой поглядывать на меня, когда думает, что я не смотрю. Это вызывает у меня странное чувство, что он ждёт, когда я исчезну, как будто я с самого начала не была реальной, что так странно, учитывая, что я никогда не чувствовала себя *более реальной* за всю свою жизнь.

— Расскажи мне о кольце? — внезапно спрашивает он.

Я так погружена в изучение этого парня, который заставляет меня смеяться днём и танцевать, как комета ночью, что не совсем понимаю, о чём он спрашивает, но потом он показывает на гигантский изумруд, который подарил мне Лон, говоря, что он подходит к моим глазам, хотя у меня карие глаза.

— Ох. Это, — говорю я.

— Это кольцо на помолвку.

Это не вопрос, но я всё равно отвечаю.

— Да.

— Не слишком ли ты молода для замужества?

— Наша свадьба назначена на первые выходные сентября, — объясняю я. — К тому времени мне будет семнадцать.

— Это всё равно слишком рано.

— Да, но есть смягчающие обстоятельства.

— Ты любишь его? Твоего жениха?

Сейчас я должна солгать. Я должна сказать "да, конечно, я люблю его, и что я никогда ничего не ждала с таким нетерпением, как дня нашей свадьбы". Я произносила эти слова так много раз, что они легко слетают с моих губ, за исключением... Я не хочу лгать ему.

— Нет, — говорю я. — Это брак по расчёту. Ничего больше.

— По чьему расчёту? — он нажимает. — Твоему?

— Ты задаешь много вопросов.

— Ты избегаешь многих вопросов.

Я понижаю голос до скандального шепота.

— Я избегаю этого вопроса, потому что это ужасная семейная тайна.

— Что ж, если вы надеялись заинтриговать меня этим заявлением, мисс Сарджент, вам это удалось.

Я не хочу улыбаться, но не могу сдержать подёргивания губ.

— Давай просто скажем, что моя семья не так богата, как раньше, и этот брак решит много проблем.

На минуту он замолкает, задумавшись, так что единственными звуками являются шум прибора рядом с нами и лёгкое шлёпанье наших ног по песку.

— Так ты выходишь за него замуж ради блага всех остальных?

Я не отвечаю.

Он обхватывает мою руку, останавливая меня.

— А как насчёт того, чего хочешь ты?

Позади него небо становится розово-оранжевым. Его лицо в тени восходящего солнца, океанские глаза такие тёмные, что я чувствую, что могла бы рассказать им всё, что угодно, и они похоронили бы мои секреты глубоко в своей чернильной бездне.

— Я украшение, — говорю я. — То, чего я хочу, не имеет значения.

Он качает головой, берёт меня за другую руку и поворачивает лицом к себе.

— Это имеет значение для меня.

— Почему? — спрашиваю я, слово едва слышно слетает с моих губ. — Почему тебя должен волновать кто-то, с кем ты познакомился всего несколько дней назад?

— Не знаю, — говорит он. — Но меня волнует.

Я не принимаю сознательного решения поцеловать его. Вся ночь казалась чем-то из сна, и если я сплю, то мне не нужно беспокоиться о правилах приличия, которые управляют моей реальностью. Во сне, если ты хочешь кого-то поцеловать, ты просто делаешь это, и я хочу поцеловать Алека здесь, сейчас, на этом пляже, когда солнце встаёт в новый день позади нас.

Я сбрасываю туфли на песок и отпускаю юбку. Я медленно поднимаю руки, запускаю пальцы в его волосы и притягиваю его к себе. Алек целует меня первым, его рот пожирает мой, как будто он всю свою жизнь ждал, чтобы поцеловать меня. Меня никогда никто так раньше не целовал, и я на мгновение ошеломлена его необузданной силой, тем, как его руки обнимают меня, его широкие плечи отгораживают от остального мира.

Моим самым первым поцелуем был поцелуй моего соседа в нежном возрасте тринадцати лет, после того как наши родители повели нас на *"Ромео и Джульетту"*. Мы вышли из театра, недоумевая, из-за чего весь сыр-бор, прижиматься чьими-то губами к губам другого. Мы остались в недоумении после того, как попробовали это на себе и не нашли в этом предприятии ничего полезного.

Мой второй и последний поцелуй перед этим был подарен мне Лоном в день, когда он сделал мне предложение. Это был единственный раз, когда мы оказались без компаньонки за шесть месяцев нашего ухаживания, и Лон даже не спросил моего разрешения. Я думаю, что моего согласия на его предложение было достаточно, даже если это было робкое "да", которое заставило меня почувствовать, что я вот-вот оставлю свой завтрак на его ботинках. Он прижал свой язык к моим губам, заставляя его проникнуть в мой рот. Это было, без сомнения, самое неприятное ощущение, которое я когда-либо испытывала, как будто скользкий угорь извивался у меня между зубами. Я всё ещё не понимала, из-за чего весь сыр-бор, и мне пришлось вытирать рот от его слюны, когда он не смотрел.

Теперь я понимаю, что такое поцелуй.

Я обвиваю пальцами шею Алека сзади, притягивая его ближе. Руки Алека скользят по моей талии, а затем опускаются ниже, прижимая моё тело к его, пока мы не становимся на место — две половинки одного целого.

Я не хочу останавливаться, но солнце уже вошло, и отель просыпается, и нас, ни в коем случае, нельзя обнаружить здесь, вот так. Алек, похоже, думает о том же. Неохотно мы отрываемся друг от друга, оба задыхаемся.

Я смеюсь, затем поднимаю свои туфли и подол платья.

— Спокойной ночи, мистер Петров.

Он склоняет голову, его глаза сверкают, как голубые угольки.

— Доброе утро, мисс Сарджент.

ГЛАВА 20

НЕЛЛ

ВЕСЬ ОСТАТОК ДНЯ Я ОТВЛЕКАЮ СЕБЯ. Я пытаюсь сосредоточиться на своей работе в кладовой, просматривая личные письма, газетные статьи и старые журналы за первые несколько десятилетий после открытия "Гранда", но не могу перестать думать о бельевом шкафу. София не показывала его нам во время экскурсии — да и зачем ей это? — Так как же он оказался в моих снах?

Удачная догадка?

После смерти мамы я видела её повсюду. Иногда она казалась мне такой же реальной и цельной, как папа, и я думала, что всё это было просто одной огромной ошибкой, потому что мама была дома, живая, счастливая и целая. Иногда она была просто яркой, мерцающей фигурой в изножье моей кровати, наблюдающим за мной призраком в тени, и я знала, что она никогда больше не будет *цельной*. Иногда она была изуродованным трупом, кровь капала из того места, где у неё была оторвана половина черепа.

Я не уверена, что думал папа. Может быть, это была стадия горя — что-то, что пройдёт, если он проигнорирует это. Но после трёх месяцев без каких-либо изменений он обратился к доктору Роби. На моём первом сеансе врач сказал мне, что галлюцинации были возможным побочным эффектом для детей, которые недавно пережили эмоциональную травму.

Побочный эффект. Симптом. Ничего такого, что нельзя было бы вылечить с помощью терапии два раза в неделю.

Какое-то время я боролась с доктором Роби, потому что признать, он был прав, и мама была всего лишь плодом моего воображения, было всё равно, что потерять её снова. Только когда я заметила, что поступаю также с папой — добавив груз печали, который давил на его плечи, пока он не стал похож на сломанную вешалку для одежды, заполучив иссиня-чёрные воронки вокруг его налитых кровью глаз, седые пряди в его волосах, которых не было несколько месяцев назад, — я согласилась с рекомендованным доктором Роби планом лечения.

Это произошло не сразу, но чем больше я виделась с доктором Роби, тем меньше мама приходила, и я знала, что он оказался прав. Она была ненастоящей.

Она *никогда* не была настоящей.

Как только прошёл год, в течение которого я не видела её, мы перешли к сеансам раз в неделю, а затем, в конце концов, раз в месяц. Вот почему, когда я узнала, что папа согласился на эту работу, и доктор Роби предложил помочь мне найти другого терапевта в городе, я сказала ему, что мне это не нужно. Я не видела маму больше трёх лет, и хотя я знала, что это было только из-за лечения доктора Роби, тихий, вызывающий голос внутри меня хотел доказать, что я никогда в нём не нуждалась. Что мне было бы хорошо самой по

себе тогда и что я, конечно же, буду в норме сама по себе сейчас.

Но сейчас я уже не так уверена в этом.

Может быть, София впрямь показывала нам этот бельевой шкаф во время экскурсии, и я просто не помню — в течение нескольких недель после смерти мамы в моей памяти было много пробелов, так что не похоже, что эти маленькие "провалы в памяти" не случались раньше. И, может быть, я действительно открыла сама те ящики в ванной и заперла дверь, а может быть, у меня просто галлюцинации по поводу этой песни.

Я не хочу верить, что мой мозг всё ещё столь расстроен из-за мамы, но единственное другое объяснение, которое приходит мне в голову (кроме призраков, что слишком нелепо для понимания), это то, что всё это связано со стрессом — из-за переезда, из-за попыток оставаться в форме для прослушивания, от попыток найти деньги на обучение на случай, если они выберут кого-то другого на стипендию. И если это связано со стрессом, то я могу это контролировать. Если это связано со стрессом, то это *временно*. А это значит, что беспокоиться не о чем, и абсолютно *нет* причин звонить доктору Роби.

София заходит в кладовку после обеда и приглашает нас с папой на костёр в отеле сегодня вечером.

— В основном это мероприятие для гостей, — объясняет она, — но мы с Максом стараемся несколько раз в течение года посетить его, к тому же я не смогу придумать более идеального способа поприветствовать тебя и твоего отца в "Гранде".

— Спасибо, — говорю я. — Я узнаю, что он думает.

— Ты должна прийти, — говорит мне Макс после ухода Софии. — Мама вовек от меня не отстанет, если я не смогу убедить тебя. Последние три дня я только и слышал о том, как мы должны сделать так, чтобы ты и твой отец почувствовали себя желанными гостями.

Я хмурюсь.

— Она много говорит о нас?

Он пожимает плечами.

— Ну, не то, чтобы это *единственное* о чём она говорит, но да, она постоянно спрашивает, как у тебя дела, и продолжает упоминать, как она впечатлена всеми идеями, которые твой отец придумывает для новых мероприятий для гостей. Честно говоря, думаю, что он ей вроде как нравится.

Мой желудок скручивает.

— Серьёзно?

— Да, — говорит Макс, шевеля бровями. — Такими темпами через год мы можем стать братом и сестрой.

Я сижу там, ошеломленная, слишком поздно понимая, что он подразумевал это как шутку. Я пытаюсь прийти в себя, смеюсь, но выходит натянуто, и время совсем не подходит.

Оказывается, папа полностью за костер — в этом нет ничего удивительного, — поэтому, как только мы с Максом заканчиваем нашу дневную работу, я поднимаюсь наверх, чтобы переодеться. Я подумываю о том, чтобы принять душ, но даже при том, что я знаю, что всей сцены с ящиками и моим именем, написанном на зеркале, на самом деле не было, я не совсем готова столкнуться с этим снова. Вместо этого я собираю волосы в низкий беспорядочный пучок и переодеваюсь в капри и блузку без рукавов. Я подумываю о том, чтобы накраситься, но вряд ли найдётся кто-то, на кого я хотела бы произвести впечатление на этом мероприятии.

А что, если Алек там?

Тогда *однозначно* не будет никого, на кого я хотела бы произвести впечатление.

Папа несёт свой любимый костюм в ванную, чтобы переодеться. Я пытаюсь смотреть телевизор, чтобы скоротать время, но мой желудок сжимается при мысли о том, что он готовится к встречи с *ней*, как будто это какое-то свидание или что-то в этом роде, пока я больше не могу это выносить.

Я оставляю записку на его прикроватном столике, беру ключ-карту и спускаюсь вниз.

* * *

Вдоль дальней стены вестибюля расположена экспозиция, рассказывающая о краткой истории "Гранд Отеля Уинслоу". Я читала об основателе отеля Августе Шеффилде, который построил отель на острове Уинслоу после восстановления последствий Гражданской войны в надежде привлечь деньги северян, чтобы возродить этот район. Я читала о том, как люди приезжали издалека, чтобы насладиться тёплой погодой острова Уинслоу и целебным океанским воздухом, и я читала о Палаточном городе, своего рода палаточном лагере для тех, кто не мог позволить себе отель. Художник отрисовкой изобразил ряд полосатых палаток в тени отеля, и там что-то...

Четыре девушки идут рука об руку, их головы откинута назад от смеха, их волосы яркие и блестящие на летнем солнце.

— столь знакомое —

Жуткое стремление, ноющее глубоко внутри меня, быть одной из них.

— в этом.

Я протягиваю руку к картине, кончики моих пальцев мелькают над палатками. Звук эхом разносится по комнате, сначала тихий, затем он становится всё громче, как приближающийся товарный поезд. Гул океана смешивается с возбужденными криками толпы и *лязгом-лязгом-лязгом* колёс по стальной колее...

— Готова?

Я подпрыгиваю.

— Ух, ты, полегче, чемпионка, — говорит папа, хватая меня за плечи. — Ты в порядке?

— Да, — говорю я, — Ты просто...

Фигура движется за папиным плечом, оглядываясь на меня, но потом сразу же исчезает в толпе. Я бы узнала эти жесткие, расчетливые глаза где угодно.

Алек Петров.

Как долго он там стоял?

Папа машет рукой перед моим лицом. От его одеколона у меня на глазах наворачиваются слёзы.

— Привет? Земля вызывает Нелл.

Я качаю головой.

— Извини, я просто... очень увлеклась тем, что читала.

— Понятно, — он протягивает мне свой локоть. — Готова идти?

Я киваю и беру его под руку.

— Ты пользуешься одеколоном, — говорю я.

— Я всегда пользуюсь одеколоном.

"Не так обильно", — думаю я.

— И твой любимый костюм.

Он смотрит на меня.

— Ты хочешь меня о чём-то спросить?

Да.

— Нет, — говорю я. — Пустяки.

ГЛАВА 21

ЛИЯ

РОДИТЕЛИ ВСЁ ЕЩЁ СПАЛИ, когда я вернулась, и хотя я слышала, как Бенни ходит по своей комнате, дверь к нему была закрыта. Я быстро переоделась в ночную рубашку, спрятала перепачканные в песке чулки под кроватью. Расплела волосы и немного растрепала их, а после скользнула под простыни. Я закрыла глаза, намереваясь немного поспать, но моё сердце бешено колотилось, и я всё ещё чувствовала прикосновение губ Алека к своим, и когда через полчаса мама открыла мою дверь, я была совершенно бодра.

Теперь я стою рядом с забором новейшей достопримечательности острова Уинслоу: фермы эму.

— Разве это не чудесно? — спрашивает Лон. — Я был здесь прошлым летом, когда эму впервые появились. Они прибыли аж из Австралии в огромных упаковочных ящиках.

Я наклоняю голову, изучая забавно выглядящих существ. У них у всех бочкообразная грудь и тощие ноги, слишком длинные шеи и слишком большие клювы. Я смотрю на Лона и решаю, что есть определённое сходство.

— Да, — бормочу я. — Чудесно.

— Вот, подойди ближе, — говорит Лон, подталкивая меня к забору до тех пор, пока средние перила не упрутся мне в бёдра. — Они не кусаются.

Мне трудно в это поверить, учитывая краснолицего десятилетнего мальчика, который прошёл мимо нас, направляясь в другую сторону, когда мы спускались к загону, прижимая руку к груди, а его отец утешал его обещанием очень большого мороженого.

Я пытаюсь оттолкнуться от забора, но Лон обнимает меня за талию и приподнимает меня на нижние перила.

— Вот, — говорит он. — Так лучше, правда?

— Лон.

Эму бросает на меня пристальный взгляд, наклоняет голову и делает медленные, неуверенные шаги к забору.

— Лон, опусти меня.

— Не волнуйся, милая, — его хватка на моей талии усиливается. — Я бы никогда не позволил, чтобы с тобой что-то случилось.

Птица поднимает крылья.

— Лон, я серьёзно...

Эму начинает бежать, из его горла вырывается булькающий рев.

— Отпусти!

Я бью Лона локтем в грудь. Его дыхание вырывается с громким "Уфф!", и он отшатывается назад. Я спрыгиваю с забора как раз перед тем, как эму врежется в него, ломая верхнюю перекладину, как ветку.

— Пошла, Бесси, мерзавка! — рабочий в джинсовом комбинезоне кричит, подбегая к забору. — Мерзавка!

Эму Бесси наклоняет голову и моргает своими длинными ресницами, глядя на него, затем медленно отступает от забора.

— Глупая птица, — кричит рабочий. — Извините за это. Бесси немного агрессивна. Больше проблем, чем она того стоит, если хотите знать моё мнение. С вами всё в порядке, мисс?

— Хорошо, — выдавливаю я сквозь зубы.

— Сэр?

Лон всё ещё сидит на земле, потирая рукой грудь. Он поднимается на ноги и отряхивает грязь со штанов.

— Да, да, я в порядке, — огрызается он в ответ. — Леди была перепугана.

Моя челюсть болит от силы, с которой я стискиваю зубы. Я сомневаюсь, что будет хорошо, если я скажу Лону, что *леди* не была напугана — леди просто взяла дело в свои руки, за что он должен быть вечно благодарен, учитывая, что травмы могли быть намного хуже, чем у его гордости, если бы она этого не сделала.

Рабочий заглядывает через забор и качает головой.

— На этот раз она сумела снести его. Третий забор, который она сломала за столько недель. Если вы оба извините меня, я должен взять ящик с инструментами.

Лон всё ещё не смотрит на меня, что меня вполне устраивает. Я тоже не очень-то хочу на него смотреть. Не раньше, чем он извинится за то, что был таким властным грубияном, и, возможно, даже тогда я продолжу злиться.

— Мы должны вернуться в отель, — говорит он. — Я забыл, что у меня встреча с одним из наших инвесторов.

— Очень хорошо.

Мы возвращаемся в отель в тишине, наши невысказанные слова душат воздух между нами. Наконец, мы подходим к дверям в вестибюль. Я начинаю подниматься по лестнице, но Лон хватается меня за руку, останавливая. На мгновение я думаю об Алеке, делающем то же самое этим утром, только прикосновение Лона не нежное. Оно твёрдое непреклонное. Слишком похоже на отцовское.

— Ты действительно не собираешься извиняться? — выплёвывает он.

У меня отвисает челюсть.

— Ты хочешь, чтобы я извинилась перед *тобой*?

— За то, что унизила меня на публике? Да.

— Если кто-то и был унижен, так это я. Прижимаешь меня к забору, хотя я *сказала* тебе опустить меня...

— И я сказал тебе, что не позволю, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

— Дело не в этом!

Несколько гостей оборачиваются и смотрят на нас.

Лон оттаскивает меня от входа в отель, его хватка сжимает мои кости.

— Лон, ты делаешь мне больно...

Он ослабляет хватку, но не отпускает. Он ведёт меня вокруг ротонды бального зала и заталкивает за группу деревьев, подальше от любопытных глаз.

Он делает глубокий вдох, одёргивая свой жилет, а я прижимаюсь к стене.

— Я надеюсь, ты знаешь, — начинает он, его голос тщательно контролируем, — что я не буду мириться с такой наглостью, когда мы поженимся.

Я знаю, что именно сейчас я должна просить у него прощения. Это то, чего ожидает

Лон — то, чего хотел бы от меня отец. Но кровь стучит в ушах, а рука болит от его хватки, и, возможно, часть огня, вокруг которого я танцевала прошлой ночью, просочилась в мои кости, потому что, когда я открываю рот, вместо этого выходит:

— Я тоже.

У него отвисает челюсть.

— Что именно я сделал такого дерзкого?

— Ты имеешь в виду, помимо того, что ты поставил меня в ситуацию, в которой мне было некомфортно, а затем полностью проигнорировал меня, когда я тебе об этом сказала?

— Тебе нужно научиться доверять мне, — говорит он, снова беря меня за руку. — Или я заставлю тебя этому научиться.

— Что ты собираешься делать? *Заставишь* меня довериться тебе?

Он отпускает мою руку и кладёт ладони мне на плечи. Пальцами впивается в мою плоть.

— Что на тебя нашло? Ты никогда раньше так себя не вела.

"Извинись, — голос, который звучит точно так же, как голос моего отца, эхом отдается в моей голове. — Живо. Это твой шанс".

— Лон, я не собираюсь повторять тебе это снова. Отпусти. Меня.

Наконец он делает, как я говорю, резко выдыхая и ругаясь себе под нос.

— Возможно, нам следует потратить некоторое время, чтобы остыть, — говорит он. — Переосмыслить.

Я приподнимаю юбку и обхожу его.

— По-моему, это прекрасная идея.

— Аурелия.

Я останавливаюсь.

— Мне нужно, чтобы ты кое-что поняла, — говорит он. — Я очень занятой, очень важный человек. Мне нужно, чтобы моя жена поддерживала меня — полностью подчинялась мне во всём. Если ты сомневаешься, что сможешь справиться с этим, тогда, возможно, нам следует пересмотреть нашу помолвку.

Он не даёт мне времени ответить, и это нормально, поскольку я не совсем уверена, что должна сказать. Он пронесется мимо меня, выходя из тени деревьев и направляясь к вестибюлю. Мгновенный трепет свободы пронзает меня, пока я смотрю, как он уходит.

Может быть, я наконец-то смогу освободиться. Может быть, наконец-то смогу убежать. Я могла бы сесть на ближайший паром, заложить своё кольцо и сесть на поезд куда-нибудь, где меня никто никогда не найдёт — может быть, Монтана или Вайоминг — какой-нибудь маленький городок у чёрта на куличках. Одних денег с моего кольца, вероятно, хватило бы, чтобы мне было комфортно в подобном месте в течение нескольких месяцев, и я не боюсь тяжёлой работы, хотя на самом деле никогда не испытывала это, если не считать уроков танцев, когда я была совсем юной, от которых у меня были мозоли на ногах, или головные боли, которые я получала от хождения с книгами на голове в течение нескольких часов подряд.

Я могла бы это сделать. Я могла бы уйти прямо сейчас. Начать сначала. Никому и в голову не придёт искать меня как минимум час. Кроме...

Я не могу оставить маму и Бенни страдать от гнева отца из-за моего эгоизма. И если бы я была вынуждена быть полностью честной сама с собой, я бы также признала, что мысль о побеге приводит меня в ужас, хотя я и не знаю почему. Не то чтобы мне было что терять,

кроме комфорта и привычности оставаться именно там, куда меня поместили. Тем не менее, я больше боюсь того, что там происходит, чем отца, даже несмотря на то, что я знаю, что он будет в ярости, когда узнает, что Лон "пересматривает" нашу помолвку.

Я делаю глубокий вдох, бросая последний взгляд на залив и возможности, которые лежат за ним, затем ступаю на бетонную дорожку. Я киваю проходящей паре, направляясь в вестибюль.

Навстречу моей знакомой и удобной судьбе.

ГЛАВА 22

НЕЛЛ

ТРИ КОСТРА ИСПЕЦРЯЮТ ПЛЯЖ. Вокруг одного из них расставлены раскладные стулья, и, похоже, его облюбовали пожилые пары, пьющие вино и мартини. Ещё один оккупирован семьями, которые жарят сыр и кричат своим детям, чтобы те не подходили слишком близко к огню. Третий был захвачен подростками, студентами колледжа и звуковой док-станцией, качающей музыку из своих динамиков.

Мы с Максом направляемся к нему, в то время как папа и София присоединяются к более искушенной толпе. София была права — собравшиеся у костров в основном гости, но здесь есть несколько сотрудников и их дети. Макс знакомит меня со своей подругой, официанткой в одном из ресторанов отеля по имени Тара. Она только что пришла со смены, на ней чёрные брюки и белая блузка, её косы собраны в аккуратный пучок на макушке.

— В сентябре Нелл станет такой же заключенной в школе Уинслоу, — говорит ей Макс. Затем он смотрит на меня и показывает большим пальцем на Тару.

— Тара тоже будет выпускницей. Однако она претендует на роль королевы бала выпускников, так что, вероятно, она будет слишком высокомерна и величественна, чтобы разговаривать с нами...

Тара толкает его локтем.

— Ты, может быть. Я могу сказать, что Нелл классная.

— Я не знаю, что пострадало больше, — говорит Макс, хватаясь за бок. — Моя гордость или грудная клетка.

Тара закатывает глаза.

— Он такой мелодраматичный.

Чем темнее становится, тем больше людей приходит. Один из несовершеннолетних гостей тайком открывает банки с газировкой, наполненные пивом. Макс качает головой.

— Кто-то всегда выкидывает нечто подобное, — говорит он мне. — Пока никого не поймали, но это только вопрос времени, особенно если люди станут неряшливыми и начнут блевать повсюду.

Парень предлагает мне банку, но я отказываюсь. В тот единственный и неповторимый раз, когда я попробовала это, на следующий день на уроке балета я была вялой и слишком хорошо осознавала тот факт, что от меня пахло, как от пивоварни. Не говоря уже о том, что я была *так близка* к тому, чтобы стать тем неряшливым пьяницей, о котором говорил Макс, и облевала весь блестящий деревянный пол студии.

Не совсем то чувство, которое я хотела бы воссоздать.

Кроме того, мне не нужно пиво, чтобы веселиться. Не тогда, когда из звуковой панели доносится музыка, а звёзды светят на нас, как вспышки фотоаппаратов. Кто-то начинает

танцевать вокруг костра, а потом этим заражаются все, подпрыгивая в такт. Тара хватается меня за руку, и мы ныряем в толпу, поднимая ногами песчаные дуги, и это...

Подол платья, изобилующий нижними юбками, обвивается вокруг стройной лодыжки.

— как будто —

Копна светлых кудрей, кружащихся в свете костра.

— я делала это —

Другая девушка танцует рядом со мной, но там, где брюнетка улыбается, блондинка наблюдает за мной настороженными глазами.

— раньше.

Полено трескается в огне, словно выстрел, и видение исчезает.

У меня кружится голова. Я тянусь к Таре, чтобы придать себе равновесия.

— Ты в порядке? — одними губами произносит она.

Я киваю.

— Просто голова кружится.

Она хмурится, поскольку не слышит меня из-за музыки. Я изображаю, что беру напиток, и она показывает большой палец вверх.

Я отхожу от огня, моя кожа пылает, а в горле пересохло. Тара следует за мной, и мы берём по бутылке воды из одного из холодильников.

Макс сидит у линии прилива и что-то набирает в своём телефоне.

— Переписываешься с тайной любовницей, Макси? — спрашивает Тара, плюхаясь рядом с ним.

Я успеваю заглянуть в приложение "блокнот", прежде чем экран становится чёрным.

— У меня появилась идея для сценария, — говорит он. — Я должен был записать мысль, пока не забыл.

— Ах да, *сценарий*, — говорит Тара, растягиваясь на спине. — Твой писательский блок наконец-то излечился?

Макс засовывает телефон в карман.

— Может быть.

Тара поворачивается всем телом и бросает на меня взгляд.

— Он сказал тебе, в чём дело?

— Пока нет, — отвечаю я, садясь с другой стороны от Макса.

Тара садится.

— Ооооо, могу я ей сказать?

— Ни в чём себе не отказывай, — говорит Макс, а затем фальшиво шепчет мне на ухо: — Она любит быть в центре внимания. Будущая ходячая драма, лучше которой ты не найдешь.

Тара хлопает его по руке.

— Тихо, — говорит она, а потом поворачивается ко мне. — Наша история начинается с легенды об Алеке Петрове.

Мои глаза расширяются.

— Подожди, Алек Петров? Как в?..

— Парень, на которого ты напала? — обращается Макс. — Тот самый, что ни на есть.

Тара выгибает бровь, глядя на меня.

— Ты напала на Алека Петрова?

— Я не *напала* на него. Мы столкнулись друг с другом. В этом не было ничего

особенного.

— Из твоих уст это звучит как большое дело, — говорит Макс.

Я шлепаю его по другой руке.

— Оу!

Тара шикает на него.

— Уверена, Макс уже сказал тебе, что Алек живёт в отеле? — она спрашивает меня.

Я киваю.

— Ну, согласно местной легенде, он не совсем *недавний* жилец. На самом деле, некоторые люди говорят, что он живёт в отеле уже более ста лет. То есть он зарегистрировался, но так и не выписался.

— Он не "зарегистрировался", — говорит Макс. — Он работал здесь.

Тара отмахивается от его комментария.

— Никакой разницы.

— Так кем же он должен быть? — спрашиваю я — Призраком?

— Может быть, — говорит Тара, её глаза становятся огромными.

Она машет пальцами в воздухе, как будто произносит заклинание.

— Или *бессмертный*.

Я наклоняюсь вперёд, ловя взгляд Макса.

— Ты же на самом деле в это не веришь, не так ли?

— Конечно, нет, — говорит он. — Петров — своего рода лёгкая мишень. Это был только вопрос времени, когда кто-нибудь пустит о нём слух.

— Что ты имеешь в виду?

Макс вытягивает ноги.

— Никто о нём почти ничего не знает, что довольно редко встречается в таком местечке, как это. Добавь к этому тот факт, что он почти никогда ни с кем не разговаривает и... ну ... люди могут быть придурками.

Тара качает головой.

— Не все думают, что это просто слухи. Мой дядя работал здесь, когда учился в средней школе, примерно миллион лет назад, верно? Ну, *он* говорит, что Петров тоже работал здесь тогда, или, по крайней мере, кто-то, кто выглядел *точно так же*, как он.

— Может быть, это был дядя Петрова, — говорит Макс, — или какой-то другой родственник. Твой миллионолетний дядя когда-нибудь думал об этом?

Я киваю.

— Это гораздо более правдоподобно.

Тара отталкивается от песка.

— Тьфу, забудьте об этом. Вы, ребята, не знаете, как наслаждаться хорошей историей. Я возвращаюсь на вечеринку.

Как только она оказывается вне пределов слышимости, я поворачиваюсь к Максусу.

— Только не говори мне, что ты, правда, веришь в нечто подобное. Это невозможно.

— Конечно, нет, — говорит он. — Но это довольно изящная идея для рассказа. Только подумай об этом... всё то, что такой человек мог бы увидеть, всё то, что он бы потерял. Это классическая головоломка о бессмертии. Да, ты можешь жить вечно, но стоит ли это того, если ты один? Если все, кого ты встретишь в своей жизни, умрут, а ты всё ещё будешь здесь? Я имею в виду, какой в этом смысл?

— Итак, если у тебя есть история, в чём заключается писательский блок?

Он хватает пригоршню песка и пропускает его сквозь пальцы.

— Я не могу понять, *почему* такой человек может жить в отеле или почему именно *этот* отель.

— Легенда не объясняет этого?

Он качает головой.

— Вот почему это такая дрянная легенда. Я имею в виду, что есть теории, но все они глупы.

— Например, что?

— Ну, есть теория, которую ты упомянула. Что он призрак.

— Я могу засвидетельствовать тот факт, что он очень твёрдый.

Макс смеется.

— Да, на это я тоже не куплюсь.

— Что ещё?

— Есть теория, что он инопланетянин, чей космический корабль потерпел крушение на пляже за пределами "Гранд Отеля" столетие назад, и с тех пор он выжидает своего часа, ожидая прибытия спасательного корабля.

— Серьёзно?

— Самое лучшее, — говорит он, — это то, что он проклят, но никто не знает почему. Просмотр хранилища натолкнул меня на пару идей, которые я хочу изучить, но я всё ещё надеюсь, что что-то в моих исследованиях бросится мне в глаза, — он ухмыляется. — Кто знает? Может быть, на днях я даже найду старую фотографию Петрова. Докажу, что слухи на самом деле правдивы.

Я качаю головой.

— Знаешь, если ты действительно хочешь знать, правда ли что-то из этого, ты мог бы просто обратиться к источнику.

Его глаза расширяются.

— Ты шутишь? Этот парень отправит меня в нокаут дней на пять! Я вот к чему, если оставить в стороне городские легенды, в Петрове есть что-то немного... не такое...

Я закатываю глаза.

— Я сомневаюсь, что он бессмертен, или призрак, или что-то в этом роде, — быстро добавляет он. — Но я всерьёз полагаю, что он что-то скрывает.

Я думаю о маме, о докторе Роби, о вполне реальной возможности того, что я схожу с ума, и об одном телефонном звонке, который я могла бы сделать, чтобы этого не случилось.

— Людям позволено иметь секреты, — бормочу я.

— Да, согласен, — он достаёт свой телефон. — Не возражаешь, если я закончу? У меня здесь был настоящий поток сознания.

— Дерзай.

Я ложусь на песок и закрываю глаза, а он начинает печатать. Щелкают клавиши и разбиваются волны, но мои мысли громче, чем Макс и океан вместе взятые.

ГЛАВА 23

ЛИЯ

— ТЫ ЧТО, СОВСЕМ С УМА СОШЛА? — кричит отец, захлопывая за собой дверь громко шагая внутрь номера.

Он роняет теннисную ракетку на пол. Он снова играл с отцом Лона — или, по крайней мере, таков был план. Краткость его отсутствия наводит на мысль, что он отправился на теннисные корты, чтобы встретиться с мистером вон Ойршотом, только чтобы узнать, что Лон расторг помолвку, и, следовательно, у мистера вон Ойршота действительно не было причин больше мириться с отцом и его плохими теннисными навыками.

Мать встает.

— Эдмунд...

Он взглядом заставляет её замолчать, пересекая комнату и пиная оловянных солдатиков Бенни. Бенни вскакивает на ноги в знак протеста, но Мадлен шикает на него и, взяв за руку, выводит из комнаты

Отец останавливается передо мной, трясётся, его лицо красное, как репа.

— Ты должна пойти прямо к Лону и извиниться. Мне всё равно, как ты это сделаешь, мне всё равно, что ты должна сказать, чтобы это произошло, но ты будешь умолять его принять тебя обратно, понимаешь?

— Тебя не волнует, почему он разорвал помолвку?

— О, нет, Аурелия, мне не всё равно. Когда моя дочь публично унижает своего жениха, человека, в руках которого всё благополучие её семьи, меня это очень волнует.

Страх сжимает мой живот под его жёстким взглядом, но я стою на своём.

— Ты даже не хочешь услышать мою версию истории?

Это неправильно говорить. Отец сжимает руки в кулаки. Вены на его шее пульсируют.

— Нужно ли мне ещё раз напоминать тебе, — говорит он, — какая судьба ждёт нашу семью, если ты не выйдешь замуж за Лона? Ты хочешь увидеть, как твоя мать работает на фабрике по пошиву рубашек? Ты хочешь увидеть Бенни с сажой на щеках и метлой трубочиста на плече? Ты хочешь увидеть, как я попрошайничаю на улицах?

Я делаю глубокий вдох.

— Нет, но должен быть другой способ...

— Его нет. Это и есть способ, Аурелия. Так что перестань быть такой чертовски эгоистичной, проглоти свою гордость и извинись.

Ему не нужно произносить слово: *Иначе*. Оно и так подразумевается в том, как он сжимает кулаки, и в воспоминаниях о синяках, скрытых там, где их никто не мог видеть.

— Да, отец.

* * *

Я нахожу Лона на теннисном корте с мистером вон Ойршотом, атлетическая фигура Лона длинной волнистой линией вырисовывается на горизонте. Его рубашка прилипает к спине, когда он подбрасывает мяч вверх. Мяч на мгновение задерживается в воздухе, прежде чем падает обратно на землю. Лон размахивает ракеткой с ужасающей демонстрацией силы. Мяч пролетает над сеткой, едва не задев яремную вену его отца.

— Притормози, *чёрт возьми*, — кричит мистер вон Ойршот.

Лон проводит тыльной стороной ладони по носу, где в ложбинке под ноздрями скапливается пот.

— Ещё раз, — говорит он.

Его отец вздыхает.

— Мы занимаемся этим уже несколько часов.

Лон свирепо смотрит.

— Ещё раз.

Мистер вон Ойршот делает глубокий вдох и качает головой, затем посылает мяч в воздух. Его фигура далеко не так сильна, как у его сына, и усталость ослабила его мышцы. Мяч едва перелетает через сетку.

Треск ракетки Лона эхом разносится по корту, и впервые я по-настоящему замечаю мускулистое телосложение Лона. Не с одобрением, как мама или мои друзья, а как человек, у которого остались синяки на коже от его пальцев. Варварская демонстрация Лона этим утром доказала, что у него нет проблем с тем, чтобы помыкать женщиной, и если отец может дисциплинировать меня так, как он это делает, с минимальной силой, чтобы подтвердить это, что сделает со мной этот мужчина с его длинным телом камышового кота?

Мой желудок переворачивается, и я наклоняюсь вперёд, рукой опираюсь на высыхающий ствол пальмы.

О, Боже. Этот мужчина будет моим мужем.

Это не первый раз, когда я осознаю это или испытываю панику, которая следует за этим. Когда это случилось в первый раз, я подумала, что умираю. Даже сейчас, даже зная, что это просто моё тело умоляет меня бежать, маленькая часть меня всё ещё задаётся вопросом, так ли это будет — так ли я умру. Под тёплым летним солнцем, со звуком волн, разбивающихся в моих ушах. Люди будут кричать, и Лон подбежит ко мне, но я уже буду вне его досягаемости, паря высоко над облаками.

"Спокойно, — говорю я своему сердцу. — Спокойно".

Я набираю воздух в лёгкие и выдавливаю его, как кузнечные мехи. Удар мяча о корт, отсчитывающий секунды, отдаётся у меня в ушах. После десяти ударов мне не нужно так сильно стараться дышать. Моё сердце замедляется, желудок успокаивается, а моё тело снова собирается воедино. Наконец, я заставляю свои сопротивляющиеся ноги двигаться вперёд.

— Лон.

Он поворачивается. Его ноздри раздуваются при виде меня. Мои руки трясутся, и я быстро скручиваю их за спиной.

— Могу я поговорить с тобой?

ГЛАВА 24

НЕЛЛ

Я НЕ СПЛЮ.

Я не могу выбросить из головы ни бельевой шкаф, ни маленького мёртвого мальчика, ни простыни, прижимающие меня к матрасу, когда мама прощалась, ни открытые ящики в ванной, или моё имя, написанное на зеркале. Каждый раз, когда я закрываю глаза, мне кажется, что кто-то наблюдает за мной, и даже когда я открываю глаза, темнота в изножье моей кровати кажется гуще, чем в остальной части комнаты, подобно тени, сквозь которую не может проникнуть лунный свет.

"Тебе это только кажется, — говорю я себе. — Ничто из этого не является реальным".

Я пытаюсь повторить некоторые упражнения, которые доктор Роби заставлял меня выполнять, в самые первые изнурительные недели лечения с момента, как я начала его посещать. Когда я видела маму, стоящую в углу комнаты, или когда она появлялась на игровой площадке на перемене, или когда она гладила меня по волосам, пока я училась, сидя

за партой, я непрестанно говорила ей, что она ненастоящая, что она мертва, что она никогда не вернётся.

Но то, что этот чёртов бельевой шкаф реален, заставляет меня думать, что другие вещи тоже могут быть реальными. Мой разум подобен карусели, вращающейся всё быстрее и быстрее. Я не могу удержать ни одну мысль достаточно долго, чтобы сказать ей, что это не реально, потому что слова, которые продолжают шептаться в моей голове, и мои мышцы напрягаются, и простыни, кажется, снова сжимаются вокруг меня, хотя они не растягиваются и не сморщиваются, как раньше было в моём сне, и я знаю, что есть только одно, что может мне сейчас помочь.

Без четверти четыре я перестаю пытаться заснуть и направляюсь в бальный зал.

Ещё до того, как схожу с лестницы я слышу мрачную, ритмичную мелодию, просачивающуюся сквозь закрытые двери. Я бросаю взгляд на администратора, играющего в игру на своём телефоне, но если он слышит музыку, он ведёт себя так, словно ничего необычного в этом нет. Свирепо глядя на дверь, я вставляю наушники в уши, врубаю громкость на максимум и включаю свой "Эклектичный" плейлист, смесь хэви-метал, топ-40, рэпа и латиноамериканской поп-музыки — в общем, всё, что имеет громкий, драйвовый ритм. Идеальная музыка для тех случаев, когда я хочу забыть о технике и полностью погрузиться в танец.

Музыка берёт верх, и я изо всех сил напрягаюсь, кружась, как обезумевший кролик-энерджайзер, пока мои ноги не начинают дрожать, колени угрожают подогнуться, а зрение не начинает расплываться. Пот скользил по моим рукам, стекая по вискам и затылку. Я преодолеваю тот момент, когда моё тело говорит, что я больше не могу, потому что мой разум проясняется, и как только я преодолеваю физическую боль, ничего не остаётся. Только я и музыка, моё тело изгибается в такт каждому удару, как луна, несущая прилив.

Я не останавливаюсь, даже когда небо становится розовым. Я знаю, что должна — в любую секунду может войти кто угодно и найти меня, — но в конце каждой песни я думаю: ещё одна.

Ещё одна песня, и я снова начну чувствовать себя самой собой.

Ещё одна песня, и я докажу, что мне не нужна терапия, чтобы быть в порядке.

Ещё одна песня, и всё вернётся на круги своя.

Но когда на этот раз песня меняется, она уже не моя. Первые навязчивые звуки мелодии, которые я так отчаянно пыталась заглушить, начинают звучать в моих наушниках. Я бросаю взгляд на свой плейлист. Мой телефон говорит, что он играет версию песни группы "Red Hot Chili Peppers" — "Higher Ground" — минуты на треке даже идут так, как если бы она воспроизводилась. Но песня, которая звучит это классическое фортепиано и струнные, даже не из той вселенной, что "Higher Ground".

Я срываю наушники, но музыка становится только громче.

Голоса бормочут вокруг меня. Огни вдоль стен и в люстрах начинают мерцать. Звон бокалов накатывает вместе с взрывами смеха и хлопанием пробок от шампанского.

А затем голос отделяется от остальной какофонии:

— Нелл.

Голос низкий. Он скользит у меня в ушах. Вниз по моему позвоночнику.

Я делаю шаг назад.

— Нелл, — снова произносит он, на этот раз за моей спиной.

Кожу покалывает, когда что-то касается моего плеча. Прядь моих волос поднимается и

кружится в воздухе, как будто кто-то накручивает её на палец.

— Мы ждали тебя.

Я оборачиваюсь. Прядь волос дёргается, как будто её удерживают на месте, но сзади никого нет.

Я одна.

Мурашки покалывают моё тело

Мерцающий свет полностью погас.

Я делаю глубокий вдох.

Свет снова включается на полную мощность, и из стен вырываются полупрозрачные силуэты мужчин в смокингах и женщин в бальных платьях. Пары скользят к центру зала, вальсируя рука об руку друг с другом.

Свет гаснет, и они исчезают.

Моё дыхание вырывается длинной струйкой серебристо-голубого тумана, я начинаю дрожать.

Электричество искрится, как соединяющиеся старые провода, снова зажигая свет. Силуэты приближаются, кружась вокруг меня в танце. Один человек отделяется от толпы, протягивая руку. У него нет никаких отличительных черт, но что-то в нём заставляет мою кожу покрываться мурашками.

— Пойдём, — говорит он. — Присоединяйся к вечеринке.

Я кричу и бросаюсь к дверям.

— Нелл.

Все пары прекращают танцевать и поворачиваются ко мне, гаснет свет.

— Не уходи.

Свет снова включается, и все до единого они лежат на полу, кровь льётся из их потрескавшихся и искалеченных тел. Ещё больше крови размазано на стенах — длинные красные полосы там, где оставались отпечатки рук, которые царапались и волочились. Только один человек, отделившийся от толпы, стоит отдельно от них, его черты начинают вырисовываться в фокусе.

Жестокая улыбка кривит его губы.

— Присоединяйся к вечеринке, дорогая, — снова говорит он.

Пронзительный визг разносится по комнате, а лампочки лопаются и разбиваются вдребезги.

Я закрываю уши руками и бегу, отгораживаясь от голосов и звона бьющегося стекла.

Я подбегаю к дверям, хватаюсь за обе ручки и распахиваю их. Я пробегаю мимо бегунов на рассвете, кофеманов, направляющихся в кафе, пьяных туристов, всё ещё живущих по времени Западного побережья. Каждый из них смотрит на меня, открыв рот, когда я пробегаю мимо. Я слышу, как одна женщина бормочет своей спутнице: "С ней всё в порядке?", но я игнорирую её. Сердце стучит в ушах, и всё, что я знаю, это то, что мне нужно убраться как можно дальше от этого бального зала.

Двери в сад открыты, сквозь них течёт влажный от росы ветерок и серо-голубой свет раннего утра. Я бросаюсь через лужайку, намереваясь использовать её как кратчайший путь к другой стороне отеля и, кроме того, к пляжу, хотя я почти уверена, что могла бы поставить всю Атлантику между собой и этим бальным залом и всё равно не чувствовать себя в безопасности, но моё тело уже было на пределе до того, как я побежала, и мои ноги подкашиваются, как только я добираюсь до пруда с кои.

Я падаю на траву и предплечьями прижимаюсь к старым, выветренным камням, обрамляющим тёмную воду. Вспышка серебристой чешуи скользит у поверхности, а потом исчезает в глубинах.

Я смотрю на воду, льющуюся из пасти каменного льва, и пытаюсь отдышаться.

"Не настоящее, — говорю я себе. — Ненастоящее, ненастоящее, ненастоящее..."

Так почему же моя кожа головы всё ещё горит там, где потянули за волосы?

"Ты зацепилась за что-то, а остальное себе вообразила".

Но я не была рядом ни с чем, за что они могли бы зацепиться. Только люстры, да и самые нижние кристаллы из них всё ещё висели в добрых двух метрах над моей головой.

Я смотрю в глаза льва.

— Что со мной происходит? — бормочу я.

Кто-то кашляет. Я оглядываюсь через плечо.

Алек Петров стоит позади меня, одетый в брюки цвета хаки и белую майку, уже влажную от пота, с садовыми ножницами и ведром, наполовину полным колючих веток.

Я опускаю голову.

— Идеально.

— Я просто хотел, чтобы ты знала, что здесь кто-то есть, — говорит он. — До того, как ты продолжишь разговаривать сама с собой.

— Да, спасибо.

Я заставляю себя подняться, хотя мои ноги кричат на меня, а сердце, кажется, делает сальто в груди.

— Я уберусь с твоего пути.

Я начинаю уходить, но он удивляет меня, бормоча:

— Ты мне не мешаешь.

— Что?

Он прочищает горло.

— Мне просто нужно добраться до кустов роз позади тебя.

Я хмурюсь, оглядываюсь через плечо, туда, где ветви, густо усеянные шипами, начали подниматься по декоративным колоннам и балконам второго этажа. Странно — я не помню, чтобы розы достигали такой высоты пару дней назад.

— Хорошо, — говорю я, убираясь с его пути. — Прости.

Он проходит мимо меня, не встречаясь со мной взглядом, и сразу же принимается за работу, подрезая ветки у основания, затем срывая их со столбов здания. Его толстые садовые перчатки защищают кожу от шипов. Я останавливаю взгляд на мышцах его рук и спины, которые перекачиваются и напрягаются, когда он работает.

Я снова смотрю на фонтан.

— Эти штуки действительно появились из ниоткуда, да? — спрашиваю я, у меня пересохло во рту от бега.

Я инстинктивно тянусь к бутылке с водой в рюкзаке и чертыхаюсь.

Алек оглядывается на меня.

— В чём дело?

Он спрашивает так, что становится ясно, что на самом деле он не хочет спрашивать, но в его голосе слишком много беспокойства, слишком много трепета. Он хочет знать ответ, даже если не хочет задавать вопрос, и это осознание сбивает меня с толку, потому что я понятия не имею, почему его это волнует.

— Я оставила свой рюкзак в...

Я умолкаю до того, как сказала "бальный зал". Наверное, не самая лучшая идея признаваться сотруднику отеля, что я каждое утро танцую в месте, в котором, вероятно, запрещено это делать.

— Где-то, — неуверенно заканчиваю я.

Он не отвечает.

Мне придётся вернуться, пока кто-нибудь не обнаружил его, но я не могу заставить свои ноги двигаться в сторону вестибюля. Я просто продолжаю чувствовать, как мои волосы развеваются в воздухе, продолжаю слышать, как разбиваются лампочки, продолжаю видеть эти тела, лежащие на полу, залитые кровью, и мужчину, стоящего над ними и просящего меня присоединиться к ним.

Алек кричит, отрывая от столба ещё одну ветку, шипы которой цепляются за дерево.

— Нужна помощь?

Он оглядывается на меня, его тёмные брови низко нависают над голубыми глазами. В них есть что-то такое, что напоминает мне волка, настолько сильное, что я чуть не делаю шаг назад. Но в этих кристально-голубых глубинах нет агрессии; только любопытство и, теперь, когда я действительно обращаю внимание, я вижу грусть, от которой у меня перехватывает дыхание.

— У меня нет другой пары садовых перчаток, — говорит он.

— И не нужно. Я просто срежу ветки, а с остальным ты разберёшься.

Он вытирает капли пота со лба.

— Почему ты хочешь это сделать?

— Мне нужно отвлечься.

Он смотрит на меня ещё секунду, затем протягивает садовые ножницы. Я забираю их у него и сажусь рядом с ним, подрезая ветки там, где они начинают виться на столбы.

Адреналин всё ещё течет по моим венам, и я надеюсь, что Алек не замечает, как дрожат мои руки.

Несколько минут мы работаем в тишине, прежде чем я замечаю, что он краем глаза смотрит на меня. Он отрывает ещё одну ветку от столба, его мышцы напрягаются с силой, и бросает её в траву.

— Тебе нравится рано вставать или что-то в этом роде? — спрашивает он.

Я думаю о том, что не спала уже тридцать шесть часов.

— Или что-то в этом роде, — отвечаю я.

Он хмыкает.

— А как насчёт тебя? — спрашиваю я. — Почему ты здесь так рано?

Он издает хмыкающий звук в глубине горла, как будто не уверен, что хочет продолжать говорить.

— Я стараюсь выполнить подобные работы пораньше, пока не стало слишком жарко, — он хватается ещё одну ветку. — И я плохо сплю.

— Я тоже.

Он кивает, как будто уже и так понял это.

Есть что-то немного... не то... в Петрове.

Пока мы работаем, рассеянный утренний свет вокруг нас смягчается, переходя в туманный оранжево-розовый цвет, солнце поднимается по небу. Мне очень нужно забрать рюкзак и вернуться в номер, пока папа не забеспокоился, но я хочу, чтобы отель ещё

немного проснулся прежде, чем я это сделаю. Безопасность в количестве и всё такое.

Я прочищаю горло.

— Тебе нравится здесь работать?

Никакого ответа.

— Твои родители тоже живут здесь?

Я пытаюсь, хотя он даёт мне все возможные намёки на то, что светская беседа — не его конёк.

— Или только ты?

Он колеблется.

— Только я.

Шаги эхом отдаются по каменной дорожке, и появляется посыльный. Алек кивает ему, и посыльный слегка машет ему рукой, но не встречается с Алеком взглядом и, ускоряя шаг, спешит в вестибюль.

Я обрезаю ещё одну ветку.

— Как долго ты здесь работаешь?

Алек рычит, тихо и низко.

— Значит, — говорит он, не глядя на меня. — Ты слышала слухи.

Я вздрагиваю.

— Дерьмо. Я имею в виду, да, но я не... — я выдыхаю. — Я не пыталась совать нос в чужие дела.

Мгновение он молчит. Затем, мягко, подобно перышку, он спрашивает:

— Ты им веришь?

— Конечно, нет. Они нелепы.

Он снова колеблется, затем срывает последнюю ветку со столба и бросает её в кучу у своих ног.

— Спасибо за помощь, — говорит он, протягивая руку. — Дальше я уже сам.

Я сглатываю и возвращаю ножницы.

— Извини, если я...

Его рука касается моей. Моё сердце замирает, когда я встречаюсь с ним взглядом, совершенно забыв, что собиралась сказать. Впервые с того дня, как мы встретились, когда он прижал меня к груди и запустил пальцы в мои волосы, он не смотрит на меня с раздражением или гневом. Он смотрит на меня с таким сильным голодом, что я чувствую, как он распространяется до кончиков пальцев ног. Он смотрит на меня так, словно я — единственное, что ему нужно.

Единственное, чего он когда-либо хотел.

Но потом он отводит взгляд, и я понимаю, что, должно быть, мне это померещилось. Он берёт ножницы и начинает резать ветки на земле на более мелкие кусочки, складывая их в ведро.

Я делаю шаг назад.

— Хорошо, — говорю я, во рту у меня пересохло по совершенно другой причине. — Хорошо. Увидимся.

Он продолжает работать, когда я ухожу.

И хотя я наблюдаю за ним, оглядываясь, он ни разу не бросил на меня взгляд.

ГЛАВА 25

ЛОН ВЫТИРАЕТ ЛОБ ПРЕДПЛЕЧЬЕМ, не переставая отбивать мяч от корта.

— Думаю, мы высказали всё, что нам нужно было сказать.

— Ну, нет.

Он смеётся, и звуком выходит резкий.

— Что ещё ты можешь мне сказать?

Я хочу плюнуть ему в лицо. Хочу сказать ему, что рада, что наша помолвка расторгнута, и что изначально никогда не хотела выходить за него замуж.

Вместо этого я говорю:

— Я хотела бы извиниться.

— О, правда?

Я стискиваю зубы. Он не собирается облегчать моё положение.

— Да.

— Почему? Потому что твой отец сказал тебе извиниться?

Я так удивлена, что он это говорит, что чуть не лягнула правду. Но я обуздываю свой порыв прежде, чем у него появляется шанс улизнуть на свободу.

— Нет, — вру я. — Я хочу извиниться, потому что, — я делаю глубокий вдох, — потому что поняла, что была неправа.

Его взгляд сужается. Он ищет что-то в моих глазах, и я пытаюсь придать им убедительный оттенок печали и вины. Это должно сработать, потому что он говорит своему отцу сделать перерыв, и мистер вон Ойршот чуть не падает в обморок от облегчения, вызванного его словами. Лон передаёт свою ракетку кортовому кэджи, засовывает руки в карманы и направляется к пляжу, не сказав мне ни слова, но я всё равно иду за ним, прокручивая в голове заготовленную речь.

Лон идёт, пока люди не отступают, пока не остаётся только мы, песок и океан. Он кладет руки на бедра.

— Хорошо. Извиняйся.

Я прищуриваюсь от яркого солнца.

— Я не знаю, что нашло на меня этим утром. Я... я боюсь высоты, ты же знаешь, — говорю я, думая о том, как отец использовал это оправдание в наш первый вечер здесь, когда я поднялась по лестнице вместо лифта, — и ты поднял меня на перила, а потом на меня набросился эму, и я... я была вне себя от страха.

Он не смягчается. Мне нужно польстить ему.

— Я должна была знать, что ты не позволишь, чтобы со мной что-то случилось, но, ну, это относительно ново, то, что я, — слова застревают у меня во рту, как слизь, — что я чувствую к тебе, и ты должен понять, когда женщина привыкла заботиться о себе сама. В трудные времена бывает трудно вспомнить, что теперь у неё есть мужчина, который может позаботиться о ней.

Я заставляю себя улыбнуться.

— Я уверена, что привыкну к этому к тому времени, когда мы поженимся, тем более что мы проведём лето вместе. То есть, если ты всё ещё хочешь меня.

Он колеблется.

— А как насчёт твоего отца?

Мой лоб хмурится. — Конечно, он всё ещё одобряет этот выбор.

Лон усмехается.

— Конечно, он одобряет. Нет, я имею в виду, разве он не был рядом с тобой, когда ты росла? Ты сказала, что не привыкла к тому, чтобы мужчина был рядом и заботился о тебе, но разве не это делал твой отец все эти годы?

Мне всё равно, как ты это сделаешь, мне всё равно, что ты должна сказать, чтобы это произошло, но ты будешь умолять его принять тебя обратно, ясно?

Лон выглядит так, словно жалеет меня, и я знаю, что могу использовать это в своих интересах.

"Очень хорошо, отец". Если вся моя жизнь с Лонгом будет ложью, я могу, по крайней мере, сказать ему одну правду.

— Мой отец был несколько отсутствующей личностью в моей жизни. Когда он не в офисе или не запирается дома в своём кабинете, он уезжает из города по своим деловым предприятиям. Это самое большое время, которое мы провели вместе всей семьей за последние годы. Так что, видишь ли, у меня никогда в жизни не было такой... серьёзной мужской силы. Ты заставляешь меня волноваться, когда ты... — я не могу поверить, что собираюсь это сказать, — когда ты вот так дотрагиваешься своей рукой до меня, и я срываюсь на тебя вместо того, чтобы делать то, что я хотела сделать.

— Что ты хотела бы сделать?

Я смотрю на него из-под ресниц.

— Познать альтернативы.

Его плечи слегка расслабляются, а глаза, ещё несколько мгновений назад тёмные от гнева, теперь превратились в жидкий дым. Он делает шаг ближе, так что мы едва не соприкасаемся грудью друг друга, и мой нос не утыкается в его ключицу.

— Какие альтернативы?

Надеюсь, он ошибочно примет тепло солнца на моих щеках за смущение.

— Пожалуйста, Лон, не заставляй меня говорить это...

Он берёт мои трепещущие руки в свои и целует их обе.

— Скажи это.

Я отвожу взгляд, глядя на предательские волны, разбивающиеся о берег. Такие непостоянные и в то же время так неохотно принимающие меня, когда я предлагала им себя. Тихий, тихий голос звучит в моей голове. "Этого не было в плане".

"Составь план". Если бы меня забрал океан, я бы не была вынуждена так унижаться сейчас.

"Ты также не провела бы прошлую ночь с Алеком".

Как ни странно, именно лицо Алека, более четкое, чем окружающий меня выгоревший на солнце пейзаж, даёт мне силы сказать:

— Поцелуй меня, Лон. Помоги мне преодолеть страх.

Он не нуждается в дальнейших подсказках. Его рот прижимается к моему, поглощая мои слова. Он со стоном скользит языком по моим губам, прижимая руки к моему заду и приподнимая меня.

"Алек. Думай об Алеке".

Я представляю, что это руки Алека на мне, тело Алека прижимается к моему, язык Алека скользит по моим зубам. Это не то же самое, что сегодня утром — я не растворяюсь в Лоне и не застываю на месте, как будто он — вторая половина меня, — но, учитывая, что в тот единственный раз, когда Лон поцеловал меня, я напряглась, как статуя, должно быть,

мне, по крайней мере, немного интересно теперь, когда мои мышцы расслабились.

Он держит одну руку на моей попе, прижимая меня к себе, а другую запускает в мои волосы, сжимая в кулак у основания головы. Он откидывает мою голову назад и целует нижнюю часть моей челюсти, его щетина обжигает мою кожу.

— Я бы сорвал с тебя это платье сейчас, если бы мог, — он кусает зубами воротник моего платья. — Возможно, я всё равно это сделаю.

Я пристально смотрю на него.

— Не смей.

Он смеётся и чуток опускает меня.

— Ты не эксгибиционистка, дорогая?

— Лон, я никогда ни перед кем не раздевалась, не говоря уже о том, что на пляже полно людей, — говорю я. И затем, мягче, чтобы смягчить внезапный вызов в его глазах, говорю: — Я хочу, чтобы мы были одни, когда ты разденешь меня в первый раз.

Он снова стонет и втягивает мою нижнюю губу в свой рот.

— Ты понятия не имеешь, что ты делаешь со мной, Аурелия. Не знаю, как я переживу это лето.

Моё сердце паникует, наполняя вены льдом. Мне не нравится направление, в котором движется этот разговор. Если я не буду осторожна, мы поженимся ещё до истечения недели.

Я отталкиваюсь от него и искажаю своё лицо выражением, которое, я надеюсь, напоминает сожаление.

— Да, я понимаю, но мы должны найти способ соблюсти приличия. Наши матери уже разослали приглашения, и мы не можем рисковать расстраивать наших гостей, особенно учитывая, что многие из них являются деловыми партнерами. Мы бы не хотели, чтобы они думали, что вон Ойршоты — взбалмошные люди, которыми управляют эмоции, а не приличия.

Он вздыхает.

— Ты права. Конечно, ты права. Видишь? Вот почему мы с тобой так хорошо подходим друг другу. Ты точно знаешь, в какую сторону направить меня, чтобы я плыл прямо и верно.

— Значит ли это, что наша помолвка снова в силе?

Он опускает меня на землю и обхватывает моё лицо ладонями.

— Я никогда в жизни не хотел ничего большего, моя дорогая. Мне просто нужно было знать, что ты чувствуешь то же самое.

Горький привкус подступает к моему горлу.

— Да.

Он ухмыляется и притягивает мою голову к себе и чмокает своими губами мои.

— Пойдём, — говорит он. — Мы должны вернуться в отель, прежде чем кто-нибудь поймёт, что мы без компаньонки.

Я беру его за руку. У меня такое чувство, будто моё лицо натёрли щёлоком.

— Теперь, когда всё улажено, — говорит он, похлопывая меня по руке, — я могу рассказать тебе о своём сегодняшнем сюрпризе.

— О?

Он кивает.

— Сегодня вечером мы не будем ужинать в отеле. Мы отправимся в круиз на закате на моей яхте, только вдвоём.

— А как насчёт компаньонки?

— На лодке будет несколько слуг, включая лакея, который будет подавать нам еду, — он наклоняется ближе и шепчет: — Я обещаю вести себя наилучшим образом.

Я вздыхаю.

— Жаль.

Он запрокидывает голову и смеётся. Я одариваю его своей фальшивой улыбкой, и он вообще не замечает разницы. К лучшему это или к худшему, но я снова в клетке. Самое меньшее, что я могу сейчас сделать, это насладиться жизнью, прежде чем дверь полностью закроется.

ГЛАВА 26

НЕЛЛ

Я НАПОЛОВИНУ ИДУ, НАПОЛОВИНУ ПРОБЕГАЮ через вестибюль.

Сейчас без четверти восемь. Весь отель двигается вокруг меня. Сейчас здесь достаточно людей, достаточно солнечного света, достаточно признаков жизни, чтобы действительно поверить, что вся сцена в бальном зале была просто галлюцинацией, вызванной стрессом, истощением или чем-то логичным. Легко сказать себе, что я была глупой из-за того, что так испугалась в первую очередь. Насколько я знаю, я ходила во сне — во всяком случае, так доктор Роби считал половину моих галлюцинаций с мамой, так что не похоже, что у меня нет прецедента для этого. Я отбрасываю в сторону образы разбивающихся лампочек, окровавленных трупов и мужчины, протягивающего мне руку, когда подхожу к закрытым дверям бального зала, расправляя плечи и поднимая подбородок, как будто у меня есть полное право войти.

Если телевидение меня чему-то и научило, так это тому, что люди многое спускают тебе с рук, если думают, что ты знаешь, что делаешь.

Я колеблюсь лишь долю секунды, когда мои пальцы сжимаются вокруг ручки.

"Это было не по-настоящему".

Я делаю глубокий вдох, открываю дверь и проскальзываю внутрь.

Помещение по-прежнему пустое, и нет ни единого доказательства того, что всё, что я испытала здесь более часа назад, действительно произошло. Здесь нет призраков, бродящих в тених, нет крови на полу, и все лампочки совершенно целы.

Мой рюкзак лежит на полу, где я его оставила. Я спокойно иду по бальному залу, но нет ничего спокойного в пульсирующей вене на шее или в грохоте, который моё сердце издаёт в груди. Я наклоняюсь, беру рюкзак и перекидываю его через плечо. Кусок клейкой ленты касается внутренней стороны моей руки. Это так сильно напоминает мне призрачное прикосновение, которое я почувствовала раньше, что я подпрыгиваю.

"Нет, — говорю я себе. — Не то прикосновение, которое я почувствовала. Прикосновение, которое, как мне казалось, я почувствовала. На самом деле этого не было".

А затем, чтобы помочь своему мозгу действительно поверить в это, я говорю:

— Здесь ничего нет. Никто из вас не настоящий.

Я жду, хотя и не уверена, чего именно. Никакие призраки не появятся, чтобы убедить меня в обратном. Лампочки больше не лопнут. Где-то справа от меня скрипит половица, но это просто оседают старые кости этого викторианского замка.

"Видишь? — говорю я себе. — Просто галлюцинация".

Конечно, эти мысли не заставляют меня чувствовать себя лучше, учитывая, что мой

разум снова играет со мной какие-то дурацкие шутки, но это лучше, чем альтернатива. Слова доктора Роби "звоните, если вам что-нибудь понадобится" эхом отдаются в моей голове, громче, чем когда-либо, пока я возвращаюсь в свою комнату.

Единственное, что удерживает меня от того, чтобы взять телефон, это моё упрямство, которое, как всегда говорила мама, либо приведёт меня куда-нибудь, либо в никуда, в зависимости от моего настроения.

Я не знаю, правильный ли это выбор, выбираю ли я где-то или нигде, но ничего не изменилось.

Я пролечилась у психотерапевта последние четыре года. Мне нужно выяснить, достаточно ли я, наконец, в порядке, чтобы справиться с этим самостоятельно, и единственный способ сделать это — попытаться. Если я не смогу с этим справиться, я позвоню. Но не сейчас. Пока ещё нет.

Вот почему, когда я возвращаюсь в комнату, я долго принимаю душ. Даже когда я заканчиваю мыться, я заставляю себя стоять неподвижно, позволяя воде стекать по моим ноющим мышцам, сопротивляясь желанию проверить что там по другую сторону занавески, независимо от того, сколько раз образ моего имени, написанного на зеркале, продолжает всплывать в моём сознании.

Когда я, наконец, отдёргиваю занавеску, там ничего нет. Ванная комната выглядит так, как и должна выглядеть.

Удовлетворенная, я переодеваюсь в джинсы и старую футболку, оставляю свой мобильный телефон в рюкзаке на полу в номере и направляюсь в кладовку.

Сегодня я как никогда благодарна за эту работу.

Она успокаивает мой разум, и я вообще не нахожу совпадением то, что мне ещё предстоит испытать здесь галлюцинацию. Не из-за того, что Макс постоянно держит меня в напряжении, задавая случайные сюжетные вопросы для своего сценария, и не из-за стопок статей, писем и фотографий, я просто продолжаю погружаться в себя, пока не кажется, что я почти рядом с ними, с этими людьми, которые жили, мечтали и умерли задолго до моего рождения.

Интересно, что случилось со всеми ними, с этими именами и лицами, которые прошли через этот отель, как через железнодорожную станцию для душ, общую остановку на путях их жизни. Моя собственная жизнь кажется маленькой по сравнению с их, мои проблемы незначительны, и страх, что я не справлюсь с этим сама, что я никогда не буду свободна от этого, рассеивается в лицах этих давно ушедших незнакомцев, пока я почти не забываю, что мне есть о чём беспокоиться.

Я нахожу папку, полную статей. Это копии, отпечатанные на одной из тех старых машинок микрофишей, и у меня перехватывает дыхание при виде надписи, которая гласит: **МАРК ТВЕН ПОСЕЩАЕТ ОБЕД В "ГРАНД ОТЕЛЬ УИНСЛОУ" В ЧЕСТЬ НЕЗАВИСИМОСТИ.**

Газета датирована 4 июля 1907 года.

Я провожу пальцами по фотографии под подписью. Толпа стекается с крыльца отеля, чтобы поприветствовать знаменитого писателя, когда он входит в вестибюль. Это не самая лучшая его фотография — его лицо повернуто только на три четверти к камере, и фокус немного резче по краям фотографии, чем в середине, так что я не уверена, что это именно тот снимок, который отель хотел бы выставить в своём музее. Я наклоняюсь вперёд, чтобы положить статью в стопку "Сохранить", но моё внимание привлекает пятно внизу страницы.

Не пятно.

Заголовок.

МОЛОДАЯ СВЕТСКАЯ ЛЬВИЦА УБИТА В РОСКОШНОМ ОТЕЛЕ

И дата: 6 августа 1907 года.

Я подношу статью ближе. Тот, кто распечатал её с микрофиши, должно быть, прокрутил слишком далеко вниз, захватив больше, чем предполагалось для статьи о Дне независимости. Я откладываю газету в сторону и просматриваю папку в поисках заголовка об убийстве в другой газете, но там ничего нет.

— Эй, Макс? — я встаю и пересекаю комнату. — Взгляни на этот заголовок. Ты знаешь, о чём это?

Макс отодвигает в сторону коробку со старыми салфетками для коктейлей и забирает у меня статью.

— О да, — говорит он, просматривая его. — Аурелия Сарджент. Она и её жених были убиты в отеле.

— Убиты?

Макс кивает.

— Дело так и не было раскрыто, и все улики, которыми располагала полиция, были уничтожены во время пожара в полицейском участке в 1930-х годах.

Он качает головой и возвращает мне статью.

— Один из детективов подумал, что это было убийство-самоубийство, но семьи жертв не позволили ему включить это в отчёт, потому что это вызвало бы скандал.

— Кто из них, по мнению детектива, был убийцей? — я спрашиваю Макса. — Светская львица или её жених?

Он пожимает плечами.

— Никто не знает.

Я провожу большим пальцем по заголовку.

— Как ты думаешь, историк захочет это увидеть?

Макс качает головой.

— Похоже, что это было взято из библиотеки, а это значит, что у него, вероятно, уже есть доступ к оригиналу. Я бы просто выбросил это. Мама хочет, чтобы это место было полностью очищено.

Я ещё секунду смотрю на заголовок.

— Нелл? Ты меня слышала?

— Да, прости. Сделаю.

Я несую статью в мусорный мешок. Но даже когда я открываю пакет, я не могу заставить себя бросить её туда.

Я знаю, что люди, о которых я читала и на которых смотрела сквозь чёрно-белый объектив, давно ушли из жизни, но я никогда не думала, что кто-то из них погиб здесь, и уж точно не таким ужасным образом (кровь на ковре, кровь на стенах, капающая кровь, стекающая вниз). Я ещё мгновение смотрю на заголовок, а затем складываю статью и засовываю её в задний карман джинсов.

Я пытаюсь поработать ещё час, но не могу перестать думать об убийстве и искалеченных телах, лежащих на полу бального зала. Были ли светская львица и её жених убиты одним и тем же человеком, или это было убийство-самоубийство, как предполагал детектив? И если да, то кто кого убил?

Мой желудок сжимается, когда голос Макса — Аурелия Сарджент... убита в отеле... так и не раскрыто — крутится в моей голове, всё сильнее и сильнее, пока я почти не могу дышать.

Впервые я ухожу до обеда.

Макс не спрашивает меня почему.

ГЛАВА 27

ЛИЯ

В ВЕСТИБЮЛЕ ПОЛНО мужчин и женщин, некоторые направляются в столовую другие ждут, чтобы сесть в свои экипажи и отправиться на вечернюю прогулку. Я проверяю напольные часы, стоящие позади меня. Лон уже на десять минут опаздывает, чтобы проводить меня на свою яхту, но я стараюсь свести своё волнение к минимуму. Было бы слишком надеяться, что с ним произошёл какой-то ужасный несчастный случай, заставивший его отказаться от нашего ужина и, возможно, от нашей свадьбы.

Я не такой везунчик.

Проходит ещё десять минут, прежде чем появляется первый помощник Лона. Он сопровождает меня на судно, сообщая, что Лон застрял на совещании в последнюю минуту, но что он присоединится ко мне, как только сможет. Я прячу своё разочарование за хорошо отработанной улыбкой и задаюсь вопросом, сколько времени моей жизни теперь будет потрачено на притворство счастья, когда всё, что я чувствую, это глубокое, всеобъемлющее отчаяние.

Мягкий вечерний свет окрашивает всё в тёмно-розовый цвет. Вода темнеет под лучами заходящего солнца, когда красные пальцы света прочерчивают небо. Мой сопровождающий ведёт меня по причалу к яхте Лона и помогает подняться на качающуюся палубу.

— Мы отчалим, как только прибудет мистер вон Ойршот, — говорит он мне. — До тех пор я пошлю лакея с закусками.

— Спасибо, — говорю я. — Это было бы чудесно.

Он приподнимает шляпу и исчезает в каюте. Я пересекаю палубу и встаю у перил, глядя на воду. Как человек может так сильно измениться всего за двадцать четыре часа, я понятия не имею, но я не чувствую себя той же девушкой, которая танцевала на балу прошлой ночью, и я не чувствую себя той же девушкой, которая поцеловала мальчика на рассвете. Я также не чувствую себя девушкой, которая сегодня утром стояла у входа в отель и обдумывала свой побег, но обнаружила, что она гораздо более напугана, чем когда-либо позволяла себе осознавать.

Я фантом, призрак всех этих девушек. С каждым днём я всё больше увядаю, приближаясь к тому моменту, когда меня больше не будут определять по имени, с которым я родилась, по имени, которое со мной почти семнадцать лет, а по имени миссис вон Ойршот, жена Лона вон Ойршота и мать его детей. Не личность, всё ещё ищущая свою судьбу, а женщина, попавшая в ловушку брака по договоренности. И тогда, как умирающая звезда, Аурелия Сарджент погаснет навсегда.

Шаги пересекают палубу позади меня.

— Могу я предложить вам бокал шампанского, мисс?

Алек.

Я поворачиваюсь. Он выглядит таким красивым в этом свете, отблески заката

окрашивают его кожу в медный цвет, отбрасывая тени под скулами и в ямочке на подбородке. Я почти забываю, как говорить.

— Что ты здесь делаешь?

Он делает ещё один шаг вперёд, заложив одну руку за спину, а другой протягивает серебряный поднос с одним хрустальным бокалом шампанского.

— Мистер вон Ойршот попросил об услугах лакея, и поскольку мне больше нечего было делать, я вызвался.

Я качаю головой и беру бокал с подноса. Стекло в моей руке такое же нежное, как воздушный сахар.

— Вы никогда не позволяете себе передышки, мистер Петров?

— Пожалуйста, зови меня Алек.

Его имя, как мёд на моём языке.

— Алек.

Он выдыхает.

— Что я могу сказать? Я человек с мечтами, а мечты требуют средств.

— Какого рода мечты?

Он смотрит на воду, на его губах появляется самоуничижительная улыбка.

— Ты будешь смеяться.

— Ни в жизни.

Его улыбка становится шире. Его взгляд скользит по палубе. Остальная часть команды находится в каюте, готовя лодку к отплытию, но Алек всё же понижает голос:

— Я хочу подать заявление в медицинский колледж.

— Медицинский колледж?

Он кивает.

— Во время последней вспышки гриппа было забрано так много душ, включая моего отца, но многие, кто заболел, были спасены, и это казалось мне таким несправедливым. Почему они остались в живых, в то время как моего отца пришлось опустить в землю? Сначала я подумал, что это просто судьба или удача жребия, но потом я начал задаваться вопросом... что, если была причина, по которой их организм мог бороться с болезнью, а организм моего отца — нет? А что, если эту причину можно было бы использовать для спасения тех, кто в противном случае погиб бы?

— Ты хочешь найти лекарство от гриппа?

— Да, но это нечто большее. Я хочу понять, как работает организм, как работают болезни и как они могут так быстро распространяться, а затем исчезать. Я хочу помогать людям, — он смотрит себе под ноги. — Но это же смешно, не так ли? Сын хозяина конюшни и прачки стал врачом?

Я подхожу на шаг ближе, и хотя я знаю, что это слишком близко для приличия, я не могу заставить себя беспокоиться.

— Это благородная мечта, Алек Петров, — говорю я ему. — Не позволяй никому говорить тебе обратное.

Его губы приоткрываются, дыхание вырывается из него в благодарном смехе. Он начинает что-то говорить, но где-то справа от нас звенит труба. Опомившись, каждый из нас делает шаг назад.

— Так почему ты здесь? — спрашивает он. — Этот вон Ойршот — твой друг?

— Ох.

Я даже не думала о том факте, что парень, которого я поцеловала сегодня утром, и жених, который жестоко обращался со мной сегодня днём, будут находиться в такой непосредственной близости друг от друга. И к тому же так далеко от суши.

— Эм...

— Дорогая!

Кстати о жестоком обращении.

Лон большими шагами пересекает причал, трое мужчин в костюмах следуют за ним по пятам. Он запрыгивает на палубу и обнимает меня, чмокая в щёку.

— Пожалуйста, прости моё опоздание. Наша встреча продлилась немного дольше, чем ожидалось, и когда я узнал, что наши любимые клиенты остались без планов на ужин, я пригласил их присоединиться к нам.

Один из мужчин снимает шляпу и прижимает её к груди.

— Надеюсь, мы не помешали.

Я растягиваю губы в лучезарную улыбку, которой так хорошо научила меня моя мать.

— Конечно, нет.

Вскоре следует серия представлений. Трое мужчин — клиенты из Питтсбурга, архитекторы, желающие продлить свой контракт со "Сталелитейной компанией вон Ойршота" на строительство будущих небоскребов, подобных тем, что строятся в Чикаго и Нью-Йорке. На днях Лон упомянул о них за завтраком, о том, что есть другие сталелитейные компании, предлагающие более низкие цены, но мужчины ждут от Лона и его отца более выгодных предложений из-за безупречной репутации их продукции.

— Аурелия, это мистер Грант, — мужчина, снявший шляпу, слегка кланяется, открывая лысину на макушке, — Мистер Салли, — дородный мужчина с покрасневшими щеками и глазами с прожилками, — и мистер Картрайт.

Мистер Картрайт, старший из троих, похлопывает меня по руке, как любящий дедушка.

— Здравствуйте, моя дорогая.

Все это время я чувствую присутствие Алека позади себя, как магнитное притяжение. Моё тело — провод под напряжением, электрические токи потрескивают в моих венах. Мне кажется таким неправильным знать его так хорошо и не включать его в наш разговор. Мне приходится прикусить губу, чтобы не представить его группе.

— Ты там, — говорит Лон Алеку, и я так благодарна за возможность, наконец, взглянуть на Алека, что сбрасываю маску, и на мгновение моя улыбка становится настоящей. — Принеси нам мартини, будь добр.

Алек натянуто кланяется.

— Да, сэр.

Я ловлю взгляд Лона.

— Ты не должен разговаривать с ним, как с собакой, — бормочу я сквозь стиснутые зубы.

Единственный признак того, что он меня слышит, это лёгкий наклон его губ вниз, но затем он предлагает нашей компании экскурсию по его лодке. Я отстраняюсь, пока он объясняет процесс строительства, количество денег, которые были вложены в лодку, и сколько нужно, чтобы поддерживать её в рабочем состоянии. Появляется Алек с мартини и разносит им, после идёт рядом со мной, пока мы осматриваем палубу. Наши плечи соприкасаются, затем наши руки, тыльные стороны наших ладоней...

— Очень впечатляет, — говорит мистер Картрайт. — Конечно, если у вас достаточно

денег, чтобы построить и поддерживать подобную красоту, вы получаете достаточно капитала, чтобы предложить своим любимым клиентам значительно сниженную ставку.

Лон качает головой.

— Итак, джентльмены, я думал, мы договорились не утомлять мою невесту нашими деловыми отношениями.

— На самом деле, я совсем не нахожу это скучным.

Лон улыбается нашим гостям, затем берёт меня за локоть и фальшивым шепотом, достаточно громким, чтобы услышал капитан в закрытой рулевой рубке, говорит:

— Боюсь, что суммы и цифры просто не укладываются у тебя в голове, дорогая.

Остальные мужчины тихо посмеиваются.

Жар заливает мои щёки. Я хочу сказать ему, куда именно он может засунуть свои суммы и цифры, но вместо этого я говорю:

— Ты прав, конечно. Не знаю, о чём я думала.

— Всё в порядке, дорогая.

Он снова чмокает меня в щеку, затем возвращается к своим клиентам.

— Ну, так. Кто бы хотел осмотреть нижнюю палубу?

Рядом со мной стоит Алек, его челюсть напряжена, а поднос слегка покачивается в его руке. На мгновение мне кажется, что он собирается ударить Лона, но затем мужчины ныряют в каюту, и я кладу руку на плечо Алека.

— Всё хорошо, — говорю я ему. — Я к этому привыкла.

— Это не делает ситуацию хорошей.

Я смотрю на дверь каюты.

— Я знаю.

После ужина мужчины укрываются в сине-серой дымке сигар, бренди и покера. Я нахожу Алека, стоящего на корме корабля, он смотрит на воду. Солнце давно зашло, и звёзды здесь ещё ярче, вдали от отеля и городских огней. Они висят над нами, тысячи и тысячи из них, кружащиеся булавочки света, сияющие сквозь бархатистую чёрную пустоту.

Мои каблуки стучат по деревянному настилу, когда я приближаюсь к нему.

— Я не могу вспомнить, когда в последний раз видела такие звёзды.

Голос Алека такой же низкий и рокочущий, как волны:

— Ты не заслуживаешь такого человека.

Я кладу локти на перила. Моя голая рука, покрывается гусиной кожей от прохлады ночного воздуха. Я задеваю рукав его куртки.

— Какого мужчины я заслуживаю?

Мои слова предназначены для кокетливого поддразнивания. Вместо этого они звучат устало. Тяжело.

Сломлено.

— Ты заслуживаешь кого-то, кто не унизит тебя подобным образом, публично или в частном порядке, — говорит он. — Кто-то, кто дорожит каждой секундой, которую ему посчастливилось провести в твоей компании, кто не стал бы ценить какую-то деловую сделку выше тебя. Кто-то, кто...

Он встречает мой взгляд, облизывая губы, как будто у него пересохло во рту.

— Кто не может ясно мыслить, когда он в твоём присутствии, потому что ему интересно, что ты скажешь дальше, и кто также не может ясно мыслить, когда он вдали от тебя, потому что ему интересно, когда он снова тебя увидит.

Я наклоняюсь ближе.

— И где бы я могла найти такого человека, мистер Петров?

Медленно, нерешительно он тянет руку к моей. Наши пальцы в перчатках переплетаются, и я проклиная ткань, которая не позволяет нашей коже соприкоснуться.

— Я не смог перестать думать о тебе, Лия, — шепчет он. — Ни на секунду.

И хотя это опасно признавать, не имея реального будущего и реального смысла в этом, я бормочу:

— Я тоже не могла перестать думать о тебе.

Потому что, если я умирающая звезда, тогда я сделаю всё, что в моих силах, чтобы гореть так же ярко, как те, что парят надо мной, прежде чем я погасну навсегда.

ГЛАВА 28

НЕЛЛ

АЛЕК ПЕТРОВ ПРОГУЛИВАЕТСЯ СО МНОЙ по пляжу, солнце встаёт у него спиной. Наши пальцы ног зарываются в песок, оставляя за собой следы. Всё остальное размыто — вода, пляж, отель — всё, кроме Алека и пылающего горизонта позади него.

Он выглядит по-другому — руки в карманах, плечи расправлены, его лицо мягкое и с мелкими морщинками, когда он улыбается мне. На нём пара свободных брюк, закатанных до середины икр, и подтяжки поверх синей рубашки, похожей на мягкую тонкую джинсовую ткань. Его волосы падают на глаза точно так же, как в первый раз, когда я столкнулась с ним, и он обнял меня, защищая мой череп от удара о твёрдый, неумолимый пол.

— Тебе понравилось? — спрашивает он, его глаза мерцают, как последние горящие звёзды на раннем утреннем небе.

— Да, — отвечаю я.

Я понятия не имею, о чём он говорит, но его улыбка становится шире, так что это, должно быть, правильный ответ.

— Твои друзья — это нечто другое, — добавляю я, всплывает смутное воспоминание о людях, танцующих посреди переполненного липкого пола.

Он смеётся.

— Да, это так.

Я наклоняюсь и шепчу:

— Они мне нравятся.

Он, кажется, ошеломлен этим, как будто не ожидал этого от меня, но затем его робкая улыбка превращается в широкую улыбку. Я закрываю глаза, думая, что он может поцеловать меня, и...

Испуганно просыпаюсь.

Я переворачиваюсь на кровати, отказываясь признавать разочарование, растущее в моей груди, и нажимаю на свой телефон.

3:01 утра.

Я пытаюсь снова заснуть, но мой разум гудит от этого нового Алека. Его улыбка, его смех, его голос, мягкий, тёплый и успокаивающий. То, как первые лучи солнца падали на его рубашку, очерчивая твёрдые бугры мышц под тканью, капая, как жидкое золото, на его волосы и на губы. Эти полные, ухмыляющиеся губы...

Рыча, я выпрыгиваю из кровати и хватаю свой рюкзак. Я знаю, что должна пойти в

бальный зал — встреча лицом к лицу со своими страхами всегда была важным шагом в процессе доктора Роби, — но я не могу заставить себя сделать это.

Вместо этого я иду в обеденный зал.

Между моими утренними балетными упражнениями в обеденном зале и часами, проведёнными в кладовой, пролетает последняя неделя июня. Кошмары по-прежнему заставляют меня просыпаться раньше остальных в отеле, но недостаток сна меня не беспокоит. Не тогда, когда это позволяет мне продолжать тренироваться, никому не мешая.

По правде говоря, балет, возможно, единственное, что сохраняет моё здравомыслие нетронутым.

Последние пять дней я просыпаюсь в три часа ночи, адреналин бурлит в моих венах, простыни холодные и влажные от пота. Иногда сны такие же, как в ту первую ночь, полные длинных коридоров, которые никогда не заканчиваются, и того маленького мальчика, который тянет меня за руку. Иногда я застаю в душе, не в силах пошевелиться, когда на запотевшем зеркале появляются сообщения: "Привет, Нелл. Я ждал тебя. Готова немного повеселиться?"

И иногда мне снится Алек.

Наяву я его почти не видела. Макс был прав — Алек держится особняком. Когда я вижу его, он похож на призрака, парящего на краю нашего мира, и в тех редких случаях, когда он смотрит на меня, это совсем не похоже на то, как он смотрит на меня в моих снах.

Во сне он идёт со мной по коридорам, распахивает дверь ванной и вытаскивает меня из душа, в то время как слова продолжают появляться на стекле, бежит со мной через залитый лунным светом двор и выходит на пляж, хотя я понятия не имею, от чего мы убегаем.

Он не говорит, только наблюдает, слушает, защищает.

Он не выпускает меня из виду.

На самом деле, он едва признаёт моё существование, хотя мы, кажется, вращаемся вокруг друг друга, и я всегда захожу в свободное место, когда он просто выходит, или мельком вижу его через вестибюль, прежде чем теряю его в толпе.

Если бы я не знала себя лучше, я бы поклялась, что он следил за мной.

Утром третьего числа папа нанимает меня помочь украсить отель ко Дню независимости, развесить красные и синие ленты на крыльце отеля, а я, в свою очередь, нанимаю Макса. Мы также размещаем вертушки для Четвертого июля в переднем и заднем садах, оставляя внутренний сад напоследок.

На прошлой неделе именно в этом месте я чаще всего видела Алека, постоянно подрезающего розы, хотя они продолжают расти и подниматься. Сначала на второй этаж, потом на третий.

Затем к четвёртому.

С каждым днём они поднимаются всё выше, и каждый раз, когда Алек сворачивает шею одной из них, на её месте появляются ещё три, более высокие и чудовищные, чем накануне. Шипы такие толстые, что делает каждую ветку похожей на средневековое орудие пыток, и каждая роза это самая тёмная красная роза, которую я когда-либо видела, почти черная, и в каждом лепестке есть тяжесть, то, как они опускаются по углам, заставляет меня думать о разорванной и искалеченной плоти, заливающей кровью пол бального зала.

Макс начинает втыкать вертушки в землю вдоль мощеной дорожки, пока я обыскиваю каждую колонну в поисках лестницы, мелькающих садовых ножниц...

Алека.

Я замечаю его на другой стороне сада, но он не на лестнице, а ножницы лежат в траве у его ног. Он смотрит на розы, скрестив руки на груди. Сейчас они на полпути к пятому этажу, а колючие ветви взбираются по всем четырём сторонам внутренних садовых стен здания.

Нахмурившись, я протягиваю Максу вертушку.

— Я сейчас вернусь.

Макс качает головой, бормоча что-то себе под нос, когда я ухожу.

— Пятьсот вертушек. Пятьсот. Потому что одна, две или даже три сотни вертушек просто не вполне достаточно скажут "Пошел ты, король Георг", чтобы понравиться "Гранду".

Качая головой, я пересекаю сад и останавливаюсь рядом с Алеком.

Он не отрывает глаз от колонн.

— С твоими розами что-то серьёзно не так.

Он прищуривает глаза, изучая их.

— Только раз в шестнадцать лет, — говорит он, больше себе, чем мне.

— Почему? — спрашиваю я. — Что происходит каждые шестнадцать лет?

Он прочищает горло.

— Что-то связанное с погодой, — говорит он. — Атмосферные условия. С этим невозможно бороться.

Слова звучат небрежно, как будто он просто констатирует факт, но его тело слишком напряжено, чтобы поверить каждому слову.

Я подыгрываю, прикрывая глаза от солнца и глядя на них снизу вверх.

— И всё же. Это странно.

Он кивает.

— Так и есть.

Я снова бросаю взгляд на садовые ножницы.

— Так ты закончил сражаться с ними?

Он встречается со мной взглядом.

— Я ещё не решил.

Он смотрит на меня так, словно чего-то ждет. Ответ, который я не знаю.

— Нелл! — зовёт Макс.

Я оглядываюсь назад.

— Я буквально больше не могу, — стонет он, его тело распластано на траве. — У меня судорога в пальцах. Ты должна взять всё на себя... я совершенно выбит из колеи.

Я тихо смеюсь над ним и оглядываюсь на Алека.

Он пропал, как и садовые ножницы, и я начинаю задаваться вопросом, не воображаю ли я его тоже.

С течением дня я узнаю, что Четвёртое июля — второй по значимости праздник в семье после Рождества, и я провожу остаток дня, помогая папе везде, где он во мне нуждается. Мы едим ночную пиццу с кофейными брауни в его офисе, и только после девяти часов он отпускает меня, сказав, что задержится ещё на час или около того.

Я не хочу оставаться одна, поэтому иду долгим путём в нашу комнату. Видения почти никогда не приходят, когда я нахожусь рядом с другими людьми, отвлекаясь на миллион вещей, как это было сегодня, и я не совсем готова отпустить это чувство. Чувство, что со мной всё в порядке.

Чувство, что я в безопасности.

Проходя мимо, я заглядываю во внутренний сад, хотя и не ожидаю увидеть там Алека. Каждую ночь в течение прошлой недели розы срезали до их основания, но не сегодня. Сегодня вечером они кружатся вокруг балконов пятого этажа и изгибаются к центру сада, как будто тянутся друг к другу через пространство тёмно-синего неба, изогнутого дугой над ними.

Если они будут продолжать в том же духе, то к завтрашнему утру создадут потолок над всем пространством.

Но это не то, что останавливает меня на полпути.

Женщина в длинном старомодном платье и большой шляпе с перьями стоит под лимонным деревом, держа в руках закрытый зонтик. Под шляпой видна только часть её лица, но одного взгляда достаточно, чтобы понять, что она старше, лет сорока пяти или около того, и выглядит знакомой.

Я выхожу в сад.

Женщина улыбается и затем исчезает.

Нахмурившись, я оглядываюсь на вестибюль. Мягкий янтарный свет льётся на сумеречно-голубую траву, как и звенящая болтовня пар, возвращающихся с романтических ужинов и прогулок по пляжу, их смех пробегает по моей коже. Кажется, никого ни в малейшей степени не беспокоит женщина, которая секунду назад стояла под лимонным деревом, а в — следующую исчезла.

Сердце колотится, я подхожу к дереву, сканирую взглядом сад в поисках каких-либо признаков женщины. Всё ещё возможно, что она была настоящей, может быть, актрисой или реконструктором, нанятой отелем для празднования. Это объяснило бы старомодную одежду.

Но не исчезновение.

Я останавливаюсь у дерева, закрываю глаза и шепчу:

— Ты была ненастоящей. Ты была просто образом, который я выдумала из-за стресса. Я больше тебя не увижу.

Это мантра, адаптированная из аффирмаций, которые доктор Роби дал мне в рамках своего лечения.

"Твой мозг, за неимением лучшего термина, — сказал он во время нашей первой встречи, — даёт осечку. Нам нужно говорить логику и правду обо всём, что ты испытываешь. По сути, нам нужно переучить твой мозг видеть мир таким, какой он есть на самом деле, вместо того, чтобы позволять ему принимать ложь, которую он продолжает выдумывать".

Я начинаю поворачиваться обратно к вестибюлю, но на этот раз моё внимание привлекает пруд.

Из пасти льва не течёт вода. Он тоже выглядит по-другому: его брови сведены вместе, губы растянуты в хищном оскале, обнажая клыки, которые, хоть и потрескавшиеся и обветренные с возрастом, выглядят достаточно острыми, чтобы убить. Капля воды капает с одного клыка, падает в пруд и по его поверхности пробегает рябь. Я смотрю, как рябь каскадом набегаёт на серебристо-белую чешую, раздувающуюся и плавающую поверх воды.

Дюжина остекленевших рыбьих глаз уставилась на меня.

Ещё одна капля падает из пасти льва. На этот раз я замечаю, что цвет капли темнее, чем поверхность пруда, и что её рябь размазывает бледно-розовые линии по чешуе мёртвой рыбы. Сглотнув, я делаю шаг вперёд и протягиваю руку. Следующая капля падает мне на ладонь.

Она такая же красная, как розы, окружающие меня.

И тёплая.

Такая, такая тёплая.

Я закрываю глаза и позволяю капле скатиться в щели моей ладони.

— Ты ненастоящая, — бормочу я.

Я повторяю это снова и снова, концентрируюсь на словах, чувствуя, как кровь стекает по моему запястью, лениво скользя по предплечью.

— Ты. Не. Настоящая.

Но когда я открываю глаза, кровь всё ещё здесь. Рыба всё ещё плавает. И все бутоны роз повернуты ко мне.

Они наблюдают за мной.

Мое сердцебиение отдается в зубах. Я срываю лист со стоящей рядом пальмы и использую его, чтобы вытереть кровь со своей руки. Розы следят за моими движениями, когда я ухожу, каждая поворачивается, когда я прохожу мимо.

Я продолжаю вытирать кровь, пока не возвращаюсь в свою комнату, и моя кожа не начинает саднить. Я выбрасываю лист в окно, мою руку в раковине и включаю телевизор, чтобы не чувствовать, что я совсем одна в этой комнате — идеальная мишень для видений, призраков или чего там ещё, чёрт возьми, происходит со мной на самом деле, — пока я просматриваю контакты на своём телефоне, останавливаясь на имени доктора Роби.

Я всё ещё смотрю на него, когда папа приходит час спустя, мой большой палец нависает над кнопкой вызова.

ГЛАВА 29

ЛИЯ

В ПОСЛЕДУЮЩИЕ НЕДЕЛИ мы с Алеком проводим каждую свободную минуту обществе друг друга, по мере того, как количество деловых встреч Лона растёт, а моя семья находит в отеле другие развлечения, которыми можно занять своё время: мать посещает несколько клубов; Бенни проводит на пляже столько же времени, сколько Мадлен позволит; и отец ушел в охоту и занятия спортом, заводя новые влиятельные дружеские отношения везде, где только может, — всё чаще такие моменты случаются.

Палаточный город — наше убежище.

Днём мы плаваем, ловим рыбу и наслаждаемся новинками мороженого и жирными пакетиками попкорна с маслом. Томми, Мойра, Фитц и Клара часто присоединяются к нам, и хотя Клара продолжает смотреть на меня с недоверием, она не раскрывает мой секрет. Я не знаю, происходит ли это потому, что Алек попросил её не делать этого, или потому, что она знает, что я покину остров замужней женщиной в конце лета. Какова бы ни была причина, я выражаю свою признательность, тайком принося ей имбирное печенье из отеля, и однажды утром она даже слегка улыбается, когда я приношу ей маленькую коробку европейских шоколадных конфет, которые Лон подарил мне накануне вечером.

По ночам мы танцуем в павильоне и играем в настольные игры вдоль главной улицы, попивая дешевое пиво у режущего костра на пляже. Нас шестеро — созвездия в расцвете сил — уже не дети, но и не совсем взрослые. Мы пылаем, как солнце, и сияем, как луна. Мы не вспоминаем о прошлом, когда мы вместе, и не беспокоимся о будущем. Мы — всего лишь эти мгновения между бодрствованием и сном. Мы — всего лишь смех и дыхание,

легкомыслие и удовольствие.

Мы — это бесконечные возможности.

Но мои любимые тайные моменты случаются, когда мы с Алеком остаёмся наедине. Пробираясь по пустынным коридорам и украдкой целуясь в бельевом шкафу на пятом этаже. Обвивая ногами его талию в океане, когда волны обрушиваются на нас. Кружась в его объятиях под музыку оркестра Палаточного города. Видя себя его глазами как обожаемую женщину. И я знаю, что эти моменты опасны по целому ряду причин. Я знаю, что нас могут поймать, и я знаю, что мы оба можем потерять всё. И даже если нас не поймают, даже если мы проведём всё лето вместе и никто, кроме нас, никогда не узнает, я не знаю, как я смогу попрощаться с ним в конце или с той, кто я есть, когда я с ним.

Всю свою жизнь я делала то, чего от меня ожидали, и как только я стану миссис Лон вон Ойршот, мои последние остатки независимости полностью исчезнут. Но у меня всё равно останутся мои воспоминания. У меня всё ещё будут островные дни и островные ночи и образ мальчика, который смотрел на мир и видел только меня.

И, возможно, мой предстоящий брак лишил меня всякой рациональности, но опасности, присущей нашим подвигам, недостаточно, чтобы удержать меня в стороне.

ГЛАВА 30

НЕЛЛ

Я СПЛЮ В СВОЕЙ ПОСТЕЛИ, когда он будит меня. Я не вижу его, но слышу, как с зовёт меня.

Мужчина из бального зала.

— Нелл, — его голос мягкий, отстранённый. — Иди ко мне.

Серебристо-белые лучи луны проникают сквозь открытые щели ставней-жалюзей, рисуя полосы бледного света на полу. Голова папы откинута на подушку, рот открыт, и он всхлипывает при каждом храпе.

Я сажусь.

Простыни шуршат по моему телу, медленно спускаясь с меня.

— Нелл.

Дверь в нашу комнату открывается, но с другой стороны никого нет.

— Я скучал по тебе.

Я встаю.

"Нет, — думаю я. — Это неправильно". Но в голове у меня всё путается, и мысль ускользает от меня, как воздушный шарик, взмывающий в небо.

Я пересекаю комнату и выхожу в коридор. Дверь за мной закрывается, и я иду на голос в конец коридора, мои босые ноги сонно шаркают по ковру.

— Нелл, — зовёт голос с лестницы пятого этажа.

Я поднимаю взгляд.

Штанина исчезает за углом.

Я начинаю подниматься по лестнице, опираясь руками о стены, чтобы сохранить равновесие.

Колебание.

Я боялась этого голоса. В бальном зале.

Почему я боялась?

Мерцающие огни. Призрачные силуэты мужчин и женщин, давно умерших. Протянутая рука, приглашающая меня присоединиться к ним...

Кровь. Так много крови.

Я качаю головой. Все мои мысли путаются.

Было ли это на самом деле?

Что это?

Я приваливаюсь к стене. Я знаю, что не должна была этого делать — не должна была следовать за этим голосом, — но каждый раз, когда я почти вспоминаю почему, мой разум становится пустым.

— Нелл, — голос эхом разносится по лестнице, растягивая и растягивая каждое слово, как ириску. — У меня есть ответы, которые ты ищешь.

Голос обволакивает меня, подталкивая снова вверх. Мои ноги поднимаются по последним ступенькам, хотя ни одна часть моего мозга не говорит им этого делать.

В коридоре никого. Одно из окон открыто, впуская порывы холодного океанского воздуха. Я обхватываю грудь руками, чувствуя, как мурашки покалывают мою кожу. На мне те же шорты и майка, в которых я ложилась спать, и это почему-то кажется неправильным.

Разве в этих снах я не ношу всегда ночную рубашку?

Сон. Это всего лишь сон. И если это просто сон, тогда этот голос не может причинить мне боль, и если он не может причинить мне боль, тогда я могла бы также выяснить, что он знает — что мой мозг продолжает пытаться сказать мне всеми этими видениями.

— Нелл, — зовёт меня голос из-за окна. — Здесь, снаружи.

Я ногтями впиваюсь в края оконной рамы и выглядываю наружу. Слишком темно, чтобы что-то разглядеть, но там должен быть выступ, на котором стоит человек. Ветер отбрасывает мои волосы назад, режет глаза, когда я наклоняюсь вперёд, ставя одно колено на раму, а рукой тянусь, нащупывая внешний выступ...

— Нелл!

Я оборачиваюсь.

Кто-то выкрикивает моё имя, но я никого не вижу. Всё позади меня чёрное и кружащееся. Единственное, что я вижу, это окно и залитый звёздами горизонт за ним.

— Ты почти на месте, — призрачный голос плывёт по солёному бризу. — Иди ко мне.

Я протягиваю руку дальше, ища внешний выступ, и прижимаю второе колено к раме. Моё тело наклоняется, а сердце подскакивает к горлу, когда я качаюсь вперёд. Горизонт исчезает, сменяясь видом холодного, твёрдого тротуара пятью этажами ниже меня.

— НЕТ.

Руки обхватывают меня, притягивая назад. Чья-то рука обвивается вокруг моей головы за секунду до того, как мой позвоночник ударяется об пол, и...

Я резко прихожу в себя.

Алек лежит на мне сверху. Не в моей постели, где я должна быть, а в коридоре пятого этажа.

Воздух ледяной от порывов ветра, врывающихся в открытое окно над нами. Окно, через которое я чуть не пролезла. Осознание этого врезаются в меня, как кирпичная стена.

Это был не сон.

Алек тяжело дышит, его твёрдая грудь прижимается к моей с каждым вдохом. Его волосы падают ему на глаза, когда он изучает моё лицо. При таком освещении его скулы и линия подбородка выглядят ещё острее, как лезвия бритвы, угрожающие прорезать его кожу.

— Ты ранена? — спрашивает он.

Всё моё тело дрожит.

— Я... я не знаю.

Он обхватывает меня одной рукой за талию и отталкивается от пола, подтягивая меня за собой. Его взгляд скользит по мне — думаю, проверяя, нет ли травм, но его взгляд такой пристальный, что оставляет огненные следы на моей коже. Он прижимает меня к себе, как будто боится, что я попытаюсь выпрыгнуть обратно в окно, если он меня отпустит.

Наконец — и в то же время, слишком быстро — он отпускает меня, делает шаг назад и закрывает окно.

— Ч-что случилось? — спрашиваю я. — Как ты нашёл меня?

— Ты ходила во сне, — говорит он, стоя ко мне спиной. — Ты прошла мимо меня по пути сюда, поэтому я последовал за тобой, чтобы убедиться, что с тобой всё в порядке.

Весь воздух вылетает из моих лёгких.

Ходила во сне?

Я закрываю глаза, зажимая переносицу большим и указательным пальцами.

— О, Боже. Теперь я действительно теряю самообладание. Я не могу поверить, что я почти... Подожди.

Я открываю глаза. Алек прислонился к окну и обхватил руками подоконник.

Он не смотрит мне в глаза.

— Почему ты не спал? — спрашиваю я.

— Я же говорил тебе. Я плохо сплю.

— Хорошо, но всё же. Каковы шансы, что ты не только проснёшься, но и будешь достаточно близко, чтобы увидеть меня? Ты мог бы с таким же успехом находиться на другом этаже или на другой стороне отеля, или...

— Просто повезло, полагаю.

Я думаю обо всех тех случаях, когда я видела его, парящим на краю моего мира. Всё время я думала, что это не могло быть совпадением.

— Ты следил за мной? — спрашиваю я.

— Конечно, нет, — он отталкивается от окна. — Пошли. Давай отведём тебя обратно в твою комнату.

Он тянется ко мне, но я отстраняюсь.

— Что ты мне не договариваешь?

— Говори тише, — шепчет он, его взгляд мечется по коридору. — Ты кого-нибудь разбудишь.

Мне не нравится, когда он командует мной, и я почти кричу в ответ, просто чтобы разозлить его. Но последнее, что я хочу сейчас делать, это привлечь к себе внимание, поэтому я делаю, как он говорит.

— Ты знаешь, что со мной происходит, не так ли? — шепчу я.

— Нелл...

Я делаю шаг вперёд, запрокидывая голову, и встречаюсь с ним взглядом.

— Скажи мне. Пожалуйста. Мне нужно...

Я колеблюсь.

К чёрту всё это.

— Мне нужно знать, что я не схожу с ума.

Он закрывает глаза. Его брови хмурятся, а мускул на челюсти напрягается от того, что он стискивает зубы.

— Я не могу.

Я делаю шаг назад.

— Что?

— Я не могу тебе сказать.

— Ты не можешь сказать мне, не схожу ли я с ума? — спрашиваю я. — Или ты не можешь сказать мне, что происходит?

— Я не могу сказать тебе, что происходит.

Я хмурюсь.

— Почему нет?

— Потому что тогда ты сойдёшь с ума. Тебе нужно вспомнить самой.

— Вспомнить что?

Он не отвечает.

— Алек. Скажи мне.

Он вздыхает.

— Хорошо. Если ты позволишь мне отвести тебя обратно в твою комнату, — говорит он, предлагая мне руку, — я расскажу тебе.

Я закатываю глаза и прохожу мимо него, не приняв его руку.

— Ладно.

Он, молча, следует за мной вниз по лестнице. Я ненавижу то, насколько осознаю его присутствие. Каждый шаг, каждый вздох. Как будто он — солнце, и я вдыхаю его свет.

Я поворачиваюсь к нему перед моей дверью.

— Итак, что *именно* я должна вспомнить?

Он смотрит на меня сверху вниз, и его взгляд смягчается. Он осторожно проводит костяшками пальцев по моей челюсти, заставляя каждое нервное окончание натянуться. Он наклоняется, его взгляд нежный, и он прижимается щекой к моей щеке, его губы на расстоянии дыхания от мочки моего уха.

— Ты должна была вспомнить меня.

Дрожь пробегает у меня по спине.

— Я не понимаю.

— Ты поймёшь, — говорит он, делая шаг назад. — И ты не сходишь с ума. Ты такая же нормальная, как и я.

Он продолжает пятиться, засунув руки в карманы и не сводя с меня глаз, и я знаю, что мне нужно найти слова, чтобы удержать его, заставить его рассказать мне, что именно происходит, но мой мозг работает в тысяче разных направлений. К тому времени, как я придумываю, что сказать, всё, что выходит, это:

— Подожди.

Но он уже ушёл.

ГЛАВА 31

ЛИЯ

— ОН ЗДЕСЬ! ОН ЗДЕСЬ! — кричит маленькая девочка передо мной, когда экипаж подъезжает к отелю.

Она протискивается к перилам крыльца, перегибается через борт, желая получше рассмотреть.

Сэмюэл Клеменс, более известный в народе как Марк Твен, выходит из экипажа. Толпа, собравшаяся на крыльце и вокруг лужайки перед домом, бурно аплодирует. Дети и взрослые всех возрастов прижимают к груди свои любимые книги мистера Твена, надеясь получить автограф.

Алек наклоняется и шепчет:

— Я мог бы оттолкнуть всех с дороги, чтобы ты могла подойти ближе.

Я отвечаю на его поддразнивающее предложение с притворным возмущением.

— Конечно, вы не были бы настолько грубы, чтобы толкать детей, мистер Петров.

— Дети отходчивы.

Я смеюсь, слишком громко для приличия. Несколько женщин бросают взгляды в мою сторону, но затем вспыхивает искра и раздаётся громкий взрыв, когда фотограф, который всё утро ждал прибытия мистера Твена, делает свой снимок, и женщины снова обращают своё внимание на автора.

Дети окружают писателя, как только он выходит на крыльцо. Алек выгибает бровь, глядя на меня, но я качаю головой.

— Нет необходимости быть грубым. Я уверена, что у меня будет возможность поговорить с ним сегодня вечером на празднике.

Алек вздыхает.

— Главное, что ты знаешь, что я сделаю это для тебя, если ты попросишь.

— Нет ничего такого, чего бы вы ни сделали для меня, не так ли, мистер Петров?

Его улыбка исчезает.

— Нет ничего, чего бы я ни сделал для тебя, Лия.

Мои лёгкие горят, и мне приходится напоминать себе, что нужно дышать.

— Ты чем-нибудь занята сегодня днём? — спрашивает он.

Я качаю головой.

— А что?

— У меня есть идея.

* * *

Алек упаковывает закуски для пикника и уводит меня на верховую прогулку к маяку. Я надеваю платье, позаимствованное у Мойры, и широкополую шляпу поверх своих кудрей, чтобы скрыть себя от посетителей отеля, которые могут меня заметить. Алек носит кепку газетчика, низко надвинутую на глаза, но праздничная толпа, по правде говоря, это благословение. Никто ни на кого не смотрит слишком пристально — все слишком озабочены тем, чтобы встать в очередь на экскурсию по маяку или выбрать идеальное место для пикника.

Мы обедаем на лужайке под сенью высокого кипариса. Глядя на горизонт, не видя ничего, кроме воды и неба, легко поверить, что мы сидим на краю света.

— Я хочу познакомить тебя с моей мамой, — внезапно говорит Алек. — Сегодня вечером, после ужина. Как ты думаешь, ты сможешь уйти?

Я колеблюсь. Было намного легче думать о встрече с матерью Алека в ту ночь в танцевальном павильоне, когда мы с Алеком только познакомились и наши чувства друг к

другу не проникли так глубоко в наши души. Теперь эта мысль приводит меня в ужас. Что, если я ей не понравлюсь? Что, если мои нервы превратят меня в неуклюжую идиотку?

— Возможно, я смогу, — говорю я, срывая травинку, — но ты уверен, что это то, что мы должны делать?

Чем больше людей знает о нас, тем опаснее всё это становится.

— Она ничего не скажет, она никогда не сделает ничего, что может причинить мне боль. На днях она спросила меня, что делает меня таким счастливым в последнее время, и я хочу показать ей. Я хочу, чтобы она узнала тебя, Лия, и чтобы ты узнала её.

Страх скручивает мой желудок. Если бы мы были кем-то другими, если бы я была такой, как Мойра или Клара, я, вероятно, уже встретила бы мать Алека. Мы могли бы даже поделиться секретными шутками о его привычках, например, о том, как он проводит руками по волосам, когда нервничает, или о том, как он запихивает еду в рот, как будто он постоянно находится на грани голодной смерти, хотя он явно сыт. Но я не такая, как Мойра или Клара — я никогда не буду такой, — и как бы сильно я ни хотела встретиться с ней, увидеть, откуда родом Алек, я боюсь, что его мать не сочтёт меня достаточно хорошей для своего сына.

Оправдание начинает формироваться на моих губах, но затем Алек смотрит на меня своими полными надежды глазами, и отказать ему невозможно.

ГЛАВА 32

НЕЛЛ

Я НЕ МОГУ УСНУТЬ. Я СЛИШКОМ ВЗВИНЧЕНА, и понимание того, что я не могу доверять себе, чтобы не вылезти из окна пятого этажа, не помогает делу.

Я подумываю о том, чтобы прокрасться в обеденный зал, но балет больше не является тем убежищем, которым он когда-то был. Потому что, если моё первое предположение было верным, если это действительно просто галлюцинации, то потеря себя в танце ничем не помогла в сдерживании видения, равно как и применение техник, которым я научилась у доктора Роби. И если Алек прав — если он вообще был настоящим и если наш разговор вообще состоялся — тогда здесь происходит что-то ещё, и пока я не выясню, что это такое, я нигде не буду в безопасности.

Ты должна была вспомнить меня.

Вспомнить, как он делал что?

Я выхожу за дверь при первом же намёке на рассвет. Беру в дорогу чашку кофе и рогалик из пекарни и направляюсь в кладовку. Дверь заперта, поэтому я прижимаюсь спиной к стене и сползаю вниз, садясь на пол и скреживая ноги.

Что-то царапает внутреннюю сторону моей руки. Я протягиваю руку за спину и нащупываю уголок бумаги, торчащий из моих джинсов, джинсов, которые я не носила больше недели, сменив их на шорты и штаны для йоги. Я тяну его и снова вижу заголовок:

МОЛОДАЯ СВЕТСКАЯ ЛЬВИЦА УБИТА В РОСКОШНОМ ОТЕЛЕ

Я провожу большим пальцем по надписи (*кровь, так много крови*), затем засовываю ее обратно в карман.

К тому времени, как Макс и София приходят, чтобы отпереть дверь, я уже давно доела свой рогалик и выпила кофе. Мне кажется, я смотрю на чашку уже несколько часов, пытаюсь собраться с мыслями. Пытаюсь *вспомнить*. Но всё, что я могу вспомнить, это царапину на

колене от падения с подоконника и ощущение щеки Алека, прижатой к моей.

Я не могу сказать тебе, что происходит.

Почему?

Потому что тогда ты сойдёшь с ума.

Туфли на высоком каблуке и пара кед "Конверс" останавливаются передо мной.

— Счастливого Четвёртого июля! — говорит Макс.

— Что? — я моргаю, глядя на него. — Ой. Да. Счастливого Четвёртого июля.

Макс хмурит брови.

— Ты в порядке?

Мой голос хриплый, как обвал:

— Не могла уснуть.

София вставляет ключ от кладовки в замок и открывает дверь.

— Может, тебе стоит вернуться в свою комнату? Полежать немного?

— Нет, — говорю я, поднимаясь. — Я хочу работать.

Она кивает.

— Хорошо. Поправляйся.

Я следую за Максом в комнату, а София уходит, стуча каблуками по коридору. Я направляюсь в отведённый мне раздел, но мои мысли продолжают возвращаться к заголовку статьи, лежащей в моём кармане, и вместо того, чтобы просматривать кипы бумаг, которые нужно отсортировать, я вытаскиваю статью из кармана, моё сердце замирает при слове УБИТА.

Что с тобой случилось?

Мой взгляд поднимается к статье о Дне независимости над заголовком и задерживается на фотографии Марка Твена, поднимающегося по лестнице в "Гранд".

Но я сосредотачиваюсь не на авторе.

На заднем плане, на крыльце, позади ребёнка, наполовину свисающего с перил, и женщины с волосами, собранными на макушке, похожими на облако, стоит девушка, которая выглядит... до чёртиков... как я.

Я склоняюсь ближе.

То же лицо в форме сердечка, тот же заостренный подбородок. Её глаза сощурены от смеха, так что я не могу сказать, похожи ли они на мои, но на её шее есть пятнышко, которое может быть тенью... или очень знакомой родинкой.

Мои руки дрожат, пока я смотрю на фотографию. Является ли она давно потерянным предком? Двойник? Мираж, созданный моим недосыпающим мозгом?

Вспомни меня.

Мой взгляд перемещается к парню, стоящему рядом с ней. Его лицо наполовину скрыто пуделевой причёской пожилой женщины, но я бы узнала эту улыбку и эти глубоко посаженные глаза где угодно.

Алек.

Жгучая боль пронзает мой череп и, кажется, что мой мозг раскалывается. Я вскрикиваю и прижимаю ладони к вискам. Изображения возникают на внутренней стороне моих век, как фильм, прокручиваемый в ускоренной перемотке.

Волны разбиваются о лодку, отель маячит передо мной. Мужчина с зачёсанными назад волосами и чересчур широкой улыбкой приветствует меня в вестибюле, и я делаю шаг назад, дабы меня не стошнило на его дорогие туфли. Коридорный, который, на самом деле,

не коридорный, и который заставляет меня смеяться, лежит со мной на залитом лунным светом пляже и дарит мне крошечный лучик надежды, который я не могу объяснить.

— Нелл? — я слышу, как Макс спрашивает. — Ты в порядке?

Такое ощущение, что кто-то вонзает кирку в мою роговицу. Я скриплю зубами от боли.

Танцую в бальном зале, я глазами всегда ищу кого-то в толпе. Спорю с мужчиной со слишком широкой улыбкой — он хочет ударить меня, но никогда не сделает этого на публике, поэтому я стою на своём.

Плавание, рыбалка, верховая езда и поцелуи в тайных, укромных местах.

Решение.

План.

Пистолет.

А потом изображения исчезают.

Болевые ощущения в моём черепе превращаются в тупую, постоянную боль.

Макс кладёт руку мне на плечо.

— Хочешь я позвоню твоему отцу?

— Нет, — говорю я, опуская руки.

Они дрожат, как стучащие зубы, и я сжимаю их вместе, так что костяшки пальцев не белеют.

— Нет, я, эм... Думаю, мне просто нужно немного поспать. Я не очень хорошо себя чувствую.

— Да, определённо. Возьми выходной. Я справлюсь и без тебя.

Я поднимаю на него взгляд. На долю секунду он совсем не похож на Макса. Его лицо меняется на кого-то, кого я не узнаю, а его одежда меняется с узких джинсов и серой футболки на старомодный твидовый костюм. Я зажмуриваюсь и снова открываю глаза.

Макс смотрит на меня сверху вниз, его одежда вернулась к прежнему виду.

— Хорошо, — говорю я, отступая назад. — Спасибо.

— Хочешь, я провожу тебя до твоей комнаты?

— Нет, — говорю я, хотя ноги подкашиваются подо мной. — Со мной всё будет в порядке.

Мне каким-то образом удаётся выбраться в главный коридор подвала и подняться на первый этаж, не упав, хотя мир вокруг меня кренится. В животе хлюпает, а по линии волос стекают капли холодного пота. Думаю, что меня может стошнить, но это наименьшая из моих забот.

Все, кто проходит мимо меня — маленькие дети в купальниках, парочки, разглядывающие витрины, и служащие отелей, — все они меняются, как и Макс. Но, в отличие от Макса, они не возвращаются в нормальное состояние, когда я закрываю глаза. Они мелькают через разные лица и типы телосложения, различную одежду и различные причёски. Длинные платья и твидовые костюмы сменяются короткими открытыми платьями и жакетами в тонкую полоску. Юбки в обтяжку пятидесятых годов и плиссированные мужские брюки превращаются в платья с запахом в пейсли и кожаные жилеты с бахромой. Большие, дразнящие причёски и неоновые поясные сумки превращаются в толстовки и джинсы, майки и джинсовые шорты.

Они кружатся и кружатся, как карусель. Я закрываю глаза и прижимаю руку к стене, нащупывая поворот в вестибюль. Я слышу, как кто-то спрашивает: — Как ты думаешь, с этой девушкой всё в порядке? а кто-то другой отвечает: — По-моему, прошлой ночью было

слишком весело.

Ни один из них не останавливается, чтобы помочь мне.

Как только я чувствую угол стены под своими пальцами, я снова открываю глаза.

"Всё в порядке, ты в порядке, всё в порядке, — говорю я себе. — Ты перестанешь упрямиться и позвонишь доктору Роби. Чего бы это ни стоило, ты всё исправишь. Всё в порядке, с тобой всё в порядке, всё в порядке..."

Войти в вестибюль — всё равно что войти в дом развлечений³. Людей слишком много, и все они меняются. Мужчины становятся женщинами, а женщины становятся мужчинами, и это похоже на то, что на каждого из них наложено слайд-шоу из фотографий, на которых мелькают разные люди из разных эпох, но изображения меняются слишком быстро, чтобы кого-то разглядеть. Я пытаюсь сделать шаг вперёд, но моё зрение сужается.

— Кто-нибудь.

Мой голос звучит отстранено, как будто он исходит не от меня, и я знаю, что он недостаточно громкий.

Я пытаюсь ещё раз.

— Кто-нибудь... пожалуйста. Помогите мне.

Я протягиваю руку к старику. Он превращается в более молодого, худощавого мужчину в цилиндре и очках, затем в женщину с короткими чёрными волосами и тёмно-красной помадой. В толстого мужчину в огромных резиновых штанах и с удочкой в руках, платиновую блондинку с жемчугом на шее, подростка с блестящими тенями на веках и в ярко-зелёных колготках, парня лет двадцати в клетчатых шортах и белом поло под мятно-зелёным свитером.

Все они разные люди, но у всех на лицах одинаковое выражение удивления, смешанного с отвращением, когда они проходят мимо меня.

Я пытаюсь вдохнуть, но мои лёгкие словно разучились работать.

— Я... не могу... дышать.

Темнота, витающая по краям моего зрения, просачивается внутрь.

— Нелл?

Алек появляется передо мной. Его одежда меняется, как и у всех остальных — униформа коридорного, вельветовые брюки на подтяжках поверх синей рубашки, брюки с высокой талией и пиджаком, брюки клёш и пуговицы, брюки цвета хаки и вязаный свитер — но, в отличие от всех остальных, его лицо не меняется.

Это всегда он.

Мои ноги подгибаются.

Алек подхватывает меня на руки и прижимает к своей груди.

— Не волнуйся, — говорит он. — Я держу тебя.

Его аромат — сандалового дерева, цветов лимона и чистого белья — окутывает меня, и моё сердце бешено колотится в груди, а тело ощущается таким тяжёлым, что кажется, будто оно падает к центру Земли.

Но мои лёгкие снова наполняются воздухом, и я больше не тону.

ГЛАВА 33

ЛИЯ

ПРАЗДНИЧНЫЙ УЖИН В ЧЕСТЬ ЧЕТВЕРТОГО ИЮЛЯ сопровождается фейерверк

и симфоническим концертом на лужайке перед домом. Я симулирую очередную головную боль и убеждаю маму, что мне нужно прилечь, чтобы быть полезной на сегодняшнем балу. Ей это не нравится, но двое мужчин, которые обычно интересовались бы моим местонахождением — мой отец и Лон — слишком заняты лестью бизнес-магнатам и другим важным деятелям промышленности, чтобы заметить моё отсутствие, поэтому она соглашается.

Я встречаюсь с Алеком в холле пятого этажа у бельевого шкафа, как и планировалось. Он приветствует меня распростёртыми объятиями, кружа по широкому кругу.

Я бью его в грудь.

— Отпусти меня. Кто-нибудь увидит.

— Все снаружи, — говорит он.

Моё сердце учащённо бьётся, когда он рукой берёт меня за подбородок, запрокидывая мою голову. Сначала он целует меня нежно, но из глубин моего горла вырывается стон, и я вцепляюсь в его спину, желая большего. Он прижимает меня к стене, придавливая своим длинным, поджарым телом, его мышцы под одеждой твёрдые, как гранит. Его губы пожирают мои, пока мы не становимся одним дыханием, душой и существом.

Алек прерывает поцелуй. Он задыхается, и каждый вдох дрожит от желания. Он прислоняется своим лбом к моему и закрывает глаза.

— Ты хоть понимаешь, что ты делаешь со мной, Аурелия Сарджент?

— Если это хотя бы половина того, что ты делаешь со мной, то ты, должно быть, сходишь с ума.

— Я потерял разум и сердце из-за тебя, Лия, — он открывает глаза. — Ты околдовала меня.

Я улыбаюсь.

— Давай. Твоя мама ждёт нас.

* * *

Мать Алека делит комнату с другой прачкой, но её соседка по комнате на улице, наслаждается музыкой и фейерверками. Комната уютная, с двумя кроватями, двумя комодами и двумя умывальниками. В центре комнаты стоит небольшой круглый стол, окруженный четырьмя хилыми стульями. На столе стоит чайник с чаем и тарелка с булочками, которые я узнаю по вчерашнему завтраку в столовой.

Мать Алека, Оря, маленькая бледная женщина со светлыми волосами и глазами цвета соли, осматривает меня, пока Алек представляет нас. Слишком поздно я осознаю жжение вокруг губ и носа, где щетина Алека поцарапала меня, и я могу только молиться, чтобы освещение было слишком тусклым, чтобы она заметила.

— Итак, — говорит Оря через мгновение. — Ты та девушка, которая сделала моего сына таким счастливым в последние недели.

Хотя она прожила в Соединенных Штатах почти двадцать лет, её русский акцент сильно сквозит в каждом слове. Алек сказал мне, что его отец быстро адаптировался к американской жизни, потеряв большую часть своего акцента, прежде чем Алек стал достаточно взрослым, чтобы заметить перемены, но его мать отказалась отказываться даже от капельки своего наследия. Она держалась за свой акцент так, словно он был из золота. Она также до сих пор отмечает русские праздники и хранит в кармане фартука маленький

крестик Русской православной церкви.

— Разве твоя мать не хотела переезжать в Америку? — спросила я Алека однажды, когда мы лежали, растянувшись на пляже Палаточного города.

— Это было сложно, — ответил он. — Она понимала, что у её растущей семьи здесь будет больше возможностей, но дать мне и моему отцу эти возможности означало попрощаться со всеми, кого она любила. Вся её семья всё ещё живёт в России. Они еженедельно посылают письма туда и обратно, но их получение занимает так много времени, что мы всегда на несколько месяцев отстаём от их новостей, а они всегда отстают от наших. Переписка помогает, но фотографий и слов на бумаге не всегда достаточно, чтобы справиться с одиночеством.

— Она когда-нибудь думала о возвращении?

Он пожал плечами.

— Возможно, но она знает, что я предпочёл бы остаться здесь, и я сомневаюсь, что ей нравится идея оставить меня, независимо от того, сколько мне лет или как хорошо я устроился.

Теперь его мать жестом приглашает нас сесть за стол. Я беру булочку. Тесто чёрствое, а сахарная глазурь растворилась, но я ем её так, как будто это лучшая булочка, которую я когда-либо пробовала.

Между нами повисла неловкая тишина.

— Оря, — говорю я, пытаюсь завязать разговор. — Алек сказал мне, что вы из Санкт-Петербурга. Я всегда хотела туда съездить. Архитектура там такая красивая.

Её глаза сужаются.

— Вы можете называть меня миссис Петров.

— Конечно.

Мои руки трепещут, как птицы, — нервная привычка, которую, как я думала, мама отбила у меня много лет назад.

— Пожалуйста, простите меня.

Алек хмуро смотрит на мать. Я вижу, что он хочет что-то сказать в мою защиту, но я кладу руку ему на колено, останавливая его.

Оря замечает это.

— Так вы двое... друзья?

— Да, — отвечаю я. — На самом деле, мы стали довольно хорошими друзьями.

— Вы не так давно знаете друг друга, — замечает она.

Я смотрю на Алека.

— Не всегда нужно знать кого-то очень долго, чтобы узнать его сердце.

Она снова изучает меня, и я ни за что на свете не могу сказать, о чём она думает. Наконец, она говорит:

— Это правда.

Алек выдыхает. Он рассказывает своей матери о ночах, которые мы провели в Палаточном городе, и я благодарю её за его уроки танцев, как и обещала. Она слушает нас, не произнося ни слова. Её лицо ничего не выражает. Она не притрагивается ни к чаю, ни к булочке. Она — статуя, вплоть до того момента, как Алек рассеянно кладёт руку на спинку моего стула, рассказывая ей о пикнике, который мы устроили сегодня днём, а затем её лицо краснеет, и она закрывает глаза.

— Прости, Алек, — говорит она, — но с меня хватит.

Алек хмурит брови.

— Мам...

— Нет, — говорит она. — Я больше не могу слушать, — она встаёт из-за стола, заламывая руки. — Ты думаешь, я не замечаю обручальное кольцо у неё на пальце? Или дорогое платье, которое она носит? Ты думаешь, я не знаю, что она здесь гостя, и что ты подвергаешь свою работу, саму свою *жизнь* риску из-за этого... этого флирта?

Алек вскакивает на ноги.

— Лия — это не *флирт*...

— А как ещё ты мог бы назвать это, когда проводишь время с девушкой, которая уже помолвлена?

— Пожалуйста, извините меня, — говорю я, вставая. — Я должна вернуться на вечеринку.

— Да, вы должны, — говорит миссис Петров.

— Она не должна идти, — кричит Алек.

Он повторяет это снова, на этот раз мягче, поворачиваясь ко мне.

— Тебе не обязательно идти.

Я бросаю взгляд на миссис Петров.

— Думаю, твоя мать хотела бы побыть наедине с тобой.

Он начинает спорить, но я качаю головой.

— Всё в порядке. Мы увидимся завтра.

Я хочу поцеловать его на прощание, что делала каждый вечер с нашей первой поездки в Палаточный город, но это неприлично, и его мать только больше расстроится, узнав, что мы были так нежны друг с другом.

Я желаю миссис Петров спокойной ночи и выскальзываю за дверь.

— Как ты могла сказать ей такие вещи? — голос Алека доносится из-за двери.

— Она не твоя, — отвечает его мать, её голос такой мягкий, что мне приходится напрягаться, чтобы расслышать его. — Чем раньше ты это поймёшь, тем скорее сможешь оторваться от неё, прежде чем полностью потеряешь себя с кем-то, кого ты никогда не сможешь иметь.

Я хочу остаться и слушать, даже когда у меня горят глаза и скручивает живот, но я слышу шаги, эхом отдающиеся по коридору, и я знаю, что моё время вышло.

Я возвращаюсь в наш номер, чтобы привести себя в порядок, умываю лицо холодной водой и втираю мазь в подбородок, чтобы убрать покраснение от поцелуев Алека. Только когда я больше не чувствую, что могу расплакаться или в любой момент отказаться от ужина, я возвращаюсь на лужайку перед домом и смотрю фейерверк со своим женихом, всё время думая о мальчике, который неделями крал кусочки моего сердца, о мальчике, мать которого умудрилась разорвать их все в клочья за считанные секунды.

ГЛАВА 34

НЕЛЛ

АЛЕК НЕСЁТ МЕНЯ В САД. Воздух свежий и цветочный, и он охлаждает мою разгорячённую кожу. Он сажает меня на белую скамейку, слегка влажную от утренней росы, и присаживается передо мной на корточки. Его одежда больше не меняется, но ущерб уже нанесён. Мой желудок сжимается, и я наклоняюсь вперёд, кладя голову на руки.

— Думаю, что меня сейчас стошнит.

— Дыши, — говорит он мне, пальцами рисуя нежные круги на моих коленях.

Я наклоняю голову и встречаюсь с ним взглядом.

— Ты был на снимке.

Он ничего не говорит.

— Ты был на фотографии с...

Скажи это.

Но я не могу. Это слишком абсурдно.

— С кем-то, кто был похож на меня, — заканчиваю я.

Он качает головой.

— Не с кем-то, кто был похож на тебя.

Он оглядывает сад, но мы одни, и что-то в этом кажется таким знакомым, как воспоминание, за которое я...

Лимонное дерево. Лопата.

— не могу —

Пот блестит на загорелых, подтянутых мышцах. Рывок где-то глубоко в животе, от которого мои щёки краснеют.

— полностью —

Понимающая улыбка. Неуклюжее приглашение. И эти глубокие, пристальные глаза, смотрящие на меня так, словно я стакан воды, а он умирает от жажды.

— ухватить.

— Что со мной происходит?

Он отводит взгляд, ругаясь себе под нос.

Наконец, он говорит:

— Ты начинаешь вспоминать.

— Разве это не то, чего ты хотел?

— Я не *хочу* ничего из этого.

Мои глаза щиплет от язвительности в его тоне.

— Хорошо.

Я упираюсь руками в его грудь и отталкиваюсь от него, встаю. Я не могу ясно мыслить, когда он так близко.

— Знаешь, я не просила тебя о помощи.

Я начинаю возвращаться в вестибюль, мои ноги дрожат, но подчиняются.

Алек рычит. Он рукой обхватывает мой локоть, останавливая меня.

— Подожди.

Я поворачиваюсь к нему, мой язык, как кнут, готовый щелкнуть, но колени предают меня, и я падаю на Алека.

Короткий миг он стоит совершенно неподвижно, руками крепко обнимая меня. И затем...

Он рукой обхватывает мою шею сзади.

Я танцую по деревянному полу. Проносья, как комета, в его объятиях. Кружусь, кружусь, кружусь, пока не перестаню отличать верх от низа или восток от запада.

Черты лица Алека смягчаются, а его губы, которые всего секунду назад были сжаты в жесткую, мрачную линию, приоткрываются и выглядят полнее. Его руки стискивают меня крепче.

Улыбка, которая заставляет моё неисправимое сердце сжиматься в груди.

Я протягиваю руку — так, так медленно — и убираю волосы с его глаз. Ощущение кажется новым и чудесным, и в то же время кажется, что я делала это тысячу раз раньше.

Его губы овладевают моими, крадут моё дыхание, мою судьбу и мою душу в позолоченном свете рассвета. Находя меня в пустынных коридорах и пустых комнатах. Оставляют дорожку из поцелуев на шее, в то время как его пальцы перебирают ленты моего корсета. И глубокая, отчаянная потребность быть с ним, сейчас, прежде чем нам придётся попрощаться навсегда.

Я выдыхаю его имя.

— Алек... что со мной происходит?

Его улыбка тяжёлая. Сломленная. Победенная. Он прижимается губами к моей макушке и обхватывает меня руками, как щит, как будто, если он отпустит меня, я рассыплюсь в пыль у него на глазах.

— Пойдём.

Его взгляд скользит по коридорам и балконам, возвышающимся над нами.

— Мы не можем говорить здесь.

* * *

Мы идём на пляж, и Алек говорит, что прибой заглушит наши голоса. Но ещё рано, и несколько человек на пляже вместе с нами ищут ракушки, ведут свои собственные разговоры, и, почему-то, я не думаю, что именно эти люди, о которых он беспокоится, услышат нас.

Я жду, что он заговорит, объяснит, что, чёрт возьми, со мной происходит, но он ничего не говорит, идя рядом со мной, уставившись в песок, заложив руки за спину.

— Кто эта девушка на фотографии? — спрашиваю я.

Он сглатывает.

— На который из них?

— Марк Твен. На крыльце.

— А.

Группа пеликанов скользит по воде, их длинные изящные клювы разрезают поверхность, как ножи.

Вместо того чтобы ответить на мой вопрос, он задаёт другой.

— Что ты помнишь?

Сижу в обеденном зале, задыхаясь от ядовитых ожиданий, которые на меня возложили. Устраиваю представление для бдительных глаз, сплетничающих дам, расположившихся вокруг балкона второго этажа, как вычурные горгульи, пьющих чай. Позволяю мужчине со слишком широкой улыбкой и зачёсанными назад волосами брать меня за руку и говорить о нашем будущем, как будто он знает, чего я хочу, и целовать меня, когда мы одни, хотя всё, чего я хочу, это блевать от дорогого запаха и его плотоядного взгляда.

— Вспышки, — говорю я. — Фрагменты. Но они не имеют смысла. Они кажутся воспоминаниями, но я не знаю, откуда они берутся. Единственный человек, которого я узнаю, это ты, и не похоже, что мы когда-либо...

Целовались. Нет, я этого не признаю, что мои галлюцинации теперь включали мысли о

том, что мы с Алеком встречаемся. Я делаю глубокий вдох и начинаю снова.

— Я не знаю, что со мной происходит, но я думаю, что смогу это исправить.

Его брови выгибаются, бесконечно малая величина, которая была бы незаметна, если бы я не наблюдала за ним так пристально.

— Думаешь?

— У меня и раньше были подобные проблемы.

На этот раз он не утруждает себя тем, чтобы скрыть своё удивление.

— У тебя?

Я киваю.

— В Колорадо есть врач. Психотерапевт. Раньше я виделась с ним довольно регулярно. Он предложил найти мне психотерапевта здесь, в Уинслоу, но я подумала, что он мне больше не нужен, — я усмехаюсь. — Что за шутка.

Алек останавливается.

— Как ты думаешь, что именно с тобой происходит?

— Галлюцинации, вызванные... я не знаю. Недостаток сна, может быть, или стресс от переезда, или... что-то ещё, — я смеюсь надломленным смехом. — Я, наверное, галлюцинирую весь этот разговор прямо сейчас.

Он хватает меня за руки.

— У тебя это не галлюцинации, и видения, которые тебе являются, тоже не галлюцинации. Это воспоминания.

Я отстраняюсь от него и снова начинаю идти.

— Это не могут быть воспоминания. Я никогда не была здесь раньше.

— Вот только, ты была, — говорит он так тихо, что я почти не слышу его. — Давным-давно.

Я поворачиваюсь назад. Отель стоит на страже за его спиной, неуклюжая зелёно-белая фигура, наблюдающая за нами и морем, точно так же, как она наблюдала за каждым другим человеком, проходящим этим путём более ста лет.

— Алек.

Он встречается со мной взглядом.

— Кто эта девушка на фотографии?

— Аурелия Сарджент.

Решение.

План.

Пистолет.

Мой язык внезапно становится похожим на потрескавшуюся поверхность пустыни.

— Девушка, которую убили?

Он кивнул.

— А парень? — я спрашиваю, потому что мне нужно услышать, как он это скажет. — Тот, что рядом с ней?

Его взгляд пригвозждает меня к месту.

— Это я, — говорит он. — И я стою рядом с тобой.

ГЛАВА 35

ЛИЯ

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ МАМА ЗАСТАВЛЯЕТ меня заниматься свадебными планами, так что я больше не вижу Алека вплоть до нашего полуночного свидания на пляже. Он выглядит таким же измученным, как и я, как будто тоже провёл предыдущую ночь, ворочаясь с боку на бок в полусне. Он заключает меня в объятия и не отпускает, когда я отстраняюсь. Он глубоко вдыхает, как будто запоминает каждый мой запах, каждую частичку и клеточку.

— Алек? В чём дело?

Он не отвечает.

— Мне жаль, что прошлый вечер прошёл так неудачно, — говорю я, страх ускоряет мои слова. — Могу ли я что-нибудь сделать, чтобы всё исправить?

Он молчит.

— Может быть, если твоя мать узнает меня получше...

— Это не имело бы значения.

Его руки ослабевают, и он делает шаг назад, и хотя сила, с которой он держал меня, напугала меня секунду назад, ещё страшнее видеть выражение решимости, которое приходит на смену этому.

— Она была права. Ты не принадлежишь мне.

Я качаю головой.

— Нет.

Я пытаюсь взять его руки в свои, но он вырывается из моей хватки и отступает от меня, пока не начинает казаться, что между нами целый океан.

— Почему ты говоришь всё это?

— Потому что это правда. Это... мы... — он сглатывает. — Мы никогда не сможем стать чем-то большим, чем это.

У меня такое чувство, будто кто-то засунул мне в уши ватные шарики, туманный барьер заглушает его слова.

— Я не понимаю. Ты... ты знал, что я была помолвлена ещё до того, как всё это началось.

Он не смотрит мне в глаза.

— Я знаю.

— Что изменилось?

— Я влюбился в тебя, Лия. Вот что изменилось.

— Но ты был в порядке до прошлой ночи

— Что ты хочешь, чтобы я сказал? Что я притворялся так долго, как только мог, что это лето не было ложью? Что нам не придётся прощаться друг с другом в конце?

Наши голоса становятся громче прибоя, и я знаю, что опасно говорить так открыто здесь, так близко к отелю, где любой может услышать, но я не могу остановиться.

— Но именно поэтому мы не должны тратить наше время на споры или размышления о будущем. У нас есть только сейчас — *прямо сейчас* — и вот как ты хочешь провести наше время вместе?

Он сокращает расстояние между нами.

— Ты думаешь, это меня не убивает? Ты думаешь, я хочу попрощаться с тобой? Это кольцо на твоём пальце — похоронный звон, напоминающий мне каждый раз, когда я обнимаю тебя, целую, *хочу* тебя, что ты не моя. Ты никогда не будешь моей.

— Но у нас есть сейчас.

Слёзы затуманивают мне зрение.

— *Сейчас* я твоя.

Он проводит руками по волосам, завязывая их узлом на затылке.

— Этого недостаточно.

Мой голос — спокойная тишина зимы.

— Это всё, что я могу дать.

Он качает головой.

— Прости.

— Ты *трус*, Алек Петров, — шепчу я, когда он уходит.

Я делаю глубокий вдох, пропитанный солью воздух пронзает мои лёгкие, как ножи.

— Ты меня слышал? — я кричу, перекрикивая ветер. — Ты трус.

Он даже не оглядывается через плечо, направляясь обратно в отель, забирая с собой моё сердце и душу, оставляя позади лишь оболочку девушки, которой я была раньше. Всё моё тело оседает на песок.

ГЛАВА 36

НЕЛЛ

АЛЕК ПЫТАЕТСЯ ВЗЯТЬ МЕНЯ за руку, но я отшатываюсь, поднимая песчинки. Шум прибоя громко отдаётся в ушах, безжалостный барабанный бой.

— Ты так же бредишь, как и я.

Я снова смеюсь, но смех звучит неправильно. Отчаянно. Я разворачиваюсь на каблуках и продолжаю идти.

— Или, может быть, это сон. Да, так и есть. Я всё ещё сплю.

— Нелл, остановись.

— Мне просто нужно проснуться. Мне просто нужно...

Моё тело замирает. Я в замешательстве опускаю взгляд на свои ноги. Я пытаюсь сделать ещё один шаг вперёд, но это всё равно, что пытаться пройти сквозь стену. Я говорю себе сделать шаг назад, и моё тело реагирует, но когда я говорю себе идти вперёд — ничего не происходит.

— Это линия собственности отеля, — говорит Алек, останавливаясь рядом со мной и глядя на пляж перед нами. — Ты не можешь пересечь её.

— Почему?

— Проклятие не позволит тебе.

— *Проклятие?* — я давлюсь смехом. — Ладно, теперь ты действительно спятил. Я могу уйти в любое время, когда захочу.

Я скриплю зубами, толкая весь свой вес вперёд.

Но всё бесполезно.

Я не сдвинулась ни на сантиметр.

— Ты хоть раз пыталась выйти из отеля с тех пор, как приехала? — спрашивает Алек.

— Пока нет, — признаюсь я, — но только потому, что у меня не было для этого никаких причин.

Он скрещивает руки на груди и одаривает меня полуулыбкой, от которой моё сердце делает сальто.

Поцелуи — прикосновения — потребность — желание — не могу остановиться — не

хочу останавливаться — он воздух, которым я дышу, и мысли, которыми я живу — он кровь в моих венах и слёзы в моих глазах —

— И тебе это не показалось странным? — спрашивает он.

Я трясую головой, пытаюсь прояснить её. Если это сон или галлюцинация, то почему эти мысли — эти случайные, но совершенно ясные мысли — кажутся воспоминаниями, о которых говорит Алек?

— Я была занята, — выдавливаю я.

— Как только ты сюда попала, отель находит причины удержать тебя здесь, пока всё не будет сделано.

— Пока *что* не будет сделано?

Его улыбка исчезает.

— Может быть, нам стоит присесть.

— Я не хочу садиться.

Я знаю, что веду себя как ребёнок, но я не могу остановиться. Всё это не имеет никакого смысла.

Алек вздыхает.

— Нелл. *Пожалуйста.*

Смирение, поражение в его глазах смягчают меня больше, чем что-либо другое.

— Хорошо.

Мы садимся на краю линии прилива. Алек сидит лицом к воде, подтянув колени к груди. Я сажусь, скрестив ноги, лицом к нему.

Он не смотрит на меня, когда говорит:

— Это не первый раз, когда ты здесь, и это не первый раз, когда ты возвращаешься.

Я хмурюсь.

— Я не понимаю.

Но я знаю. Какая-то маленькая часть меня знает, что он пытается сказать. Я уже складываю кусочки воедино. Я чувствую, как она — *Аурелия* — стучится в дверь моего сознания, пытаюсь сказать мне, показать мне, но логика и разум сопротивляются ей, этому другому человеку с этими воспоминаниями и чувствами, вторгающимися в мои собственные.

— Это твоё седьмое возвращение с тех пор, как... — он колеблется. — С тех пор, как умерла Аурелия.

Он ожидает, что я поверю, что была здесь, в этом отеле, не один раз, а *семь* раз до этого?

Мой голос тихий, как колибри, подхваченная ветерком:

— Ты имеешь в виду, с тех пор, как её убили.

Он ничего не говорит.

— Как это произошло? — спрашиваю я.

Он выдыхает.

— Я хотел бы рассказать тебе, но ты должна вспомнить сама.

Я прищуриваю глаза.

— Ты меня подставляешь, да? Это какая-то шутка?

— Нелл...

Я заставляю себя подняться.

— Я такая глупая. Ты, правда, так сильно меня ненавидишь? И за что? За то, что случайно наткнулась на тебя пару раз?

— Нелл...

— Я больна. *В прямом смысле* больна. И у тебя хватает наглости использовать это против меня?

— Я не могу рассказать тебе, что произошло, — огрызается он в ответ, — потому что я уже пробовал сделать это раньше, и это сработало не совсем хорошо.

Что бы я ни ожидала от него услышать, так точно не это.

— Что ты имеешь в виду?

Он отводит взгляд.

— Когда? — я опускаюсь обратно на песок. — Когда ты мне сказал?

Он колеблется.

— В первый раз, когда ты вернулась. Лето 23-го. Тогда тебя звали Элис.

Он поднимает потерянный в песке доллар, лежащий у его ног, и проводит большим пальцем по его лицевой стороне, изучая трещины. Затем он отводит руку назад и бросает его в воду.

— С той даты у тебя тоже начнут появляться воспоминания. Со всех времён, когда ты возвращалась. Вначале они будут приходить медленно, а потом начнут затоплять твой мозг, как прорвавшаяся плотина. Ты дойдёшь до того момента, когда больше не сможешь это отрицать. Иногда это происходит раньше, иногда позже, но легче, если это происходит раньше.

— Почему легче?

— Потому что это даёт нам больше времени.

Пустота в моём животе растёт.

— Больше времени для чего?

Он отрывает взгляд от океана и встречается с моим взглядом.

— Для того чтобы уберечь тебя от новой смерти.

ГЛАВА 37

ЛИЯ

ПОСЛЕ ЗАВТРАКА БЕННИ УМОЛЯЕТ ОТЦА отвезти его в Палаточный город, что принять участие в гонке моделей парусников. Отец в хорошем настроении, поэтому он говорит Бенни сбежать за своей парусной лодкой. Мама решает учинить из этого праздник, она упаковывает обед для пикника и приглашает Лона составить нам компанию.

— Ты сегодня необычно тихая, — замечает Лон, когда мы занимаем своё место среди зрителей.

Это ещё мягко сказано. Я призрак, призрак, дымные щупальца потухшего пламени. Я не говорю ничего, кроме коротких, отрывистых ответов на неизбежные вопросы. Больше того, кажется, что для этого потребуется невероятное количество энергии. Я надеялась, что Лон не заметит, и на этот раз я действительно благодарна ему за хвастливые анекдоты и неспособность говорить о чём-либо, кроме себя, потому что это избавляет меня от необходимости говорить вообще. Но я полагаю, что он становится более восприимчивым к моим реакциям на него или их отсутствию.

— Я озабочена, — честно отвечаю я.

— Чем же?

Солнце насмешливо яркое. Я прикрываю глаза рукой и ищу Бенни в очереди детей,

ожидающих, когда они выпустят свои парусники.

— Свадьбой, конечно же.

— А, — Лон обнимает меня за талию, его пальцы скользят по моему бедру. — Знаешь, сбежать никогда не поздно.

— И *ты* знаешь, мы уже обсуждали, насколько это было бы глупо.

Он напрягается. Мой быстрый язык задел его самолюбие. Я знаю, что должна извиниться, но мне попросту всё равно, чтобы это сделать.

Вместо того чтобы отстраниться, как я ожидаю, Лон двигается позади меня и прижимается грудью к моей спине, а ногами к моим ногам. Обеими руками он сжимает мои бёдра и притягивает меня к себе.

— Ты хоть понимаешь, — шепчет он мне на ухо, его дыхание кислое от запаха копченой рыбы на завтрак, — до нашей свадьбы всего два месяца? Теоретически, ты могла бы быть беременной во время церемонии, и ни один человек не узнал бы об этом.

Я не могу полностью скрыть свою усмешку, оглядываясь на него.

— И что же ты предлагаешь?

— Приходи ко мне в номер сегодня вечером.

Воздух сотрясает выстрел. Парусники освобождены. Я пользуюсь возможностью отстраниться от Лона, аплодируя вместе с остальной толпой.

— Я не знаю, за какую девушку ты меня принимаешь, — выговариваю я сквозь улыбку.

Мама наблюдает за нами.

— Я принимаю тебя за свою будущую жену, — говорит он. — Так какая разница, заключим ли мы наш брак сейчас или в первую брачную ночь?

— Что, если ты передумаешь и оставишь меня у алтаря? Я буду уничтожена.

— Ты же знаешь, что я так не поступлю.

Мне нужно что-то сделать. Польстить ему. Изменить его мнение. Заставить его думать, что ждать до нашей брачной ночи, это *его идея*. Но когда я открываю рот, мои слова выливаются наружу, как яд.

— Ответ — нет. А теперь, если ты меня извинишь, я пойду, поболею за своего брата.

Я ожидаю, что он последует за мной к воде, но мама, должно быть, чувствует его гнев и сцену, которую он собирается устроить, потому что она перехватывает его, давая мне возможность сбежать, в чём я так отчаянно нуждаюсь. Я проталкиваюсь к краю толпы и выкрикиваю имя Бенни. Его парусник в настоящее время находится на четвёртом месте, но у него самая широкая улыбка, которую я видела у него за Бог знает сколько времени.

— Твой брат? — спрашивает девушка, стоящая рядом со мной, и в её голосе слышится знакомая горечь.

Клара.

— Да, — отвечаю я.

— Алек был просто сокрушён прошлой ночью.

Она осматривает свои ногти, ковыряя под ними линии песка.

— Я не видела, чтобы он так много пил с тех пор, как умер его отец.

Я не спускаю глаз с Бенни и говорю тихим голосом. Опасно говорить об этом здесь, но я жажду новостей о нём.

— Что он сказал?

— Что он решил порвать с тобой сейчас, пока вы оба не зашли слишком далеко. После трёх рюмок он начал задаваться вопросом, правильно ли он поступил. Я завершила его, что

так оно и есть.

Я ничего не могу с собой поделаться. Я бросаю на неё взгляд, ожидая, что она будет выглядеть радостной или надменной, но она ни та, ни другая. Она серьёзна, и я задаюсь вопросом, не мерещится ли мне жалость в её глазах.

— Я знаю, тебе тяжело это видеть, — продолжает она, — и это не твоя вина. Ты живёшь в другом мире. Но Алек был тем, кому в этой ситуации всегда будет больно. В конце лета ты выйдешь замуж за своего прекрасного принца и будешь жить в замке, вся в драгоценностях и мехах, а Алек останется ни с чем. Он всё ещё будет здесь, живя жизнью третьего сорта в окружении первоклассных людей, которые ведут себя достаточно дружелюбно, но никогда не заботятся о том, чтобы узнать его имя.

Я хочу сказать, что *так будет не всегда. Он собирается стать врачом.*

Но это не имеет значения. Это не изменит того факта, что она права, что я эгоистичный монстр, девочка, которая больше заботилась о том, что парень заставил её чувствовать сейчас, чем о том, что она заставит его чувствовать в конце.

— Вот почему я никогда не испытывала к тебе тёплых чувств, — говорит она, глядя на воду. — Я знала, что ты только навредишь Алеку — именно так и поступают, такие как ты, люди. Но я хочу, чтобы ты знала, если бы не этот факт, возможно, мы могли бы стать друзьями.

У меня пересохло в горле, и мне приходится сглотнуть, чтобы заговорить.

— Ты влюблена в него?

— Не знаю, — отвечает она. — Но, может быть, когда ты уйдёшь, я пойму. Несмотря ни на что, Алек заслуживает быть со мной или с такой девушкой, как я. Девушка, которую он действительно может заполучить.

Парусники пересекают финишную черту. Бенни идёт вторым за мальчиком в залатанном комбинезоне и с перепачканным грязью лицом. Бенни пожимает мальчику руку, поздравляя его с победой.

— Если ты действительно заботишься об Алеке, — говорит Клара, — ты будешь держаться от него подальше.

Бенни ищет меня в толпе. Я заставляю себя улыбнуться и протягиваю руки. Клара исчезает, а Бенни подбегает ко мне и обнимает за талию.

— Ты видела? Я был так близок к победе.

— Ты был великолепен, дорогой, — говорю я ему. — Совершенно чудесно.

Отец подходит к нам, хлопая Бенни по плечу.

— Молодец, сынок. Ты почти обыграл его.

Я передаю Бенни отцу, который поднимает его на плечи и несёт через толпу к маме. Я стою на месте с минутой, наблюдая за ними.

"Если ты действительно заботишься об Алеке, ты будешь держаться от него подальше".

Вздыхая, я поднимаю подол своего платья и следую за отцом. Лон всё ещё выглядит сердитым на меня, но я успокаиваю его, кладя руку ему на плечо и кокетливо улыбаясь. Я понятия не имею, как я могла когда-то думать, что смогу избежать своей судьбы, но я полна решимости исполнить желание Алека.

Я не буду усложнять ситуацию больше, чем она должна быть.

— ЧТО ТЫ ИМЕЕШЬ В ВИДУ, ЧТОБЫ уберечь меня от новой смерти?

— Каждые шестнадцать лет, — говорит Алек, его челюсть напряжена, кулаки сжаты, — ты возвращаешься ко мне. И каждые шестнадцать лет мне приходится снова наблюдать, как ты умираешь.

Я смеюсь. Мне не нравится, как маниакально это звучит, но я ничего не могу с собой поделать.

— Ладно, теперь ты действительно зашёл слишком далеко. И умру я из-за чего? Из-за какого-то проклятия?

Думаю, он рассердится на меня за то, что я смеюсь. Что мы будем драться, и, может быть, он, наконец, откажется от этой жестокой шутки. Я не знаю, откуда он знает о моих галлюцинациях, или как он знает их так хорошо, чтобы сочинить вокруг них целую историю, но это должно быть так.

История.

Шутка.

Кошмар.

Вместо этого он потупил взор и смотрит на песок.

— Каждый раз я думаю, что не переживу этого, — бормочет он, вены обвивают его руки, как верёвки, — но потом я просто продолжаю жить. Застрял здесь и жду, пока ты не вернёшься снова, — он резко выдыхает. — *Это* проклятие. Я был проклят бессмертным тюремным заключением, а ты была проклята возвращаться каждые шестнадцать лет, чтобы заново пережить события того лета.

— Если это правда, то почему ты не обрадовался, увидев меня? Почему ты был таким отстранённым? — я придвигаюсь к нему ближе, в моём голосе звучит обвинение. — Если ты ждал меня шестнадцать лет, почему ты не смотришь на меня дольше двух секунд?

Он взрывается с песка.

— Ты думаешь, это легко для меня? Ты думаешь, я этого *хотел*? Мы думали, что в прошлый раз победили. Мы были так уверены, что спасли тебя, что даже *отпраздновали* это событие. Мы строили планы. Мы говорили о нашем совместном будущем, когда взошло солнце, — слёзы звенят на его ресницах. — Ты умерла у меня на руках, Кэти, и я ничего не мог сделать, чтобы остановить это. Так что извини, если я не рад тебя видеть ещё больше, но я не могу снова надеяться только для того, чтобы это у меня отняли. Ты не можешь просить меня об этом.

Я снова хмурюсь.

Между нами повисает молчание.

— Нелл, — наконец, произносит он. — Я хотел сказать, Нелл.

Я заставляю себя подняться. Я не знаю, что ему сказать. Я до сих пор не знаю, попала ли я в ловушку сна или запуталась больше, чем думала — а что если я сейчас разговариваю с воздухом, а не с Алеком, — но я знаю одно: Алек верит в то, что говорит. Для него это не шутка и не розыгрыш. Боль в его голосе слишком реальна для этого.

— Слушай, я не эксперт в этом или что-то в этом роде, — мягко говорю я, — но, похоже, у тебя серьёзная проблема. Может быть, тебе стоит с кем-нибудь поговорить. Я могла бы позвонить своему психотерапевту и узнать, есть ли здесь кто-нибудь, кого он мог бы порекомендовать. Мы могли бы пойти вместе...

Алек сокращает расстояние между нами и останавливается так близко, что я не вижу ничего, кроме него. Всё его тело напрягается, как будто он хочет встряхнуть меня, но он продолжает сжимать кулаки по бокам.

— У меня нет проблем. Это реальность, Нелл, и чем скорее ты это примешь, тем легче будет нам обоим.

— Есть ли какой-нибудь способ, — спрашиваю я, выдавливая слова через пересохший рот, — что ты... Я не знаю... Принял меня за кого-то другого?

— Ты видела фотографию. У тебя были видения. Ты только что сама убедились, что не можешь покинуть территорию отеля, — говорит он. — Скажи мне, если я ошибаюсь.

Я поднимаю на него глаза. Каждая линия его тела говорит об опасности, но даже здесь, в разгар его гнева, я его не боюсь. В глубине души я знаю, что он никогда не причинит мне вреда. Но как я могла узнать такое о совершенно незнакомом человеке, выше моего понимания.

Если только то, всё что он говорит, правда.

Если только у меня всё это не галлюцинации.

Если только я действительно являюсь — *была* — Аурелией Сарджент, а он вовсе не незнакомец

— Итак, — говорю я, сглатывая, — что теперь будет?

— Мы ждём, когда к тебе вернутся воспоминания.

— А потом мы придумаем план, чтобы я больше не умирала?

Я хочу, чтобы это прозвучало саркастично, но слова тяжелым грузом повисли между нами.

Он скрипит зубами и делает шаг назад. Он смотрит на океан, избегая моего взгляда.

— Алек? — спрашиваю я, мой голос дрожит. — Мы собираемся придумать план, верно?

Ему требуется много времени, чтобы ответить, и когда он, наконец, отвечает, в этом нет ничего обнадеживающего.

— Мы всегда так делаем.

* * *

Когда-то давно, когда я была маленькой девочкой, полностью погруженной в надежды, мечты и сказки, я, вероятно, приняла бы объяснение Алека, не подвергая его сомнению. Но эта девочка была разбита вдребезги в тот момент, когда самолёт, перевозивший её мать, упал с неба.

Я не верю в сказки. Я не верю в проклятия. И я чертовски уверена, что не верю в судьбу. Если смерть моей матери чему-то меня и научила, так это тому, что этот мир — ужасное место, и мы все просто выжидаем, пока с нами не случится следующая великая трагедия.

Вот почему я так крепко держусь за папу, и, я думаю, именно поэтому он держится за меня. Мы знаем, что в любой момент один из нас может быть оторван от другого, и мы ничего не можем сделать, чтобы остановить это. Так что, сама мысль, что есть какой-то план, что судьба, или Бог, или как вы хотите это назвать, прилагает столько усилий, чтобы каждые шестнадцать лет сводить двух людей вместе, чтобы исправить прошлую ошибку, просто противоречит всему, во что я верила последние четыре года.

Именно поэтому я оставляю Алека на пляже и возвращаюсь в свою комнату. Мне нужно собраться с мыслями, а я не могу этого сделать, когда он так на меня смотрит.

Как будто каждое его слово — правда.

"Ты видела фотографию. У тебя были видения. Ты только что сама убедилась, что не можешь покинуть территорию отеля. Скажи мне, что я ошибаюсь".

Ещё даже не полдень, так что, комната в моём полном распоряжении. Моя первая мысль — лечь на кровать и немного поспать, но даже притом, что моё тело чувствует, что оно может рухнуть в любой момент, мой мозг слишком напряжен, чтобы отключиться.

Я открываю контактную информацию доктора Роби. Он, вероятно, сейчас с пациентом, но он регулярно проверяет свою голосовую почту, и я знаю, что он сразу же перезвонит мне, если я скажу ему, что это срочно. Что я вижу вещи, которых нет, что я чуть не выпала во сне прямо из окна пятого этажа, и что я, возможно, веду с кем-то совершенно выдуманные разговоры, чтобы объяснить свои галлюцинации.

Что мне всё-таки видимо понадобится его рекомендации по новому терапевту.

Мой большой палец нависает над кнопкой вызова.

Ругаясь себе под нос, я выхожу из контактов, открываю свой интернет-браузер и набираю:

Аурелия Сарджент, Гранд Отель Уинслоу

Имеется не так много информации, кроме того, что Макс уже рассказал мне, и большая её часть исходит из городских легенд и теоретиков заговора, так что я понятия не имею, насколько это правда. Но каждый сайт согласен с этими основными моментами:

Аурелия Сарджент и её жених Лон вон Ойршот были обнаружены мёртвыми от огнестрельных ранений в номере Аурелии ранним утром 6 августа 1907 года, ровно за два дня до её семнадцатилетия — по совпадению, в тот же день, что и мой день рождения, — и за месяц до её свадьбы. Хотя в то время, по сообщениям, было проведено расследование в отношении нескольких подозреваемых, арест так и не был произведён. Ходили также разговоры о возможном убийстве-самоубийстве, что казалось ещё более правдоподобным после того, как друзья Аурелии рассказали, что она не особенно любила Лона. Появились новые слухи об отчаянном финансовом положении её родителей, но, ни одно из сообщений так и не подтвердилось, и семья быстро отвергла их как клеветнические слухи.

Что-то в этой последней информации щекочет меня до самой глубины души — *сундук, полный платьев, которые мы не можем себе позволить*, — но ощущение исчезает так же быстро, как и появляется.

Затем я набираю:

Смерти в Гранд Отеле Уинслоу

Я просматриваю сайты. Конечно, если то, что говорит Алек, правда, если я Аурелия, и я возвращалась в отель каждые шестнадцать лет только для того, чтобы каждый раз умирать, об этом должны были быть сообщения. Статьи. Предположения о том, почему шестнадцатилетние девочки продолжают умирать в отеле.

Но в сети ничего нет.

Я хочу испытать самодовольство по этому поводу, особенно после того, как вся эта история с Аурелией, разделяющей мой день рождения, напугала меня, но всё это означает, что либо Алек такой же потерянный и сбитый с толку, как и я, либо весь мой разговор с ним был иллюзией, которую мой мозг вызвал, чтобы успокоить меня. Был ли Алек вообще там, в вестибюле? Он вообще водил меня во двор или на пляж? Может быть, я где-то потеряла сознание и всё это мне приснилось.

Стук в дверь пугает меня.

Моя первая мысль, что папа забыл свой ключ, но сейчас только половина второго — я изучала интернет в течение двух часов? — а потом я думаю:

Алек.

Я кладу телефон в карман и пересекаю комнату, бросая быстрый взгляд на своё отражение в зеркале в шкафу, приглаживаю волосы и только потом открываю дверь.

Макс приветствует меня улыбкой. Он держит коричневый бумажный пакет из одного из ресторанов отеля.

— Привет, больная. Я принёс тебе немного супа.

— Вау, — говорю я, пытаюсь скрыть своё разочарование. — Спасибо.

Он пожимает плечами.

— Мама заплатила за обед, когда я сказал ей, что ты заболела, и я вроде как воспользовался этим и тоже купил себе сэндвич, но главное — это мысль, верно?

Я заставляю себя рассмеяться.

— Абсолютно.

— Так ты готова составить компанию, или мне следует отнести свой сэндвич вниз и съесть его в одиночестве, как таинственному одиночке, которым я и являюсь?

— Входи.

Мы накрываем обед на маленьком столике под одним из окон, выходящих на крышу. Макс спрашивает, как я себя чувствую, осторожно снимая крышку с моего супа и протягивая мне пластиковую ложку.

— Лучше, — вру я. — Просто нужно было немного поспать.

Он засиял.

— Слава Богу. Я хотел посмотреть этот фильм сегодня вечером, но все мои друзья хотят поглядеть фейерверк, и я подумал, может быть, мы с тобой могли бы... но потом ты сказала, что заболела, и я подумал, что найду тебя, блюющей, или что-то в этом роде.

Я почти не слушаю. Мои мысли постоянно возвращаются к Аурелии. К видениям.

Алеку.

— Нет, — говорю я, рассеянно помешивая крекеры в супе. — Не блюю.

Макс разворачивает свой сэндвич.

— Итак, эм, как насчёт этого?

Я хмурюсь и поднимаю на него взгляд.

— Как насчет чего?

— Ты хочешь пойти в кино сегодня вечером?

Я моргаю.

— Четвертого июля?

Он кивает.

— Я делаю это каждый год. Не очень патриотично, я знаю, но у меня всегда есть место для себя.

Я собираюсь сказать "да". Фильм, похоже, как раз то, что нужно, чтобы отвлечься от всего, и, возможно, выход из отеля пошёл бы мне на пользу. Но потом я вспоминаю пляж, линию собственности отеля, то, как моё тело застыло, как будто кто-то отключил мою способность двигаться.

Но это была всего лишь галлюцинация. Никакое проклятие не мешает тебе покинуть территорию отеля.

И всё же мне не хочется проверять эту теорию в присутствии Макса.

— Я думаю, что должна успокоиться, — говорю я. — Я всё ещё неважно себя чувствую.

— Оу, — его лицо вытягивается.

— Но... мы могли бы посмотреть фильм здесь, если хочешь?

Его глаза расширяются.

— Правда?

— Да. Сомневаюсь, что папе будет интересно. И я думаю, что мы тоже сможем увидеть фейерверк отсюда, так что ты сможешь получить лучшее из обоих миров.

— Хорошо, — говорит он. — В какое время я должен прийти?

— Шесть?

Он кивает.

— Самое то.

Мы сидим в тишине несколько минут, пока едим, пока я не могу больше этого выносить и не задаю вопрос, который крутится у меня в голове уже несколько часов.

— Что ты думаешь о реинкарнации?

Он моргает.

— Вопрос задан случайно?

— Не совсем. Я подумала, может быть, ты мог бы включить это в свой сценарий.

Раньше я не была такой хорошей лгуньей. Мама всегда знала, когда я лгу, потому что мои уши краснели, глаза начинали бегать, а мои слова выходили совершенно сбивчивыми. Но каким-то образом за последние четыре года, когда доктор Роби постоянно задавал все эти вопросы, а папа всегда наблюдал за мной, как ястреб, я научилась скрывать свои эмоции за ложью, которая слишком походила на правду.

Макс морщит лицо.

— Я никогда по-настоящему не думал об этом.

Моя ложка царапает дно миски.

— Но ты думаешь, это возможно?

— Первое правило рассказывания историй, — говорит он с блеском в глазах. — *Всё* возможно.

ГЛАВА 39

ЛИЯ

СЛЕДУЮЩАЯ НЕДЕЛЯ — САМАЯ ДЛИННАЯ В МОЕЙ ЖИЗНИ.

Я посвящаю себя планированию свадьбы и встречам в бридж-клубе, общению с новыми друзьями матери и семьями деловых партнёров Лона, веду себя, как подобает дочери и невесте. Я так хорошо справляюсь с этим, отталкивая боль всякий раз, когда она возникает, что если бы не железные оковы, всё туже и туже сжимающие моё сердце, заставляющие меня чувствовать головокружение и одышку в самые неподходящие моменты, я бы даже не заметила тот факт, что я потеряла половину своей души.

Я улыбаюсь, пока мама обсуждает наших приглашенных гостей и подходящие места для рассадки. Я скромно смеюсь, когда одна из её новых подруг спрашивает о моём приданом. Я не могу сдержать слёз, наворачивающихся на глаза во время первой примерки платья, но мама и мои помощницы ошибочно предполагают, что это из любви к Лону, и я их не поправляю.

По ночам я лежу без сна и пытаюсь обмануть себя, думая, что брак станет величайшим

приключением в моей жизни и что я, возможно, даже полюблю Лона или, по крайней мере, буду заботиться о нём каким-то образом. Я делаю всё, что в моих силах, чтобы забыть Алека Петрова, но каждое слово, каждое прикосновение, каждый поцелуй, который мы разделили, преследуют меня. Фрагменты жизни, которую я могла бы иметь, если бы только родилась кем-то другим.

Любовь сделала меня одержимой женщиной.

Не помогает и то, что я сталкиваюсь с Алеком минимум раз в день. Он работает посыльным, лакеем, садовником, клерком. Его присутствие течёт по артериям отеля, как кровь, и его невозможно игнорировать. Но я знаю. Всякий раз, когда наши взгляды встречаются, всякий раз, когда моё сердце жаждет сократить расстояние между нами и умолять его передумать, провести каждый последний момент, который у нас есть вместе, прежде чем узы брака навсегда закроют меня от его мира, я поворачиваюсь на каблуках и ухожу.

В самые слабые моменты я задаюсь вопросом, действительно ли он когда-нибудь волновался обо мне так, как я волновалась о нём, или это были просто слова, которые легко произнести под звёздами, но невозможно удержать при свете дня. Если я так сильно хотела верить в настоящую любовь, что просто воображала, что он влюбляется в меня так же быстро, как я влюбляюсь в него. Единственный ответ, который я могу придумать на это:

Я глупая девчонка.

Потому что очевидно, что он не мог заботиться обо мне так глубоко, как я забочусь о нём, иначе он никогда бы не смог уйти. Я глупая девочка, потому что, понимая это, как я могла подумать, что смогу попрощаться с Алеком в конце лета? Как я могла подумать, что моя душа не разлетится на миллион осколков в тот момент, когда я поклялась быть верной Лону и покину остров Уинслоу с его обручальным кольцом на пальце? Это было ошибкой, всё это, с самого начала. Алек был прав.

Я никогда не была его, а он никогда не был моим.

* * *

— Поторопись, Аурелия, — зовёт мама в дверях. — Мы не хотим заставлять вон Ойршотов ждать.

— Иду, мама, — отвечаю я, закрепляя волосы на место.

По приказу матери я надела изумрудное вечернее платье с накладкой из чёрного кружева, хотя я отчаянно пыталась спрятать его в глубине своего сундука после того, как в последний раз надевала его, когда Лон сказал мне, что это платье создано для разрывания.

— Спускайтесь без меня.

— Мы, конечно же, этого не сделаем, — отзывается мамин голос.

Я закатываю глаза, пока ищу подходящие к платью туфли, которые тоже были засунуты куда-то, где, как я надеялась, они будут забыты, и чьё местонахождение я никак не могу вспомнить.

Я хорошо поработала.

Я говорю единственное, что, как я знаю, порадует отца, который уже двадцать минут расхаживает по прихожей.

— Я встречу вас у лифта.

Сегодняшний вечер станет самым важным ужином, который мы проводили за столом

вон Ойршотов, поскольку на нём будет присутствовать группа инвесторов, которые намекнули на возможную деловую сделку с отцом. Это не снимет с нас долг — и даже близко к тому не подводит, — но это ступенька, которая в сочетании с моим браком с Лоном почти гарантирует моей семье возможность продолжать наслаждаться тем образом жизни, к которому они привыкли. Не говоря уже о том, чтобы вернуть имя Сарджент в центр внимания.

Моя ставка сработала. Отец звучит почти весело при мысли о том, что я наконец-то преодолела свой "страх" перед лифтом.

— Очень хорошо. Пойдём, Маргарет, — говорит он маме.

Дверь закрывается за ними, они уходят.

Я нахожу туфли в чемодане Бенни и надеваю их, а затем выбегаю за дверь. Я отстаю от родителей всего на минуту, но моя шаги длиннее, чем у мамы, и я ожидаю, что догоню их за следующим углом.

Внезапно чья-то рука хватается меня за руку и тащит в короткий коридор. Я ахаю.

Другая рука прикрывает мне рот.

— Это я.

Алек.

Мои глаза расширяются, когда он разворачивает меня в своих объятиях.

— Что ты делаешь?

— Мне нужно с тобой поговорить.

Я бросаю взгляд на два съюта в конце коридора, затем позади себя, на оживлённый коридор второго этажа.

— Ты понимаешь, насколько это опасно?

— Встретимся вечером, — говорит он. — У бельевого шкафа.

— Я должна идти...

— Лия, *пожалуйста.*

И вот оно. Моё имя на его губах ломает мою решимость, как будто она сделана из зубочисток.

— Я не знаю, смогу ли я уйти.

— Я буду ждать всю ночь, если придётся, — отвечает он.

Я смотрю в его глаза ещё мгновение.

— Я посмотрю, что могу сделать.

С этими словами я подхватываю юбки и выхожу обратно в коридор, моё сердце колотится о грудную клетку. Так или иначе, я знаю, что сегодня вечером что-то изменится. Я знаю, что всё, что Алек скажет мне, определит курс на моё будущее, и эта мысль пугает меня больше всего на свете, потому что я понятия не имею, к чему это приведёт.

Но я не могу удержаться от того, чтобы не выяснить это.

ГЛАВА 40

НЕЛЛ

МАКС ПРИХОДИТ С ПИЦЦЕЙ В ШЕСТЬ ЧАСОВ, КАК И ОБЕЩАЛ.

Я так погружена в свои мысли, что подпрыгиваю, когда он стучит в дверь, и на мгновение забываю, зачем он вообще здесь. Я хмурюсь, оценивая его внешность. Он сменил одежду, в которой был раньше, на пару чёрных узких джинсов и серый свитер поверх белой

рубашки на пуговицах. Красная шапочка бини натянута на затылок. От него пахнет одеколоном и стиральным порошком.

Он сутулится, смотря на мою тщательно продуманную "мне-явно-всё-равно-как-я-выгляжу" растрёпанность.

— Ты забыла.

— Нет, — вру я.

Я думаю о том, чтобы прогнать его, сказать ему, что мне снова плохо, но мой мозг болит от попыток разобраться во всём, что произошло сегодня, и, по крайней мере, Макс отвлечёт меня. Я указываю на свой конский хвост, лицо без макияжа и ту же одежду, в которой я была этим утром.

— Я просто не представляла, что это такое необычное событие.

Он краснеет.

— Да, я, эм, пролил что-то на другую рубашку. Кофе.

— Оу.

— Итак... Я могу войти?

— Эм, да, — я отступаю в сторону. — Конечно.

Я пишу папе, пока Макс расставляет пиццу и бумажные тарелки.

"Предупреждаю. Макс пришёл посмотреть фильм".

— Что ты хочешь посмотреть? — спрашивает Макс, хватая пульт.

— Выбирай сам.

Мой желудок сжимается, когда я смотрю на пиццу. Я знаю, что сегодня я и близко не съела столько калорий, сколько мне нужно, но еда — это последнее, о чём я думаю.

— Ты эксперт по фильмам.

Мой телефон пищит. Я проверяю сообщение папы.

"Без проблем. Всё равно допоздна работаю над проектом с Софией. Повеселитесь. ☺"

Я не знаю, как, учитывая всё происходящее, у меня хватает сил злиться на это сообщение — особенно на смайлик в конце, — но мои зубы сжимаются при мысли о том, что папа проводит время с Софией. Без кольца, без бойфренда, с теми же навязчивыми идеями, что и у него, потрясающе красивая София.

Макс выбирает инди-фильм, который, по его словам, был сильно недооценен, и мы садимся, скрестив ноги, на край моей кровати. Я заставляю себя съесть два куса пиццы.

Макс съедает остальные шесть.

Я пытаюсь сосредоточиться на фильме, но мои мысли продолжают возвращаться к Алеку и Аурелии. Только в середине фильма, когда кровать скрипит, а Макс придвигается ближе ко мне, его рука касается моей, я понимаю, что понятия не имею, что происходит.

— Это тот кадр, о котором я тебе рассказывал, — говорит он и ногой прижимается к моей ноге, наклоняясь вперёд. — Видишь, как широкий ракурс здесь передаёт масштаб борьбы персонажа?

— Эм, да, — говорю я. — Полностью.

Он снова откидывается назад. Его плечо напрягается, задевая моё, но он не отстраняется. А затем, медленно, тыльной стороной ладони слегка касается моих костяшек

У меня перехватывает дыхание. Я опускаю взгляд на его руку, лежащую раскрытой рядом с моей.

О. Нет.

Это?.. Неужели он?..

Неужели он думает, что это свидание?

Теперь я напряжена по совершенно другой причине.

Мы проводим так остаток фильма, наши ноги, руки и ладони едва соприкасаются. Макс пару раз переносит свой вес, наклоняя свою руку к моей ещё больше, но я не принимаю его откровенное приглашение. После окончания фильма Макс хватает пустую коробку из-под пиццы и направляется к двери.

— Было весело, — говорит он так быстро, что слова вылетают в беспорядочной спешке. — Мы должны как-нибудь повторить это снова.

Я хочу спросить его, какая часть была весёлой — когда я была так поглощена своими проблемами, что явно игнорировала его, или, когда я отказалась принять его руку, — но вместо этого я открываю дверь и говорю:

— Да. Определённо.

— Что ж, — он сглатывает. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Я не замечаю приближения поцелуя, пока его губы уже не оказываются на моих.

У его дыхания вкус томатного соуса и хлопьев красного перца. Это приятный поцелуй — мягкое давление, без языка — и при любых других обстоятельствах мне бы, наверное, понравилось. Но всё, о чём я могу думать, пока нижняя губа Макса танцует с моей, это...

Алек.

А потом у меня в груди возникает боль, как будто пуля вонзается в сердце. Я ахаю и отступаю назад.

Макс хмурится.

— Что не так?

— Извини.

Боль ушла, но мои мысли затуманены воспоминаниями.

— Я, э-э... — я качаю головой. — Наверное, я всё ещё не очень хорошо себя чувствую.

— О, — он прочищает горло. — Что ж, я надеюсь, тебе станет лучше.

— Спасибо.

Он поворачивается, чтобы уйти, и я знаю, что должна просто отпустить его, но я не могу вынести неприятия в его глазах.

— Макс.

Он оглядывается на меня.

— Я хорошо провела время сегодня вечером.

Первые отголоски фейерверка гремят по небу. Дождь из красных искр падает за моим окном, окрашивая всё в багровый цвет, полуулыбка появляется на губах Макса.

— Я тоже.

ГЛАВА 41

ЛИЯ

МОЁ СЕРДЦЕ БЕШЕНО СТУЧИТ В УШАХ, когда я поднимаюсь по лестнице на пятый этаж. Мама наблюдала за мной, как ястреб, во время ужина и танцев в бальном зале, так что я не могла уйти, пока мы не вернулись в наш номер и родители не легли спать. Я пролежала в постели, как мне показалось, несколько часов, прежде чем надела халат и выскользнула из своей комнаты, и теперь я не знаю, чего я боюсь больше — вероятности того, что Алек

больше не ждёт меня, или вероятности того, что он ждал меня всё это время.

Ночная рубашка шуршит у моих лодыжек, пока я пробираюсь вперёд, проверяя половицы на предмет скрипа. Я поворачиваю за угол, и вот он. Сидит спиной к шкафу, руки покоятся на коленях, голова откинута назад, прислонена к двери. Я делаю шаг вперёд, не раздумывая.

Доска стонет подо мной.

Алек резко поднимает голову. Он выдыхает при виде меня, на его губах появляется улыбка. Он вскакивает на ноги, преодолевая расстояние между нами.

— Я думал, ты не придёшь, — бормочет он.

— Я не могла уйти.

Он берёт меня за руки и прижимается лбом к моему лбу, закрывает глаза и вдыхает мой запах. Я знаю, что должна остановить его, напомнить ему, почему мы этого не делаем, или напомнить ему, что любой может выйти и найти нас, но его запах окутывает меня, и все причины, по которым мы не должны быть вместе, не могут конкурировать с непреодолимой потребностью быть рядом с ним.

— Идём, — говорит он. — Я хочу тебе кое-что показать.

Он ведёт меня по коридорам пятого этажа и вверх по половине лестничного пролёта к двери. Он достаёт из кармана ключ и поворачивает его в замке.

Дверь открывается.

Алек щелкает выключателем, открывая маленькую круглую комнату с одной кроватью, одним комодом, стулом и умывальником. Повсюду громоздятся книги, сложенные вдоль изогнутых стен и разложенные веером вокруг кровати, их названия поблескивают в свете лампы. *Граф Монте-Кристо. Рассуждения о неравенстве. Анатомия Грея.* Здесь есть книги по химии и теологии, искусству и экономике, истории и биологии. Я пробегаю пальцами по книгам, сложенным стопкой на комод, и выбираю одну из своих любимых.

*Листья травы*⁴.

Алек прочищает горло.

— Мистер Шеффилд всегда приносит мне книги для чтения.

— Владелец "Гранд Отеля"?

Он кивает.

— Он всегда был добр ко мне.

— Ты прочитал всё это? — спрашиваю я.

— Да.

Мои глаза расширяются.

— Ты будешь самым начитанным студентом-медиком в стране.

— Я сомневаюсь в этом. Иногда мне кажется, что я едва успеваю за ними.

Он не говорит *"такие как ты, люди"* — людьми, родившимися с библиотеками, полными таких книг в их роскошных домах, и с доступом к лучшему образованию, которое можно купить за деньги, — но я всё равно слышу эти слова. Они напоминают мне о том, почему я держалась от него подальше.

"Я знала, что ты только навредишь Алеку — именно так и поступают, такие как ты, люди".

Я откладываю книгу.

— Я не должна быть здесь.

Ядвигаюсь, чтобы уйти, но Алек встаёт передо мной.

— Уйди с моего пути, — говорю я ему.

— Пожалуйста, просто выслушай, что я хочу сказать.

— Это не имеет значения.

Я пытаюсь казаться сильной и контролирующей, но моё горло сжимается само по себе, а слова получаются слабыми.

— Ты уже сказал всё, что хотел мне сказать.

— Ты ошибаешься, — он тянется ко мне, рукой накрывает мою руку. — Я не говорил тебе, что не могу перестать думать о тебе. Что мне больно быть рядом с тобой. Что прощаться с тобой, пока ты всё ещё здесь, пока ты всё ещё со мной, было самой трудной и глупой вещью, которую я когда-либо совершал. Что ты преследуешь меня каждый час бодрствования и находишь меня в каждом сне. Ты повсюду, Лия. Пытаться игнорировать тебя — всё равно, что пытаться игнорировать кислород. Я задыхаюсь без тебя.

Слёзы щиплют мне глаза, горячие и непрошенные.

— Но ты был прав, — говорю я. — То, что мы здесь делаем, в этом нет никакого смысла. Наша история заканчивается разбитым сердцем, и от этого никуда не деться. Клара помогла мне увидеть это, и твоя мать...

— Ты говорила с Кларой? — спрашивает он.

— Да.

— Когда? — его брови хмурятся. — Что она сказала?

Я пытаюсь обойти его.

— Теперь это не имеет значения...

— Чёрта с два, это не так, — он хватается меня за плечи, удерживая на месте. — Что она тебе сказала, Лия?

Мои ресницы трепещут, когда я смотрю на него. Пространство между нами заполняется нашим грубым, прерывистым дыханием.

— Что, в конце концов, я только причину тебе боль.

Моё горло сжимается ещё сильнее. Я сглатываю, но слёзы всё равно текут.

— Она права.

— Меня не волнует конец.

— Да. И меня тоже.

Он качает головой.

— Меня волнует это.

Он перемещает руки с моих плеч в волосы, пальцами сжимает кожу моей головы.

— Мы.

Я закрываю глаза, а моё тело тает от его прикосновений. Он целует мой правый глаз, а затем левый, его губы мягкие, как лепестки розы.

— Сейчас.

— Алек.

Его рот овладевает моим. Он поднимает меня, обхватывает мои ноги вокруг своих бёдер и кружит меня, пока я не прижимаюсь спиной к стене. Его тело, такое стройное, твёрдое и сильное, прижимается к моему, пока не остаётся только: он и я, и всё, чем мы являемся, всё, чем мы должны быть, когда мы вместе.

Это "здоровствуй", "прощай" и вечность, слившиеся воедино. Это всё, что мы должны были бы иметь, если бы только наши судьбы уже не были решены за нас.

КОГДА ПАПА ВОЗВРАЩАЕТСЯ ДОМОЙ и рассказывает мне о своём дне, мой раз — жужжащий улей; жужжащий, когда я готовлюсь ко сну, переодеваюсь в пижаму и умываюсь; жужжащий, когда я ложусь в кровать и выключаю свет.

Вспомни меня.

Вспомни.

Вспомни.

Когда я больше не могу этого выносить, я выскальзываю из кровати, беру рюкзак и направляюсь в обеденный зал. Это менее благоприятно для моих тренировок, чем бальный зал, вместе с большим количеством столов и меньшим количеством открытого пространства, но, по крайней мере, у меня там не было никаких призраков-убийц, поэтому я продолжаю возвращаться.

Сегодняшний плейлист представляет собой смесь хард-рока и хеви-метал. Идеально подходит для слишком громких мыслей и дрожащих костей. Я вложила весь свой гнев, смутнение и отвращение к себе в танец. Я кружусь — быстрее, быстрее, *быстрее* — пока мои сомнения и страхи не улечиваются, и я не становлюсь ничем иным, как бьющимся сердцем, извивающимися конечностями и раздувающимися лёгкими. Я — дикое существо, несущееся по полу. Опасное. Безрассудное. Одно неверное движение, одна неверная постановка ноги, и я могу упасть, сломав ногу и мечту.

Но я не могу заставить себя остановиться.

Прямо сейчас, больше всего на свете, мне нужно быть меньше, чем совокупность моих частей.

Будильник моего телефона — тот, который я установила, чтобы вернуться в комнату до того, как папа заметит моё отсутствие, — гремит в барабанных перепонках. Я вытаскиваю устройство из кармана и выключаю будильник и плейлист, затем вырываю наушники и засовываю их в рюкзак вместе с телефоном. Накидывая ремни на плечи, я поворачиваюсь к двери...

И замираю.

Алек стоит в углу комнаты, прислонившись к старому пианино.

— Ты всегда была прекрасной танцовщицей, — тихо говорит он, словно погруженный в воспоминания.

Я хватаюсь за грудь, когда чистый выброс адреналина пробегает по моим венам.

— Знаешь, тебе следует объявлять о себе, когда тыходишь в комнату.

— Как будто ты слышала бы меня за этой музыкой, — говорит он. — И я мог бы сказать то же самое о тебе.

— Что ты имеешь в виду?

— Я был здесь первым.

— Да, как будто я поверю, что ты просто случайно оказался здесь в три тридцать утра.

— Ты же была.

— Дело не в этом.

Его ухмылка слишком самодовольна для рассвета.

— Хорошо, я сдаюсь.

Я пересекаю комнату и встаю перед ним, скрестив руки на груди.

— Что ты здесь делал в три тридцать утра?

— Я не мог уснуть.

Я выгибаю бровь.

— Это твой ответ на всё?

— Бессонница — это хорошо документированное явление. Часто вызывается беспокойством или, как в моём случае, ночными кошмарами, — он наклоняет голову. — Ты случайно ничего об этом не знаешь, не так ли, Нелл?

Я игнорирую его вопрос и задаю ему один из своих.

— Даже если это правда, зачем тебе приходить сюда? У тебя есть целый отель, по которому ты мог бы побродить.

— Я пришёл *сюда*, потому что кое-кто занял моё обычное пристанище с её утренними балетными занятиями.

Я нахмурила лоб.

— Бальный зал?

Он кивнул.

Я помню тот первый сеанс — мужчина в белой рубашке проскользнул в дверь.

— Это был ты тем утром, наблюдал за мной в бальном зале. Не так ли?

Он закатывает глаза.

— Ты говоришь обо мне как о преследователе, но я повторяю: я был там первым.

Алек. Парящий на краю моего мира, прежде чем я даже осознала это. Я знаю, что должна извиниться — за вторжение в его личное пространство или за то, что фактически назвала его подонком, — но моё упрямство не позволяет мне.

— Я не собираюсь извиняться. Тем более что ты мог бы вернуться в бальный зал после того, как я начала тренироваться здесь.

Он закусывает губы, как будто пытается не рассмеяться, но блеск в его глазах выдаёт его.

— Я бы и не подумал, просить тебя извиниться. Особенно потому, что я не хотел возвращаться в бальный зал после того, как понял, что у тебя начались видения. Я хотел присмотреть за тобой.

— О, да, совсем не по-сталкерски, — бормочу я.

Он изучает меня.

— У тебя есть минутка?

Мои мышцы сжимаются. В последний раз, когда я уделила Алеку минутку, он размотал мой мозг, как катушку ниток, и, возможно, несправедливо винить его в том, насколько потерянной и растерянной я себя чувствую, но, возможно, так оно и есть.

— Для чего?

Я всё же спрашиваю, хотя каждая клеточка моего тела кричит об *оборонительной позиции* — *отойди сейчас же, если ты знаешь, что для тебя хорошо*.

Либо Алек не понимает намёка, либо ему всё равно.

— Я бы хотел тебе кое-что показать.

И хотя я знаю, что должна, я не могу сказать ему "нет".

ГЛАВА 43

ЛИЯ

СЛЕДУЮЩИЕ ТРИ НЕДЕЛИ, когда я не с Алеком, я придумываю способы быть с ним провожу моменты, украденные в пустых коридорах и залитых лунным светом садах. Когда я с ним, я придумываю способы остаться хотя бы на минуту, на полминуты, на *секунду* дольше, чем должна. Я провожу каждую ночь в его объятиях, пробираясь обратно в свою комнату только с рассветом. Иногда по ночам мы разговариваем до рассвета, пытаюсь втиснуть в наши сочтённые часы все разговоры, которые у нас были бы за десятилетия совместной жизни.

Иногда по ночам мы вообще не разговариваем.

Лон ничего не замечает. Он слишком занят, присматривая за потенциальными клиентами, чтобы следить за мной, а в тех редких случаях, когда мы вместе, он слишком поглощён собой, чтобы заметить, что я его не слушаю и вообще о нём не думаю. На самом деле, я признаю его только тогда, когда он пытается остаться со мной наедине, и тогда я делаю всё, что в моих силах, чтобы этого не произошло, потому что когда это происходит, когда мы с Лоном одни, он обращается со мной как с предметом — игрушкой, которую он ещё не может иметь. И с парнем, который вырос в мире, где ничто никогда не было запрещено, это очень опасно для меня.

Алек не раз ловит, как Лон прикасается ко мне. Он видит, как тот прижимается своим телом к моему, когда думает, что никто не видит. Доминирует надо мной. Контролирует меня. Обладает мной.

Я знаю, Алеку требуется вся сила воли, чтобы не оторвать от меня Лона, особенно когда я говорю "Нет", "Прекрати" и "Ты должен быть нежен со мной, любимый". Никогда я не видела, чтобы чьи-то костяшки пальцев так белели на фоне кожи, как у Алека, когда он наблюдает за нами издали, и этим утром, после завтрака, когда Лон повёл меня в сад и откинул мои волосы назад, чтобы я открыла ему рот, вызвав крик боли, который он заглушил своим языком. Я думала, Алек собирается убить его.

Я даже не уверена, где был Алек, когда он это увидел, но следующее, что я помню, как он шагает к нам, ярость искажает его черты, выдавая всё.

Я сделала единственное, что пришло мне в голову, чтобы остановить его.

Я вырвалась из поцелуя Лона и рявкнула на Алека:

— *На что ты уставился, мальчик?*

Это был ужасный голос, голос, который моя мать использует всякий раз, когда командует прислугой. Это был голос, который говорил о превосходстве, деньгах и осуждении.

Это остановило Алека на полпути.

Лон повернулся. Когда Алек не сразу ответил мне, Лон сказал:

— Моя невеста задала тебе вопрос.

Алек моргнул и покачал головой, как будто он больше не был уверен, кто он вообще такой.

Как будто он не был уверен, кто я такая.

Он прочистил горло.

— Простите меня. Ваша мать ищет вас, мисс Сарджент.

Я выгнула бровь.

— Скажи ей, что я скоро приду.

Алек кивнул.

— Хорошо.

— Как ты думаешь, он скажет что-нибудь твоей матери? — спросил Лон, наблюдая, как Алек уходит.

В его голосе вообще не было беспокойства, только лёгкая задумчивость, как будто он задавался вопросом, будет ли сегодня дождь.

— Я мог бы его уволить.

Паника пронзила меня.

— Не нужно, — сказала я, беря его под руку и направляясь к вестибюлю. — Я позабочусь об этом.

Теперь мы с Алеком лежим на его кровати, моя щека прижимается к твёрдому изгибу его груди. Иногда мы погружаемся в уютное молчание, когда нам вообще не нужно ничего говорить, чтобы оценить время, проведённое вместе, но сегодня наше молчание — это монстр, который растёт с каждой секундой, вдыхая весь кислород в комнате, пока, наконец, Алек не говорит:

— Мне не нравится то, как он прикасается к тебе.

Мне нечего на это сказать. Всё, что приходит на ум — *мне тоже это не нравится. Всё будет хорошо. Я справлюсь с этим* — мне кажется, что говорить что-то из этого неправильно. Потому что мне это может и не нравится, но я ничего не могу с этим поделать, чего бы я уже не делала. Потому что всё будет плохо; через месяц я стану миссис вон Ойршот, и мы с Алеком должны будем предстать перед тем самым *прощай*, которое игнорировали, отодвигая подальше от себя, так что чуть ли не можем притвориться, что этого вообще не произойдёт.

Потому что я *не могу* с этим справиться.

Я не могу каждую ночь приглашать Лона в свою постель, желая, чтобы вместо него был Алек.

Но сказать что-либо из этого — значит разрушить чары, удерживающие эту комнату вместе. Наше убежище, вдали от любопытных глаз, болтливых языков и экономических барьеров, разделяющих нас. Мир, созданный нами самими.

Поэтому, вместо того, чтобы ответить ему, я переворачиваюсь на живот и спрашиваю:

— Какой вкус должен быть у нашего свадебного торта?

Это игра, в которую мы начали играть однажды ночью, когда оба были измотаны, но отказывались спать. Игра, в которой мы планируем нашу свадьбу, которая никогда не состоится, наш медовый месяц, наполненный местами, которые мы никогда не увидим, нашу жизнь в хорошо обустроенном таунхаусе, недалеко от больницы, где он будет работать, и от газеты, для которой я буду писать — возможно, колонку сплетен или колонку советов (они всегда были моим любимым чтением).

Мы построили жизнь, достойную того, чтобы мечтать о ней здесь, в этой комнате. Жизнь, которая никогда по-настоящему не начнётся, но за которую я буду держаться ещё долго после того, как она закончится.

Но Алек сегодня не играет в эту игру.

— Мистер Шеффилд вызвал меня сегодня в свой офис, — говорит он.

Я приподнимаюсь на локтях.

— Он знает?

— Нет, — говорит он. — Ну, мне так кажется. Он хотел поговорить со мной о моём будущем. Он знает, что я уже давно хочу стать врачом, и хотя он говорит, что это достойная восхищения цель, мне потребуются годы, чтобы накопить достаточно денег, чтобы

поступить в медицинский колледж.

— Но ты копил с одиннадцати лет. Конечно, ты должен быть близок.

Он качает головой.

— Мне осталось ещё два года, как минимум.

— Два года — это не так уж плохо.

Он убирает локон с моего лица.

— Он предложил мне стипендию...

Я сажусь, сияя.

— Алек, это замечательно!

— ... на изучение бизнеса, — продолжает он. — Он говорит, что я самый умный сотрудник, который у него работает, включая всех шишек в его офисах, и что я знаю об этом отеле больше, чем сами строители. Имея некоторое формальное образование, он думает, что я мог бы стать его правой рукой, возможно, даже когда-нибудь возьму на себя управление компанией.

— Но, — я хмурю брови, — ты собираешься стать врачом.

— Такая возможность выпадает раз в жизни, — он садится и берёт мои руки в свои, его большие пальцы кружат по моей коже. — Мне не придётся платить за колледж. Я мог бы взять все деньги, которые накопил, и использовать их, чтобы заботиться о тебе, а когда я закончу учёбу, меня будет ждать хорошая работа с гарантированным восходящим продвижением, — он сглатывает. — Я мог бы поддержать тебя, Лия. Мы могли бы быть вместе.

— Нет.

— Нет?

Я качаю головой и встаю с кровати.

— Нет. Ты собираешься стать врачом. Меня не волнует, если мне придётся работать на фабрике рубашек; ты не откажешься от своей мечты.

— Ты говоришь так, как будто имеешь хоть какое-то представление о том, что это влечёт за собой, ты не работала ни дня в своей жизни.

Его голос не жесток, но его слова всё равно жалят.

— Знаю, — говорю я, — но я более чем способна. По крайней мере, я могла бы выполнять какую-нибудь секретарскую работу.

Он наклоняется и садится на край кровати, положив локти на колени.

— Но тебе вообще не придётся этого делать, если я приму предложение мистера Шеффилда. Возможно, я никогда не смогу предложить тебе всё, что может *твой жених*, — он сжимает руки в кулаки при мысли о Лоне, — но я могу дать тебе хорошую жизнь.

Я подхожу к нему, провожу руками по его волосам.

— Мы можем устроить хорошую жизнь вместе.

Он наклоняет голову и смотрит на меня, а затем руками обхватывает мою талию и притягивает меня к себе.

— Ты говоришь то, что, как мне кажется, ты говоришь? — он практически не дышит.

Так ли это? Мысль о побеге всегда приводила меня в ужас, всё равно, что броситься навстречу неизведанным ветрам и молиться о благополучном приземлении. Но с Алеком мне не нужно беспокоиться о поиске земли. Он — земля под моими ногами.

— Да, — шепчу я.

В этом слове не больше звука, чем в лёгком *свисте* пламени свечи, и всё же оно

рассекает воздух, как удар хлыста.

Это звук решения, поражающего судьбу.

Алек лучезарно улыбается мне, затем пересекает комнату, подходит к своему комоду, выдвигает верхний ящик и достает маленькую декоративную коробочку.

— Я надеялся, что ты это скажешь.

Он опускается передо мной на одно колено, и я закрываю рот руками.

— Алек?

— Аурелия Сарджент, — говорит он, беря мою дрожащую руку. — Я не могу обещать тебе всего, что хочу. Я не могу обещать тебе лёгкой жизни, не могу обещать тебе богатства, драгоценности или дом, который ты могла бы назвать своим... по крайней мере, на какое-то время. Но я могу обещать тебе, что буду усердно работать, чтобы дать тебе всё это. Я могу обещать тебе жизнь, полную любви, смеха и бесконечной преданности. И я могу пообещать тебе, что если я буду вынужден идти по этой жизни без тебя рядом со мной, я всегда буду только наполовину мужчиной, потому что моё сердце будет с тобой, куда бы ты ни пошла.

Он открывает коробочку, показывая бумажное кольцо, сделанное прочным благодаря более толстой бумажной подкладке и прочному клею. Поперек листа знакомый наклонный шрифт из одной из любимых книг стихов Алека, которую он читал мне ночь за ночью, когда мы лежали вместе. Единственная строчка из книги Уолта Уитмена "К незнакомцу":

Я должен позаботиться о том, чтобы не потерять тебя.

Мои слёзы срываются с ресниц и текут по щекам.

— Я не могу обещать тебе настоящее кольцо сейчас, — говорит он, — но я могу пообещать тебе, что однажды я подарю тебе кольцо, которого ты заслуживаешь.

— Ты что, слепой? — я задыхаюсь сквозь слёзы. — Это самое подходящее обручальное кольцо, которое когда-либо было изготовлено, мистер Петров.

— Это означает "да", мисс Сарджент?

Я смеюсь.

— Это всегда было "да", Алек.

Он выдыхает сквозь такую широкую улыбку, что я боюсь, что она может разорвать его лицо надвое.

— Но я хочу прояснить одну вещь, — говорю я, останавливая его, прежде чем он сможет сказать что-нибудь ещё. — Я не выхожу за тебя замуж из-за обещания денег, драгоценностей или собственного дома. У меня уже было всё это, и я знаю их истинную цену.

Я соскальзываю с кровати и опускаюсь на колени напротив него, провожу пальцами по его шее и встречаюсь с ним взглядом.

— Я выйду за тебя замуж, потому что я не смогу прожить ни одного дня без тебя, и потому что я знаю, что пока мы вместе, ничто в этом мире не сможет остановить нас.

Алек обнимает меня за шею и целует в лоб.

— Я люблю тебя.

Я крепко прижимаю его к себе.

— Я тоже тебя люблю.

Он стискивает меня ещё раз, затем достаёт кольцо из коробки и осторожно надевает его мне на палец.

— Когда мы должны уехать? — спрашиваю я.

— Завтра вечером, во время бала... точно так же, как в ту первую ночь, когда ты улизнала, чтобы пойти со мной в Палаточный город. Если нам повезёт, никто не заметит

твоего отсутствия до утра. Если нет, в нашем распоряжении будет всё равно несколько часов, прежде чем твои родители вернутся в свой номер.

— Куда мы поедем?

— Двоюродный брат Томми — священник в Саванне. Мы одолжим машину его дяди, и они с Мойрой поедут с нами, чтобы стать нашими свидетелями. Поскольку мы поженимся до того, как твои родители смогут нас найти, они ничего не смогут сделать, чтобы остановить нас.

— Ты уже всё это продумал.

— Я уже несколько дней разговариваю об этом с Томми без умолку, — он выгибает бровь. — *Миссис Петров*.

Я вздыхаю, совершенно уверенная, что имя никогда не звучало так сладко.

— Не знаю, смогу ли я так долго ждать, чтобы стать твоей женой.

Он обхватывает моё лицо руками и целует меня.

— Ты уже моя жена, Лия. Я молился Богу за тебя и давным-давно посвятил себя тебе. Это всего лишь формальность.

Не знаю, как я собираюсь дождаться завтрашнего вечера, чтобы начать свою вечность с ним. Впервые с тех пор, как я встретила Алека, я считаю минуты до восхода солнца, молясь, чтобы время поторопилось, чтобы я вышла из этой комнаты и прожила день. В бальное платье, а потом в машину.

В Саванну под покровом темноты, а затем, наконец, *наконец*, в объятия моего мужа.

ГЛАВА 44

НЕЛЛ

МЫ ПОДНИМАЕМСЯ ПО ЛЕСТНИЦЕ НА пятый этаж, затем по другой, уже знаком мне лестнице, которая, по словам Софии, была закрыта, когда мы с папой впервые приехали сюда, — лестница, ведущая к самой высокой башне отеля и к двери, которая по какой-то причине заставляет моё сердце пуститься вскачь.

Здесь нет считывателя карт-ключей. Вместо этого на ручке установлен старомодный замок. Алек выуживает из кармана железный ключ с неровными зубьями и отпирает дверь, открывая взору маленькую круглую комнату, уставленную книжными полками от пола до потолка. Единственная мебель в комнате — односпальная кровать с прочным деревянным каркасом, комод в тон и прикроватный столик с лампой. Но я замечаю всё это только краем глаза, потому что, как только мой взгляд падает на фотографии, я не могу отвести взгляд.

Полароидные снимки свисают с потолка, как снежинки на нитках, пластиковая плёнка на снимках поблескивает в свете лампы, когда они крутятся в холодном порыве кондиционера. Я хмурю брови, наблюдая за ними.

— Алек?

Я оглядываюсь на него, ожидая объяснений, но он просто закрывает дверь и прислоняется плечом к стене, скрестив руки на груди и уставившись в пол, его волосы падают на глаза, как занавес.

На комод в рамках стоят ещё фотографии. Сепия и чёрно-белые фотографии переходят в пастельные цвета выцветшей плёнки, а затем в более чёткие, насыщенные цвета, как на фотографиях детства мамы и папы, до того, как все перешли на снимки на телефоны.

На каждой фотографии моё лицо.

Я беру самую старую фотографию, маленькую овальную миниатюру в коричневых тонах. Девушка, похожая на меня, улыбается, но это не та улыбка, которая была на фотографии с Марком Твенем. Лицо жестко, контролируемо, хорошо отработано. Большим пальцем я скольжу по стеклу.

— Аурелия? — спрашиваю я, выдавливая слова сквозь стоящий в горле комок
Алек не отвечает.

Я кладу фотографию на место и гляжу на другие рамки на комод. Все девушки, смотрящие на меня в ответ, носят разную одежду и прически в зависимости от десятилетия, но нет никаких сомнений, что все они одинаковы.

Все они — я.

Я делаю глубокий вдох и поворачиваюсь к полароидным снимкам.

Моя улыбка, которую я не видела на себе уже долгих четыре года, вспыхивает передо мной в сотне крошечных окон из другой жизни. Мы с Алеком жарим зефир на костре на пляже; Алек несёт меня на спине через сад; крупным планом наши лица, склонившиеся друг к другу, наши головы обрамлены наволочками на кровати Алека.

Изображения мерцают —

Решение.

План.

Пистолет.

— сталкиваясь друг с другом —

Решение.

План.

Пистолет.

— замедляясь —

Вспомни.

— перетасовываясь —

Вспомни.

— фокусируясь —

ВСПОМНИ.

ГЛАВА 45

ЛИЯ

ЛОН СЕГОДНЯ ОСОБЕННО НЕВЫНОСИМ, он пьёт шампанское бокал за бокалом слишком крепко обнимает меня, пока мы танцуем, так что я вижу, как сверкающие огни бального зала отражаются в зеркальной плёнке на его глазах. Я практически слышу хлюпающее шипение у него в животе. Но носить маску любезности сегодня легче, чем когда-либо, потому что всё это время в моём сердце бьются слова: "*Я ухожу от тебя, я ухожу от тебя, я ухожу от тебя*".

В половине двенадцатого я жалуюсь на головную боль и, извинившись, покидаю бальный зал, как и планировалось. Отец обсуждает дела с партнёрами мистера вон Ойршота, а мать болтает со своими подругами, и ни один из них не проявляет никаких признаков усталости или беспокойства. Можно с уверенностью сказать, что они пробудут здесь ещё как минимум час.

Лон не рад, что я ухожу, но слишком пьян, чтобы сопротивляться. Особенно когда один

из его друзей обнимает его за плечи и предлагает ему бренди.

Наш номер пуст — Бенни и Мадлен устраивают ночевку в одной из комнат его друга, — так что мне не нужно беспокоиться о том, чтобы сохранять тишину. Я переодеваюсь в дорожную одежду и быстро собираю вещи, захватив только самое необходимое: несколько юбок и блузок, свежее нижнее бельё, расческу и заколки, лавандово-розовые духи и кусок мыла. Когда я заканчиваю, я закрываю саквояж.

Помолвочное кольцо Лона подмигивает мне в мягком электрическом свете.

Мгновение я смотрю на него. Подумывая о том, чтобы оставить его себе и продать где-нибудь в ювелирном магазине. Только деньги от этого кольца могли бы сейчас оплатить образование Алека, что позволило бы нам использовать накопленные им деньги для съёма какого-нибудь маленького местечка, которое мы могли бы назвать своим. Но я не хочу давать Лону больше причин преследовать меня, чем у него уже есть, поэтому снимаю кольцо с пальца. Призрачный груз, который оно оставляет после себя, ничтожен по сравнению с тем грузом, который был снят с моего сердца.

Я кладу кольцо — *мою привязь, мои кандалы, мою клетку* — на комод и выуживаю бумажное кольцо Алека из тайника моего саквояжа. Лёгкий вес этого кольца поёт как свобода. Свобода быть самой собой. Свобода любить того, кого я выберу. Свобода прокладывать свой собственный путь в этом мире.

Алек дал мне всё это и даже больше, но и я дала ему это тоже. Порознь мы были тёмными тучами, тяжелыми и угрюмыми, скользящими по прозаическому небу. Вместе мы — шторм, который может бросить вызов ветрам, приливам и отливам и ландшафтам нашей жизни.

Вместе мы можем создать нашу собственную судьбу.

Часы показывают одиннадцать пятьдесят. Машина Томми будет ждать нас у заднего входа в отель ровно в полночь. Он пробудет здесь всего пять минут; дальнейшее может привлечь ненужное внимание и, возможно, лишит нас шансов на ещё один побег, если на этот раз всё пойдёт наперекосяк. Я бросаю последний взгляд на свою комнату, на платья от Дома Уорт, висящие в моём шкафу, и на изысканную мебель, окружающую меня. Столько экстравагантности в одной комнате. Так много приятных вещей, которыми я была благословлена на протяжении всей своей жизни, и всё же, в конце концов, ни одна из них на самом деле ничего не значит. По сравнению с правами, столь основными и в то же время столь уклончивыми, как свобода жить так, как я захочу, и любить того, кого я выберу.

Со вздохом я беру свой саквояж и поворачиваюсь.

— Куда-то собралась, дорогая?

Лон стоит в дверях, его взгляд блуждает по моей дорожной одежде, по моему саквояжу, а затем падает на обручальное кольцо, лежащее на комод.

— Что ты... — мой голос дрожит. Я делаю глубокий вдох и начинаю снова. — Что ты здесь делаешь, Лон?

Он изучает меня, на его лице появляется непроницаемое выражение.

— Когда ты ушла, — говорит он, делая шаг в комнату, — я подумал, что это прекрасная возможность для нас провести немного времени вместе. Наедине.

Он усмехается, проводя большим пальцем по нижней губе.

— Но, похоже, у тебя другие планы.

"Отрицай это", — кричит мой разум, защитный инстинкт. И, возможно, я бы смогла это сделать, если бы ещё не переделалась. Если бы мой гардероб не был в беспорядке из-за

упаковки вещей. Если бы его кольцо всё ещё было у меня на пальце.

Но это невозможно отрицать.

— Куда, по-твоему, ты смогла бы пойти, — тихо спрашивает он, — чтобы я тебя не нашёл?

— Вайоминг, — вру я. — Там есть должность преподавателя в фермерской общине.

— Ты собиралась пересечь полстраны в одиночку?

— Да.

Его взгляд останавливается на бумажном кольце на моём обручальном пальце.

— Мне не нравится, когда мне лгут, Аурелия. Это посыльный, не так ли?

Мои глаза расширяются.

Он издаёт смешок.

— Да, я знаю о вас двоих. Эти сплетничающие приятельницы со второго этажа рассказали мне всё об этом. Ты и вполтину не так умна, как думаешь, дорогая.

— Но...

У меня кружится голова. Я не могу ясно мыслить.

— Но мы никогда...

Мы никогда не показывали свою привязанность друг к другу в общественных местах, кроме как на пляже и в ночном танцевальном зале Палаточного города, когда знали — или думали, что знаем, — что никто из отеля не сможет нас заметить. А это значит, что они не могли видеть ничего такого, чего я не могла бы объяснить.

— Мы друзья, Лон, — говорю я. — Вот и всё.

Он усмехается.

— *Друзья.* Да, я так и думал, что ты это скажешь. Но именно то, как вы двое смотрите друг на друга, выдало вас этим старым каргам, а потом вы всё это время проводили вместе. Рыбалка и пикники. На самом деле, я удивлён, что ты вообще нашла в себе силы проводить со мной хоть какое-то время.

Я делаю шаг назад к окну, в моей голове формируется план.

— Если ты действительно думал, что я встречаюсь с каким-то посыльным за твоей спиной, почему ты ничего с этим не сделал?

— Я предположил, что это было мимолётное увлечение, — говорит он. — Летний роман. Мне не стыдно признаться, что этим летом у меня побывала изрядная доля служанок, так что ожидать от тебя полного целомудрия означало бы быть худшим лицемером.

Он делает шаг вперёд, его мышцы напрягаются. Хищник, ожидающий удара.

— Но, похоже, он забил тебе голову мыслями о том, чтобы бросить меня, а я не могу этого допустить.

Стиснув зубы, Лон бросается вперёд. Я изо всех сил замахиваюсь своим саквояжем на окно и разбиваю его при ударе. Стекло звенит, как дождь, падая на пол. Лон колеблется, на его лице отражается шок.

Я беру зазубренный кусочек и выставляю его перед собой. Моя рука дрожит, стекло врезается в ладонь.

— Держись от меня подальше.

Его глаза опасно блестят в свете лампы.

— О, мне будет очень весело укрощать твои дикие замашки, моя дорогая.

— Лон...

Он делает выпад.

Моя рука взмахивает в воздухе, стекло оставляет красную, сердитую линию на его щеке. Он отворачивается от меня, хватаясь за рану. Его пальцы размазывают кровь, как краску.

Мгновение мы молча смотрим друг на друга, оба понимая, что переступили черту. Он не может оставить без внимания моё неподчинение.

Я бегу.

Он сжимает в кулаке прядь моих волос и дёргает меня назад. Я снова наношу удар, но на этот раз Лон уклоняется, обходя меня. Одной рукой он обхватывает мою шею. Другой сжимает моё запястье, выкручивая до тех пор, пока стекло не выпадает из моих пальцев, со звоном падая на пол. Затем Лон лапает меня, разрывает мой корсаж, его пропитанное алкоголем дыхание шепчет мне на ухо ужасные вещи.

Раздаются три быстрых стука в дверь снаружи номера, за которыми следуют два медленных.

Алек.

Лон толкает меня на кровать. Я переворачиваюсь на спину, царапая ногтями его глаза. Его дыхание шипит в горле, его пьяные движения на матрасе ватные. Я резко бью коленом между его ног.

Он кричит и падает на бок, обхватив себя руками. Я использую свой шанс, спрыгиваю с кровати и бросаюсь к двери, хотя и знаю, что теперь наш побег невозможен. Лон последует за нами. Мы, вероятно, даже не успеем покинуть отель, как нас задержат охранники и обеспокоенные граждане, внимательно изучающие моё разорванное платье и кровь на моей ладони.

Но я не могу здесь оставаться.

Я отпираю дверь — Лон, должно быть, щёлкнул замком, когда вошёл, — и поворачиваю ручку. Дверь приоткрывается всего на сантиметр, прежде чем Лон врывается в меня, сбивая с ног. Я головой ударяюсь об угловой столик. Звёзды взрываются перед моим взором, размывая мир вокруг меня. Алек врывается в комнату и наносит удар кулаком прямо в челюсть Лона. Лон отползает назад, но Алек не останавливается. Его кулаки, как молотки, превращают лицо Лона в месиво.

Ярость сделала его диким.

Я пытаюсь сесть, но у меня кружится голова, и темнота снова застилает мне зрение.

Всё исчезает.

Когда моё зрение возвращается, Лон уклоняется от ударов Алека, наносит ответный удар, восстанавливая равновесие. Алек рычит и врывается в грудь Лона, сбивая их обоих на пол. Я слышу, как они дерутся на полу — удары кулаков, рассекающих плоть, — но не вижу их за мебелью.

Бой внезапно прекращается, и раздаётся какой-то металлический щелчок. Это знакомый звук, который я слышала бесчисленное количество раз в детстве, когда отец стрелял по мишеням на заднем дворе нашего загородного дома, готовясь к охоте, но здесь, в этом маленьком, переполненном пространстве, где нет животных, которых можно убить, он звучит неправильно.

Алек отталкивается от пола, выставляя руки перед собой. Следующим появляется Лон, держа в руках охотничье ружьё отца и наводя прицел.

— Я не позволю тебе забрать её, — рычит Лон.

Голос Алека мягкий. Успокаивающий.

— Ты не хочешь этого делать.

— Если ты сейчас уйдёшь, — говорит Лон, — я оставлю тебя в живых. Если ты этого не сделаешь, я всажу тебе пулю в сердце и скажу полиции, что застал тебя в комнате моей невесты, когда ты насильовал её.

Мускул на челюсти Алека дёргается.

— Я не уйду без Лии.

Лон смеётся.

— Я позволю себе не согласиться.

Знакомый, решительный блеск вспыхивает в глазах Лона, а улыбка скользит по его губам, и всё, о чём я могу думать, это то, что *он не будет стрелять, если я встану перед Алеком*. Он мог бы объяснить смерть Алека как самооборону, но не сможет объяснить мою.

Игнорируя боль, пульсирующую в моём черепе, я отталкиваюсь от пола — *не стреляй* — и прыгаю перед Алеком в миг, когда треск выстрелов пронзает воздух.

На секунду мне кажется, что он промахнулся. Но затем острое, жгучее ощущение, похожее на жидкий огонь, пронзает мою грудь и, опустив взгляд, я обнаруживаю, что на моей блузке расцветает красный цвет.

Всё происходит медленно — Алек подхватывает меня на руки, когда я падаю. Алек выкрикивает моё имя. Алек прижимает моё тело к своему.

Лон тоже кричит, но не приближается ко мне. Вместо этого его дыхание становится хриплым. Его дорогие ботинки стучат по деревянному полу. Он расхаживает, бормоча что-то себе под нос. Паника охватывает меня, когда я понимаю, что вообще не спасла Алека, что Лон всё ещё может перезарядить ружьё, что он, возможно, даже сейчас ищет патроны. Я пытаюсь отыскать его взглядом, пытаюсь увидеть, что он делает, но Алек обхватывает моё лицо руками, заставляя меня снова посмотреть на него.

— Посмотри на меня, — говорит он. — Остайся со мной.

Я пытаюсь дотянуться до него, но мои руки и предплечья онемели. Как и мои ноги, вплоть до колен. Я дрожу, зима воеет в моих костях.

Мне никогда не было так холодно.

Раздаётся ещё один треск выстрела, такой громкий, что моё пробитое сердце подпрыгивает, а затем что-то твёрдое с глухим стуком падает на пол. Но Алек всё ещё держит меня, всё ещё шепчет моё имя, что может означать только...

Лон застрелился.

Вкус пороха смешивается с медью на моём языке. Алек укачивает меня, как ребёнка, его слёзы капают мне на грудь. Мой мозг говорит мне, что я должна их чувствовать, но я не чувствую.

Я ничего не чувствую.

Алек убирает волосы с моего лица.

— Не оставляй меня.

Но я уже ухожу, падаю, угасаю. Кровь булькает в горле, густая и вязкая, сквозь неё невозможно дышать.

— Я люблю тебя, — пытаюсь пробормотать я, но всё звучит так далеко, и я не знаю, слышит ли он меня.

Я пытаюсь снова произнести эти слова. Я чувствую, как мои губы формируют их, но затем моё дыхание застревает в горле, и я тону...

тону

тону

в неизвестности.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА 46

НЕЛЛ

МЫ СИДИМ НА ПЛЯЖЕ, моя спина прижата к груди Алека, а он прислоняется пальме, наблюдая, как небо начинает светлеть на востоке.

Это рассвет нового дня. 6 августа 2003 года.

Мы сделали это.

Меня зовут Кэти, и я прожила шесть других жизней за сто лет. Лия, Элис, Эвелин, Пенни, Гвен, Сара, а потом я. Я была свидетелем десятилетий, которые ни одна другая шестнадцатилетняя девушка не видела за пределами книг и фильмов.

1907. 1923. 1939. 1955. 1971. 1987.

Каждая жизнь сильно отличается от предыдущей, и всё же всё заканчивается одинаково. Здесь, в "Гранд Отеле Уинслоу", от того, что я когда-то считала проклятием, но теперь, когда руки Алека обнимают меня, а на горизонте появляется обещание будущего, я признаю это благословением, которым оно было всё это время — второй шанс, даваемый нам раз за разом, чтобы всё исправить.

И наконец-то, *наконец-то*, мы выяснили, как всё исправить.

Алек упирается подбородком в мою голову, его руки сжимаются вокруг меня, и он вдыхает меня.

— Не могу поверить, что ты действительно здесь, — бормочет он.

Я разворачиваюсь в его объятиях, приподнимаюсь на коленях и смотрю ему в лицо. Я прижимаюсь лбом к его лбу.

— Я здесь, — говорю я. — Всё кончено.

Мы не знаем, что произойдёт, когда взойдёт солнце. Мы не знаем, начнёт ли Алек, который выглядит на восемнадцать, но на самом деле ходит по этой Земле уже 130 лет, снова стареть как нормальный человек, или все эти годы обрушатся на него, как вор, крадущий его молодость и годы, которых у него никогда не было. Или он распадётся у меня на глазах или исчезнет, как будто его никогда и не было.

Я не хочу в это верить.

Я не поверю, что после всех этих лет я переживу это, а он — нет. Потому что тогда в чём был смысл? Зачем нам снова находить друг друга только для того, чтобы, в конце концов, потерять?

Он крепко обнимает меня, пока мы смотрим на восход солнца, как будто он может помешать миру разделить нас, просто отказавшись отпустить. И когда солнце, наконец, выходит из-за горизонта, окрашивая небо в розовый, лавандовый и оранжевый цвета, это самое прекрасное, что я когда-либо видела.

Потому что Алек всё ещё здесь.

И я тоже.

Алек вскакивает, тянет меня за собой и разворачивает. Он воет на солнце точно так же, как в ту ночь, когда мы выли на луну на этом же пляже в 1907 году, и в своей радости он падает на колени, отпуская меня.

Словно в замедленной съёмке, я чувствую, как его руки отстраняются от меня —

чувствую, как связь между нами разрывается. Моё сердце сжимается в груди, приближаясь к скрежещущей, мучительной остановке.

И затем ...

Я падаю, медленно, стремительно, на песок.

Последнее, что я вижу, это Алек, склонившийся надо мной и кричащий, но я не слышу его из-за льда, разрывающего мои вены.

"Остановись, — думаю я, когда в глазах начинает темнеть, а дыхание застревает в груди. — Остановись".

Но темнота заполняет мои глаза, как дым, заглушая свет.

Ещё одна жизнь,
ещё один шанс,
ещё одно будущее,
ушло.

* * *

Я вспомнила.

Не всё. Всё ещё есть пробелы — пятна тумана, переходы и мосты, которые я не могу полностью связать, — но этого достаточно. Алек смотрит на меня с другого конца комнаты, ожидая, что я что-нибудь скажу.

Его имя — молитва на моих устах.

— *Алек.*

Я бросаюсь в его объятия. Я ожидаю, что он крепко обнимет меня, притянет к себе, как луна притягивает прилив. Я жду, что он поцелует меня в макушку, в щёки, в губы. Чтобы окутать нас друг другом и сказать "привет" и "прощай" на одном дыхании, как мы делали это много раз раньше.

Но его руки остаются по бокам.

Я отстраняюсь от него.

Его глаза выдают его мысли: *двигайся медленно — говори тихо — будь настороже.*

— Ты сохранил фотографии, — говорю я, побуждая его заговорить.

Чтобы успокоить меня.

Чтобы впустить меня.

— Я хотел разорвать их.

— Но ты этого не сделал.

Я помню, как подвешивала их не по сезону холодным и дождливым августовским утром летом 2003 года. Когда Алек спросил меня, что я делаю, я сказала ему, что это был мой запасной план на случай, если у меня ничего не получится. Напоминание ему, что я вернусь, что это не будет прощанием навсегда.

Но я была так уверена, что наш план сработает. Предполагалось, что это будет на всякий случай. Что-то, над чем мы посмеялись бы позже.

Вместо этого они висели здесь, над его кроватью и над его жизнью, в течение следующих шестнадцати лет.

Я не могу снова возродить такую надежду только для того, чтобы у меня её отняли. Нельзя просить меня об этом.

Я делаю шаг назад.

— Ты не рад, что я вернулась, — шепчу я. — Да?

— Конечно, я рад. Я просто...

Он проводит рукой по волосам и резко, прерывисто выдыхает, его глаза наполняются слезами.

— У меня нет сил терять тебя снова.

Я беру его руки в свои, точно также как это сделал он той ночью в коридоре пятого этажа, когда умолял меня провести как можно больше времени вместе до конца того лета более ста лет назад, неосознанно приводя в движение наши судьбы.

— У нас нет выбора.

Он закрывает глаза и делает глубокий вдох, обнимает меня одной рукой и притягивает к своей груди. Мы стоим вот так, воспоминания и горе окутывают нас, нашептывая сомнение и страх в наши сердца.

Но мы должны верить. В нас самих. Во второй шанс. В любовь.

Мы должны бороться.

— Что нам теперь делать? — спрашиваю я.

— Не знаю, — говорит Алек, кладя подбородок мне на макушку. — Боже, помоги мне, я не знаю.

ГЛАВА 47

НЕЛЛ

В ТЕЧЕНИЕ СЛЕДУЮЩЕГО ЧАСА МЫ С АЛЕКОМ сидим, прижимаясь друг к другу в его комнате, перебирая воспоминания, наводняющие мой мозг. Алек восполняет недостающие фрагменты, которые сливаются воедино на протяжении стольких жизней, и винтики, которые временем были утрачены. Его голос становится сильнее по мере того, как он говорит, как будто принятие мер в этом простом деле дало ему уверенность, цель, что-то ещё, кроме как стоять там и ждать, когда наступит конец. Но он по-прежнему не смотрит мне в глаза и вздрагивает от моего прикосновения, как раненая птица.

Ему слишком много раз причиняли боль, и я не знаю, как исцелить его боль.

В 1923 году, когда я впервые вернулась, меня звали Элис. Я была яркой молодой девушкой, джазовым младенцем Бурных двадцатых. Проведя годы своего становления под нависшей угрозой войны и навсегда попрощавшись со своим братом Джоном в тот день, когда он отплыл в Европу, чтобы сражаться в окопах, я погрузилась в колдовской абсент и блестящие вечеринки. Мои родители беспокоились обо мне, но мне было всё равно. Это был единственный способ, которым я могла смириться с тем, что так много парней, которых я когда-то знала и любила — или даже тех, кого я знала и ненавидела, — уходят на фронт и никогда не возвращаются.

Я собиралась наслаждаться каждой последней секундой своей жизни в честь них, даже если я не всегда могла помнить эти секунды, и даже если в темноте ночи, когда у меня кружилась голова, и рыдания сотрясали моё тело, маленькая часть меня знала, что это было не что иное, как трусость с моей стороны. Способ спрятаться от всего, что произошло, и от всего, что никогда не случится, теперь, когда Джона не стало.

Когда мои родители решили, что семейный отдых в "Гранд Отеле Уинслоу" — это именно то, что нам нужно, чтобы двигаться дальше, я не стала спорить. Что может быть лучше летних дней, проведённых на пляже, и летних ночей, посвященных танцам под

рэгтайм группы "Оркестр Палаточного города"?

Что касается Алека, то он провёл шестнадцать долгих лет в ловушке в отеле, не подозревая, что он не единственный, кто проклят. Когда я, как призрак, вернулась в его жизнь прохладным июньским утром, он не знал, что мне нужно было самой вспомнить свою жизнь в качестве Аурелии. Он искал любую возможность, чтобы остаться со мной наедине, чтобы убедить меня, что я уже бывала в отеле раньше. Сначала я подумала, что он сошёл с ума, но когда воспоминания начали возвращаться, стирая границы между фантазией и реальностью ещё сильнее, чем зелёный спиртной напиток, который я прятала во фляжке, я стала тем, кто, в конечном итоге, сошёл с ума.

Призрак Лона не помог. Преследуя меня, мучая меня, точно так же, как он делает это сейчас, в 2019 году. Пытаясь убить меня ещё до того, как у нас с Алеком появился шанс всё исправить.

В 1923 году план Лона сработал. Я прыгнула навстречу своей смерти ещё до того, как проклятие совершило полный круг.

В 1939 году меня звали Эвелин. Убежденный, что моё возвращение было лишь частью его проклятия, способом судьбы мучить его, а не шансом для нас всё исправить, Алек держался подальше от меня, думая, что это защитит меня от повторения того, что случилось с нами тридцать два года назад. Но воспоминания всё равно вернулись, и когда мир изменился, я оказалась в 1907 году — потому что именно это происходит 5 августа; мы всегда возвращаемся назад и переживаем тот день в точности так, как пережили его в первый раз, что привело к смерти Лии сразу после полуночи 6 августа — я не знала, как остановить то, что надвигалось, и Алек тоже.

Я умерла так же, как и в 1907 году, с пулей в груди и Алеком, нависшим надо мной.

В 1955 году меня звали Пенни. Моя семья жила в маленьком доме в пригороде. Мы бы не смогли позволить себе поездку на лето в "Гранд", если бы не выиграли её в лотерею по почте. В тот раз Алек пытался помешать мне переступить порог отеля, не зная тогда, что это бесполезно. В тот момент, когда я ступила на территорию отеля — на самом деле, в тот момент, когда я переродилась, — уже стало слишком поздно.

В 1971 году Алек пытался спасти меня, заслонив от пистолета. Но, в конце концов, пуля попала мне в грудь, и когда Алек вернулся в настоящее, он вернулся один.

В 1987 году Алек пытался спрятать меня от Лона, когда мы отправились в прошлое. Конечно, если Лон не мог найти меня, он не смог бы убить меня. Но даже в нашем альтернативном 1907 году Лон был частью отеля. Он мог шептать стенам, и они шептали бы в ответ.

Он всегда знал, где мы прячемся.

И вот, наконец, в 2003 году мы решили изменить наш план побега с той роковой ночи. Вместо того чтобы уйти в полночь, мы подождали до часу дня, к тому времени Лон выпил столько алкоголя, что мы были уверены, что у него не хватит сил вернуться в свою комнату, не говоря уже о том, чтобы последовать за мной в мою. Моя сумка была уже упакована и спрятана под кроватью. Когда я пожаловалась на головную боль и покинула бальный зал, Алек встретил меня на балконе второго этажа. Мы вместе дошли до комнаты, и он охранял дверь, пока я переодевалась. Но когда мы попытались уехать, машины Томми на месте не оказалось. И когда мы решили вместо этого дойти до парома пешком, мы не смогли покинуть территорию отеля.

Вот так мы и очутились на пляже, наблюдая восход солнца и думая, что наконец-то

сняли проклятие. Что мы просто ждали, чтобы вернуться в настоящее, как Алек делал это много раз раньше. Потому что я была там. Я выжила.

Мы ошиблись.

— Очевидно, было что-то, что мы должны были сделать, чего мы не сделали, — говорю я сейчас, наблюдая, как ранний утренний солнечный свет играет в волосах Алека, открывая пряди цвета красного дерева, пробивающиеся сквозь каштановый цвет.

Я так сильно хочу провести по ним пальцами, но каждый раз, когда я подхожу к нему, он втягивает воздух, и горькая правда разрывает моё сердце.

Он не хочет, чтобы я была здесь.

Он качает головой, мрачный, жестокий смех срывается с его губ.

— Мы ничего не упустили. Мы просто не созданы для того, чтобы всё исправить.

— Нет, упустили.

Я тянусь к его руке, но он отталкивает её от меня. Я подтягиваю колени к груди.

— Расскажи мне, что с тобой случилось, — говорю я тихим голосом. — В первый раз, когда я умерла.

Он мгновение молчит.

Затем тихо:

— Твои родители вернулись в твой номер. Они нашли меня с тобой на руках. Я думаю, что прошли часы, но мне показалось, что всё длилось секунды. Я рассказал им, что произошло, но они мне не поверили или не захотели мне верить, что с таким же успехом могло быть одним и тем же. Я стал единственным подозреваемым. Они хотели отвезти меня в участок для допроса, но когда они попытались вывести меня из здания...

— Они не смогли, — шепчу я.

Он встаёт с кровати и смотрит в окно, повернувшись ко мне спиной.

— Мистер Шеффилд, владелец отеля — он всегда заботился обо мне. Обращался со мной так, как будто я был его собственным сыном. Когда он увидел, что что-то не так, он предложил полиции отдельный кабинет внутри отеля, чтобы провести их допрос. Они всё ещё хотели забрать меня в участок, когда всё закончилось, но мистер Шеффилд в то время имел большое влияние. Не знаю, что он сделал или сказал, чтобы убедить их в моей невиновности, но это сработало. Они искали других подозреваемых, но, конечно, никого не нашли.

Я соскальзываю с кровати, пружины матраса скрипят подо мной. Я неуверенно делаю шаг вперёд. Я хочу обнять его, утешить мальчика, который столько лет назад перенёс столько боли. Который продолжает терпеть эту боль каждый день в течение последних 112 лет. Вместо этого я стою рядом с ним, изучая его лицо, пока он наблюдает за людьми, проходящими под окном.

— Как тебе удавалось жить здесь так долго, чтобы никто не узнал? — спрашиваю я.

Его губы дёргаются.

— О, люди заметили. Разве ты не слышала слухов?

— Слышала, — говорю я. — Но это всё, что они собой представляют. Слухи. Думаю, что по прошествии более чем ста лет у кого-то должны быть какие-то доказательства.

— Мистер Шеффилд позаботился об этом. Даже тогда в отеле была большая текучесть кадров. Те, кто оставался там не более нескольких лет, не представляли угрозы. Тем, кто оставался, было недвусмысленно сказано не подвергать сомнению тот факт, что я не

постарел, иначе они будут искать работу в другом месте. Я знаю, что отчасти это было сделано для того, чтобы защитить меня, но в основном для того, чтобы защитить отель. Подумай, в какой цирк превратилось бы это место, если моя тайна когда-нибудь выйдет наружу.

Он отворачивается от окна и от мира, к которому не может прикоснуться.

— С годами число людей, знавших мой секрет, уменьшалось, и ради блага отеля правда о моём бессмертии с тех пор была раскрыта одному человеку.

Я хмурюсь.

— Кому?

— Генеральному менеджеру.

— Софии?

Он кивает.

— Полагаю, некоторые из старших сотрудников догадались, те, кто работал здесь десятилетиями. Но ты была бы удивлена, насколько заботливыми могут быть люди "Гранда". Никто никогда не скажет или не сделает ничего, что могло бы испортить его репутацию.

— Так вот почему нет никаких записей о других шестнадцатилетних девушках, умерших в отеле? Они как-то держали это в секрете?

Он прислоняется спиной к стене, скрестив руки на груди.

— Алек?

— Им не нужно было держать это в секрете, — говорит он после паузы. — Это часть проклятия. Никто, — он качает головой, ругаясь себе под нос, — никто не вспомнит о тебе, когда ты умрёшь. Ни твоя семья, ни персонал отеля. Никто... кроме меня.

Весь воздух вылетает из моих лёгких.

— Что?.. Как?..

Слишком много вопросов затуманивают мой мозг. Я не могу думать о них.

— Меня вообще никто не вспомнит?

Он сглатывает.

— Похоже, что ты сможешь сохранить свою жизнь только в том случае, если выживешь в том роковом дне в прошлом. Если ты этого не сделаешь, то тебя, как будто, никогда и не существовало.

— Значит мой отец... — мой желудок скручивает. — Если мы не победим проклятие, он не вспомнит меня?

Алек не смотрит мне в глаза. Это единственный ответ, который мне нужен.

— Мне нужно идти, — говорю я, отталкиваясь от окна.

Солнце встало, по меньшей мере, час назад.

— Папа, наверное, интересуется, где я.

Алек хватает меня за запястье, останавливая. Я оглядываюсь на него. Более ста лет боли, любви и потерь написаны на его лице, когда его взгляд встречается с моим.

— Я не могу потерять тебя снова, Лия.

Я дарю ему лёгкую улыбку, надеюсь, ободряющую, но мне становится слишком грустно, когда я обхватываю его щеку рукой.

— Я больше не Лия, — говорю я ему. — И я не Кэти, или Элис, или кто-то ещё, и я не собираюсь заканчивать так, как они. Я Нелл, — мои глаза щиплет, а ком в горле заглушает слова. — У меня есть моя собственная судьба.

Я целую его, слёзы пробиваются сквозь мои ресницы. Его рот приоткрывается для меня,

его нижняя губа нежно касается моей. Мы разрываем поцелуй, и я вытираю слёзы.

— Мы разберёмся с этим, — говорю я. — Просто... не сдавайся.

Он улыбается мне в ответ, но его глаза говорят, что он уже сдался.

Я сжимаю его руку, затем открываю дверь и выскальзываю в коридор.

За восемь прожитых мною жизней, от Аурелии Сарджент до Нелл Мартин, я любила каждую из своих семей. Они были далеки от совершенства, а некоторые из них были совершенно неблагополучными, но даже как Лия, даже с жестоким отцом и матерью, которые больше заботились о социальном положении своей дочери, чем о её счастье, я всё ещё была кровью их крови, и они всё ещё были людьми, которые формировали мою жизнь. Сардженты помнили меня, но остальные? Они все продолжали жить своей жизнью, как будто меня никогда не существовало. Некоторые из них, вероятно, всё ещё живы, живут Бог знает где, и если бы я появилась сегодня на пороге их дома, они бы меня не узнали.

И да, может быть, если бы мама всё ещё была рядом, папа был бы в порядке, если бы это не сработало, если бы я просто исчезла, но мы были тем клеем, который скреплял друг друга последние четыре года. Насколько одиноким он будет, если однажды проснётся без дочери? Сможет ли он справиться с этим или снова впадёт в депрессию, которая угрожала поглотить нас обоих всего несколько коротких лет назад? Является ли его флирт с Софией признаком того, что он наконец-то готов двигаться дальше? Или он готов только потому, что у него есть я, на которую он может опереться?

Когда я была Элис, я верила, что моим родителям будет лучше без меня. Я была таким разочарованием после отъезда Джона, и я не была рядом с ними так, как мне нужно было быть. Я была слишком поглощена своим собственным горем.

Но теперь я знаю, что это было неправдой. Я была нужна им тогда, и я нужна папе сейчас. Это больше, чем я, больше, чем Алек.

На этот раз мы не можем потерпеть неудачу.

ГЛАВА 48

НЕЛЛ

Я ОТПРАВЛЯЮ БЫСТРОЕ СООБЩЕНИЕ "ПРОВЕРКА СВЯЗИ" папе, направляя сувенирный магазин, план начинает укореняться в моей голове. Я поднимаюсь по задней лестнице и пересекаю внутренний сад, намереваясь использовать его как кратчайший путь, но резко останавливаюсь перед бегунами и ранними пташками, толпящимися на траве. Они тарашатся на розы, фотографируют и качают головами, открыв рты.

Надо мной розы цепляются друг за друга, их шипы и ветви сплетаются в решетчатый потолок, почти закрывая солнце. Только небольшой круг неба остаётся посередине, создавая прожектор на траве внизу. В остальной части сада так темно, что персонал оставил все наружные фонари в коридоре зажжёнными, чтобы было видно.

— Невероятно, — шепчет своему мужу женщина в неоновом-розовых кроссовках для бега трусцой, качая головой.

С этими розами что-то серьёзно не так.

Только раз в шестнадцать лет.

Я спешу мимо роз, пробираясь сквозь толпу, затем ныряю в сувенирный магазин, где покупаю блокнот и ручку с тематикой "Гранда", а затем отправляюсь в кладовую.

Макса ещё пока тут нет, поэтому сев, прижавшись спиной к двери, я достаю блокнот и

отмечаю всё, что помню из каждой ночи, когда я умирала, начиная с Аурелии и заканчивая Кэти. Затем большими жирными буквами я пишу:

ЧТО МЫ УПУСКАЕМ???

Я смотрю на запись, затем обвожу три раза для наглядности. Вздохнув, я достаю телефон и набираю в поисковой системе "*Лон вон Ойршот*".

Этот запрос приносит гораздо больше совпадений, чем поиск убийства, хотя каждый из них даёт более подробный отчёт о дедушке Лона, Альфреде вон Ойршоте, который сколотил состояние на ловле пушнины и недвижимости, и отце Лона, который получил его наследство и инвестировал в перспективные новые технологии, наиболее заметные в железных дорогах и стали, чем о самом Лоне. Вклад, который Лон начал вносить в компанию, омрачён его "трагической" смертью. Имя Аурелии упоминается только в половине статей. Другая половина просто упоминает, что "его невеста" тоже была убита.

Макс плюхается на пол рядом со мной.

— Привет, балерина. Что ты читаешь?

Я выхожу из браузера и захопываю блокнот.

* * *

Я едва могу сосредоточиться во время работы, мои руки скользят по старым бумагам, фотографиям и безделушкам, не замечая, что я делаю. Мой разум продолжает гудеть, когда всплывают новые воспоминания — вспышки звука и цвета, всё перемешано, каждая жизнь перетекает в следующую, — а руки продолжают чесаться, желая записать всё это. Чтобы понять, о чём я думаю. Чтобы понять, чего нам с Алеком не хватало каждый раз.

Мой пульс стучит, как барабан, в ушах, когда комната начинает казаться слишком маленькой, а мой разум слишком загромождён. Я слишком хорошо осознаю каждый бешеный удар сердца и каждую потраченную впустую секунду.

Я собираюсь сказать Макс, что делаю перерыв, когда замечаю, что стопка знакомых чёрных бухгалтерских книг с золотыми буквами на корешках выглядывает из-под старого кассового аппарата. С колотящимся сердцем я открываю приложение "Фонарик" на своём телефоне и проверяю корешки.

Я нахожу то, что ищу, в середине стопки.

Мама впервые ведёт меня в вестибюль, восклицая: "О, Аурелия, разве это не прекрасно?" Отец направляется к стойке регистрации, расписывается в бухгалтерской книге. Лон появляется перед нами, принося с собой ужасный запах слишком большого количества одеколona, кофе и сигар, от которого у меня кружится голова.

— Эй, Макс. Кажется, я кое-что нашла.

Макс подходит и смотрит на корешки.

— Мило. Мама определённо захочет выставить некоторые из них в музей.

— Вот, — говорю я, берясь за одну сторону кассы. — Помоги мне перенести это.

Мы сдвигаем кассовый аппарат и медленно опускаем его на пол. Наши пальцы соприкасаются, и рот Макса кривится в улыбке, от которой у меня внутри всё сжимается. Я была так поглощена всем, что произошло этим утром, что совершенно забыла о нашем поцелуе, но теперь этот случай с рёвом возвращается ко мне.

Я слишком сильно роняю кассу.

Макс выгибает бровь, но ничего не говорит. Он начинает тянуться к бухгалтерским

книгам, но я хватаю ту, на которую положила глаз, прежде чем он успеваает до неё добраться. На ней написано:

РЕГИСТРАЦИЯ "ГРАНД ОТЕЛЬ УИНСЛОУ": ИЮНЬ 1906 — ДЕКАБРЬ 1908.

Не требуется много времени, чтобы найти подпись Лона, датированную 31 мая 1907 года. Ровно за неделю до приезда Лии. Один только вид этой записи заставляет всё моё тело напрячься. Мои ногти впиваются в ладони. Чего бы я только не отдала, чтобы ударить этого самодовольного ублюдка прямо по лицу.

— Здесь что-то, — говорю я, наклоняя гроссбух к Максy.

Макс наклоняется надо мной, его плечо мягко касается моего.

Я прочищаю горло и указываю на середину страницы.

— Подпись Лона вон Ойршота.

— Вау, — его глаза сканируют страницу, его брови хмурятся. — Ты нашла Аурелию?

Я изучаю Макса, ища любой намёк на то, что София рассказала ему мой секрет, но он либо действительно превосходный лжец, либо понятия не имеет.

— Она не стала бы расписываться тут. Но здесь... — я перелистываю несколько страниц вперёд, — есть подпись её отца.

Моё сердце разрывается при виде его подписи.

Эдмунд Сарджент не был хорошим отцом. Он даже не был хорошим, если только вы не определяете "хороший" как сохранение крыши над головой и еды в желудке, что, я думаю, некоторые люди могли бы сделать. Но я всё равно заботилась о нём, и независимо от того, исходила ли эта забота от любви или от какой-то глубокой психологической войны, я никогда не хотела его подводить. Да, мой брак с Лоном был его билетом к возвращению его состояния, но до этого, до того, как наши отношения превратились в отношения мясника, продающего своё ценное мясо тому, кто больше заплатит, были редкие дни рождения, когда он приходил домой с работы пораньше, чтобы отпраздновать. Рождественские утра, наполненные игрушками, которые он с любовью выбирал. Танцевал в фойе всякий раз, когда заключал особенно выгодную деловую сделку.

Он был моим отцом, и я уверена, что потеря меня таким ужасным образом причинила ему боль, несмотря на гнев и безразличие, которые он часто проявлял ко мне.

Быть может, он бы никогда не простил меня за то, что я сбежала с Алеком, а может быть он бы, в конце концов, одумался. Возможно, со временем вся моя семья приняла бы Алека. Может быть, это не должно было быть "или/или" до конца моей жизни.

Благодаря Лону я никогда не узнаю.

Макс толкает меня плечом.

— Теперь я знаю, почему ты практически вырвала это у меня из рук.

Я вздыхаю.

— Я не могу перестать думать о ней.

— Я знаю, что ты имеешь в виду, — говорит он. — Трудно поверить, что здесь могло произойти что-то настолько ужасное.

Он возвращается к другим бухгалтерским книгам.

— Макс, подожди.

Его брови хмурятся.

— Что случилось?

Тошнота усиливается.

— Мы можем поговорить?

Он поднимает брови, глядя на меня.

— Разве это не то, что мы делаем?

— Я имею в виду... о прошлой ночи.

— Оу, — он хмурится ещё сильнее. — Эм, да. Конечно.

Я прикусываю внутреннюю сторону губы.

— Когда я пригласила тебя прошлой ночью, я не знала... Я имею в виду, я не думала, что это... это...

Он делает глубокий вдох.

— Это из-за поцелуя, не так ли?

— Хорошо. Да.

Он закатывает глаза.

— Мне жаль. Я не знаю, что на меня нашло. Я просто... Ты мне нравишься, Нелл, и момент казался подходящим, но, возможно, это было не так. Я знал, что ты вчера неважно себя чувствовала, а я, как придурок, подошёл и поцеловал тебя...

— Я не остановила тебя, — говорю я, потому что это правда.

Потому что на краткий, мимолётный миг мне захотелось поцеловать его. Хотела доказать себе, что чувства, которые я испытывала к Алеку, были настоящими. Хотела притвориться, что я нормальная девушка, живущая нормальной жизнью — не девушка, которая больше не могла отличить, что реально, а что нет, и не девушка, чья судьба уже была предрешена.

— Просто, — продолжаю я, — есть... кто-то ещё.

Он бьёт себя по лицу.

— Конечно, есть. Я должен был догадаться. Я просто подумал, раз ты переехала и всё такое... — он качает головой и выдыхает. — Так вы общаетесь по междугородней связи?

Я удивлённо моргаю.

Я никогда даже не думала, что Макс решит, что я имела в виду кого-то дома, в Колорадо, но ему было бы легко солгать. Почему-то кажется менее обидным, более гуманным, что мальчик, о котором идёт речь, — тот, кого Макс не знает и никогда не встречал. Но слишком велика вероятность, что Макс увидит нас с Алеком вместе, и будь я проклята, если мне когда-нибудь снова придётся скрывать наши отношения, в этой жизни или в следующей.

— Это не кто-то из дома, — говорю я. — Это Алек.

Макс пристально смотрит на меня.

— Алек Петров, — уточняю я.

У него отвисает челюсть.

— *Петров?* Но... как? Когда? В последний раз, когда ты упоминала о нём, ты жаловалась, потому что он обращался с тобой как с грязью.

Его шока достаточно, чтобы убедить меня, что он понятия не имеет о моём прошлом или о моей связи с Алеком.

— Да, так и было, — говорю я. — Но потом мы узнали друг друга получше.

Он прищуривает глаза.

— Только не говори мне, что это одна из тех вещей "исправившегося плохого мальчика", когда ты думаешь, что он изменился, но он всё равно будет относиться к тебе как к мусору?

— Это не так. Я определённо могу тебе это обещать.

Похоже, он мне не верит.

— Слушай, я говорю это не только потому, что я ревную — что я и делаю, для ясности — но потому, что я думаю, что ты потрясающая, и независимо от прошлой ночи и того, что произойдёт дальше, я хочу быть твоим другом. Просто... следи за собой рядом с ним, хорошо? Я не хочу видеть, как тебе будет больно.

Если бы он только знал.

— Я так и сделаю, — я слегка улыбаюсь ему. — Мне действительно жаль.

Он качает головой.

— Тебе не за что извиняться, балерина.

— Правда?

— Правда, — говорит он, одаривая меня ослепительной улыбкой, которая почти скрывает боль. — У нас всё хорошо.

ГЛАВА 49

НЕЛЛ

Я ИЩУ АЛЕКА ПОСЛЕ работы, миллион не до конца продуманных идей о том, как мы можем победить Лона, заполняют мой мозг. Все они — разбитые, разрозненные части плана, которые не сочетаются друг с другом и сами по себе не имеют никакого смысла, но, по крайней мере, это начало.

Я нахожу его в саду на подъёмнике, платформа которого поднята на пятый этаж, вместе с десятью другими сотрудниками он срывает розы.

— Они занимаются этим уже несколько часов и почти ничего не добились, — говорит мне старик в соломенной шляпе от солнца. — Я работаю садовником уже пятьдесят лет и никогда не видел ничего подобного.

Алек вытирает пот со лба и смотрит на меня сверху вниз. Я делаю шаг к нему, но потом вижу папу, стоящего под платформой, разговаривающего с толпой гостей и указывающего на платформу.

Папин взгляд останавливается на мне.

— Извините, я на минутку, — говорит он гостям, застёгивая пиджак и направляясь ко мне. — Привет, малышка. Закончила с работой на сегодня?

Я киваю.

Папа замечает, что я смотрю на розы, и качает головой.

— Ты можешь в это поверить? София говорит, что это случается раз в несколько лет.

— Каждые шестнадцать, — бормочу я себе под нос.

— Невероятно, — папа кладёт руку мне на плечо. — Хочешь поужинать? Я умираю с голоду.

Я поднимаю глаза и снова встречаюсь взглядом с Алеком.

— Э-э, да, конечно, — говорю я папе.

— Превосходно.

Папа выводит меня из сада, рассказывая о том, какой у него был день, а в это время позади меня хрустят ветки и розы падают на землю, как снег.

Я стою в своей старой комнате — той, что была в 1907 году.

Всё выглядит так же, как и много лет назад.

И на мне ночная рубашка.

Я думаю, *это сон*.

Но всё кажется слишком реальным, чтобы быть сном.

Тут даже пахнет так же, как океан, и мамины духи, и немного свечного воска из светового ящика Бенни дальше по коридору. Я провожу пальцами по текстурированным углублениям в шкафу, наслаждаясь знакомой шелковистостью полированных латунных ручек.

Тёплый порыв ветра обдувает моё ухо. Я закрываю глаза, слеза скатывается с моих ресниц, а Лон прижимается своим сильным телом хищника к моему позвоночнику.

— Красиво, не правда ли? — шепчет он. — Этот мир, в котором мы жили? Я мог бы держать тебя в нём всю твою жизнь.

Я стискиваю зубы.

— За какую цену?

Его руки касаются моих плеч, его пальцы скользят по моей шее, обхватывают горло.

— За всё приходится платить, моя дорогая.

Я отступаю от него, прежде чем его руки могут сомкнуться на моей трахее.

— Ты ничего не знаешь обо мне, если думаешь, что я позволю тебе победить без боя.

Он тихо посмеивается.

— Вообще-то в этом нет никакого смысла. Я никогда не позволю тебе победить, — его челюсть напрягается. — Что тогда, что сейчас. Поцелуй своего жениха, и, возможно, я прошу твои прошлые прегрешения.

Он двигается вперёд.

Я отступаю к двери, рукой нащупываю ручку. Я прижимаю ладонь к холодному металлу и рывком открываю дверь. Спотыкаясь, я возвращаюсь в гостиную.

Мой труп лежит посреди комнаты, окруженный лужей крови, просачивающейся в половицы. Тело Лона привалилось к дальней стене, его мозги разлетелись по обоям.

— Ты не можешь избежать этого, — говорит Лон, появляясь рядом со мной.

Смотрит свысока на учинённую им бойню.

Что-то тёплое и влажное распускается на моей ночной рубашке, ткань прилипает к груди. Я смотрю вниз на густую красную жидкость, вытекающую из моей грудной клетки.

Знакомый голос эхом разносится по комнате.

— Ты закончишь так же, как и все мы, дорогая.

Она стоит напротив меня, хотя выглядит совсем не так, как при жизни. Она — труп, давно зарытый в землю, её одежда в лохмотьях, волосы сухие и колючие, как солома. Рядом с ней отец и Бенни, их гниющая плоть свисает с костей, а похоронные костюмы похожи на потёртые занавески.

— Мама?

— Смерти не избежать, — говорит мать Аурелии — моя мать.

В углу комнаты мелькает фигура. Высокая блондинка, одетая в тот же свитер и юбку-карандаш, в которых она садилась в самолёт четыре года назад. Она улыбается мне, но затем её изображение мерцает, как при плохом телевизионном приёме, и внезапно её улыбка становится слишком широкой, обнажая раздробленную челюсть.

— Мама!

Я пытаюсь двигаться вперёд, но мои ноги приросли к полу. Моя собственная кровь медленно стекает по груди, рукам, талии. Лон делает шаг ближе ко мне, накрывает руками алую жидкость, льющуюся по моему торсу, застывающую в густые тёмные капли, стекающие по моему платью. Ткань больше уже не белая и воздушная, а красная и тяжёлая от крови.

Лон утыкается носом в мою шею, отводит мои волосы в сторону.

— Я не позволю тебе жить долго и счастливо, моя дорогая, — говорит он мне. — Не тогда, когда ты так эгоистично украла мою жизнь.

Отец делает шаг вперёд, протягивая руки. Из его уха вылезает таракан и шлёпается на потёртое плечо похоронного костюма.

— Пора возвращаться домой, милая.

Бенни берёт меня за руку, его губы трескаются, а мёртвые глаза остекленели, когда он говорит:

— Это больно всего лишь секунду, Лия. Потом это похоже на полёт.

Слёзы выступили у меня на глазах. Я наклоняюсь к нему и обхватываю рукой его холодную, костлявую щеку.

— Прости, что мне пришлось оставить тебя, Бенни.

Он улыбается Лону, как будто они участвуют в этом вместе. Но затем Бенни наклоняется вперёд, складывает ладони рупором и шепчет то же самое слово, которое он сказал мне в белье шкафу.

— *Беги.*

Я просыпаюсь, моё сердце бешено колотится.

В комнате крошечная тьма. Я хватаю телефон с прикроватной тумбочки и, используя его свет, ковьялю в ванную, тяжело дыша.

Первое, что я проверяю при свете в ванной, это свою пижаму, но на ней нет крови, хотя я всё ещё чувствую, как она липнет к моей коже. Из груди также не льётся кровь, хотя я всё ещё чувствую, как она стекает на пол.

Всё моё тело начинает трясти. Я ударяюсь головой о дверь и соскальзываю на холодный кафель, смахивая руками кровь, которой там нет.

Я не хочу плакать. Не хочу доставлять этому больному ублюдку такое удовольствие. Но слёзы всё равно текут, горячие, быстрые и удушающие.

За дверью скрипит папин матрас, и я поспешно включаю кран, чтобы скрыть рыдания. Меньше всего мне хочется объяснить это, хотя уверена, что папа понял бы, если бы я сказала ему, что слёзы вызваны кошмаром, или если бы я сказала, что это из-за мамы, что даже не было бы ложью. Но он будет волноваться, а я не хочу, чтобы он беспокоился обо мне.

Уже нет.

Я задумываюсь, уставившись на свой телефон. Красные отпечатки пальцев покрывают экран. Я переворачиваю руку — ту, которую прижимала к груди во сне.

Засохшая кровь вьётся через трещинки на моих ладонях, осыпаясь на кафель, как кусочки старой краски.

ГЛАВА 50

НЕЛЛ

— НЕЛЛ? — СПРАШИВАЕТ ПАПА. — ВСЁ В ПОРЯДКЕ?

Я поднимаю взгляд от недоеденного рогалика. Папа сидит напротив меня, морщины беспокойства пересекают его лицо. Остальная часть комнаты медленно входит в фокус, заменяя образы моей разлагающейся семьи и ночной рубашки, пропитанной кровью.

— Хм? — спрашиваю я.

Папа хмурится ещё сильнее.

— Ты хорошо себя чувствуешь?

— Ох. Эм, да, — я качаю головой. — Плохие сны.

Папа откусывает кусочек от своего сэндвича с яйцом.

— Я могу чем-нибудь помочь?

— Всё в порядке, — говорю я, ковыряя свой рогалик. — В них не было никакого смысла.

Он кивает, затем откидывается на спинку стула, заложив руки за голову, и смотрит в окно на солнце, поднимающееся над пляжем.

— Разве тебе просто не нравится здесь?

Дело в том, что мне нравится. Мне не понравилось, когда я впервые приехала сюда, на пароме в 1907 году, когда это было не более чем место, где я проведу свои последние оставшиеся месяцы в качестве Сарджент, прежде чем потеряю последние крохи свободы и стану вон Ойршот. Но всё изменилось, как только я встретила Алека. Палаточный город; пляж; тайные, скрытые места в "Гранд Отеле", где мы с Алеком могли быть вместе без страха — *вот в этот* остров Уинслоу я влюбилась.

И независимо от того, что произошло с тех пор — независимо от того факта, что Лон тоже здесь, наблюдает за мной, вторгается в мои мысли, угрожает каждому моему вздоху — этот отель вернул меня к Алеку. Это дало нам больше времени, чем предполагала пуля Лона. Это волшебное место.

Я не хочу снова покидать его.

— Итак, малышка, — говорит папа. — Четыре недели до твоего семнадцатилетия. Ты подумала о том, что как хочешь отпраздновать?

Мой день рождения. 8 августа. Спустя два дня после убийства Аурелии. Через три дня после того, как мы с Алеком возвращаемся в 1907 год и повторяем всё сначала.

Я хочу верить, что буду здесь, чтобы отпраздновать это событие. Хочу верить, что на этот раз мы действительно сделаем это. Снимем проклятие. Но это игра Лона. Он играл в неё уже семь раз и ни разу не проиграл. Я практически слышу его голос, говорящий мне ничего не планировать, что к тому времени меня уже не будет, и папа даже не вспомнит, что у него была дочь, которую нужно оплакивать.

Итак, показывая Лону гигантский средний палец, я говорю:

— Да. Давай устроим вечеринку с пиццей, только ты и я.

— Ты уверена, что это всё, чего ты хочешь?

Я смотрю в окно на пышные пальмы и яркие тропические цветы, колышущиеся на ветру. На нетронутый песок и волны с белыми шапками, набегающие на берег.

На тёмную фигуру, стоящую позади меня, отражающуюся в стекле.

— Абсолютно.

* * *

От меня Максимум мало пользы, хотя он этого и не замечает. Несмотря на то, что он сказал,

что это ничего не изменит, он игнорирует меня с момента нашего вчерашнего разговора. В любое другое время это бы меня обеспокоило, но, оказывается, Макс действительно продуктивен, когда не тратит своё время на флирт.

Он делает для меня поблажку, даже не задумываясь об этом.

Дело не в том, что я не пытаюсь выполнить работу, но мой разум находится на столетие в прошлом, и каждый раз, когда я пытаюсь сосредоточиться на документах и фотографиях передо мной, новая идея вспыхивает в моей голове, как камера, и я тайком достаю блокнот, чтобы записать её.

Воспоминания продолжают приходить ко мне, хотя большинство из них отрывочны и противоречивы. В одну секунду я вспоминаю что-то из своих дней, когда была ветреной девушкой, а в следующую — вспоминаю, как теребила свои волосы в зеркале и видела лицо Лона, смотрящее на меня в ответ.

Я всё ещё не уверена, что некоторые из моих идей пришли из воспоминаний, были ли они опробованы или обсуждались раньше, но я всё равно записываю их, и к концу дня у меня их пять. Пять надежных способов попытаться победить проклятие. И я не имею ни малейшего представления, сработает ли что-нибудь из них.

Но Алек поймёт.

Я нахожу его во внутреннем саду. Колючий потолок исчез; розы сострижены до балкона третьего этажа.

— Работал круглосуточно, — слышу я, как кто-то говорит, когда я прохожу мимо.

Я останавливаюсь у подножия платформы и, прикрывая глаза рукой, смотрю вверх.

— Алек?

Он смотрит на меня сверху вниз, потирая рукой влажный лоб. На мгновение, как и в любой другой раз, когда я видела его, его глаза выдают радость, которую он испытывает, видя меня. Но затем, почти сразу же, эта радость исчезает, заменяясь такой болью, страхом и сомнением, что моё сердце разрывается под тяжестью этих эмоций.

Я бросаю взгляд на других рабочих, затем одними губами спрашиваю:

— *Мы можем поговорить?*

Он кивает и откладывает садовые ножницы. Он спускается по лестнице, затем берёт меня за руку и уводит прочь от зевак, обратно в отель.

— У меня есть несколько идей, — говорю я, протягивая ему блокнот, — о том, как мы можем... ты знаешь.

Он делает глубокий вдох и кивает.

— Давай уйдём куда-нибудь.

Я иду за ним на пляж. На этот раз я понимаю, что он не хочет, чтобы нас подслушивал кое-кто конкретный.

Лон повсюду в этом отеле.

— Хорошо, — говорит Алек, когда останавливаемся у линии прилива, грохот прибоя и легкомысленные крики детей, барахтающихся в воде, заглушают наш разговор. — О чём ты думаешь?

Я открываю блокнот, загибая переплёт назад.

Я прочищаю горло.

— Что, если мы попытаемся изгнать Лона из отеля?

— Как призрак?

Я бросаю на него многозначительный взгляд.

— Больше похоже на демона.

Он качает головой.

— Сомневаюсь, что это сработает. Дух Лона не хочет оставаться здесь. Он в такой же ловушке, как и мы. Во всяком случае, единственное, что нам это даст, это разозлит его ещё больше.

— Ладно...

Я достаю из кармана короткий огрызок карандаша и зачёркиваю первую идею.

— Что, если мы заберём с собой современные технологии? Что-то, что могло бы помочь?

Алек скрещивает руки на груди.

— Например, что?

— Не знаю. Пистолет? Что-то, что мы могли бы использовать, чтобы дать отпор?

— Каждый раз, когда мы возвращаемся, не имеет значения, какая на мне одежда или что у меня в карманах — я всегда возвращаюсь в том же самом, что было на мне 5 августа 1907 года, и ничто другое никогда не возвращается со мной.

Я вздыхаю. Я не была уверена, что взятие оружия с собой действительно поможет, но я бы чувствовала себя в большей безопасности, зная, что если Лон снова нападёт на меня, у меня будет что-то ещё, кроме кулаков или осколков стекла, чтобы сравнять наши шансы.

— Так ты думаешь, это не сработает?

Алек смотрит на горизонт и снова качает головой.

Я вычёркиваю это из своего списка.

— Что, если мы не убежим?

— Ты имеешь в виду, если мы позволим Лону думать, что ты собираешься остаться с ним на этот раз?

Я морщусь.

— Мы уже пробовали это раньше?

Он кивает.

— Когда мы возвращаемся, Лон ведёт себя так же, как в тот день. Он говорит то же самое, придерживается того же расписания. Но он знает, почему мы здесь. Он всё равно *будет* искать тебя, — Алек сглатывает. — Он всё равно убьёт тебя.

— Что, если мы убьём его первыми?

— Проклятие не позволит нам, — говорит он. — Всё остаётся по-прежнему, пока Лон не придёт за нами, и тогда все ставки отменяются.

Я скидываю руки вверх.

— Ты можешь хотя бы *попытаться* быть немного более полезным?

Он ничего не говорит. Просто смотрит на меня с поражением в глазах.

Наконец, он бормочет:

— Что ты хочешь, чтобы я сделал? Солгал тебе?

Мои глаза горят, но я смаргиваю слёзы.

— Моя жизнь здесь на кону, Алек, а тебе, похоже, всё равно.

Его челюсть напрягается. Он делает шаг вперёд, пока мой нос не оказывается практически у его ключицы. Он смотрит на меня сверху вниз, его дыхание прерывистое, глаза острые, как ледорубы.

— *Не говори*, что мне всё равно. Меня это слишком волнует, Нелл. *Слишком сильно*. Вот почему я не могу сделать это снова.

— Хорошо, — огрызаюсь я в ответ. — Тогда я сделаю это без тебя.

Он смотрит на меня ещё секунду, как будто хочет сказать ещё так много, но не видит в этом смысла. Он чертыхается себе под нос.

А потом уходит от меня.

Я не зову его вслед.

Он слишком глубоко увяз, чтобы я могла до него достучаться.

ГЛАВА 51

НЕЛЛ

Я НЕ БУДУ ПЛАКАТЬ.

Я не буду.

Я не буду.

Я не буду.

Я мысленно повторяю эту мантру, возвращаясь в свою комнату. Вверх по лестнице, кружа четыре пролёта вокруг шахты лифта, вспоминая, каково это — стоять в этой золотой клетке, когда моё сердце так сильно билось в груди, как будто оно тоже хотело убежать и никогда не останавливаться. Вспоминая, какой потерянной я была, пока не встретила Алека. И теперь...

Теперь я снова одна.

На площадке четвёртого этажа я поворачиваю направо, в наружный коридор, выходящий в сад. Кто-то открыл окна, чтобы впустить ветерок, и я прохаживаюсь перед ними, позволяя свежему, благоухающему розами воздуху остудить мою разгоряченную кожу.

Я в порядке, всё в порядке. Я собираюсь разобраться с этим.

У меня в записной книжке есть последняя идея, и у меня ещё есть месяц, чтобы придумать что-нибудь ещё, если это не сработает. Ещё слишком рано сдаваться, даже если Алек уже сдался.

Позади меня раздаются глухие шаги. Я останавливаюсь и заставляю себя улыбнуться, ожидая увидеть ещё одного гостя, но когда я оборачиваюсь, там никого нет.

В коридоре пусто.

Нахмурившись, я делаю шаг вперёд.

— Привет?

Двери захлопываются, а за ними и окна. Стекло прогибается внутрь, как будто кто-то давит на него с другой стороны, пока давление не становится слишком сильным. Окна разбиваются одно за другим, и осколки стекла разлетаются по коридору, мерцая на солнце. Сила отбрасывает меня к стене. Осколки стекла царапают руки, ноги, лицо. Я кричу, сворачиваясь в позу эмбриона и скрещивая руки над головой.

Я не поднимаю глаз, пока последние звенящие осколки не падают на пол. Мой разум уже ищет логическое объяснение — землетрясение? Сильный порыв ветра? — хотя я знаю, что в этом нет ничего логичного или земного.

Пронзительный, отрывистый скрежет откручиваемых винтов эхом разносится по коридору. Я заставляю себя подняться и бегу к дверям.

Заперто.

Я пытаюсь открыть их, но они даже не дребезжат.

Выругавшись, я поднимаю глаза.

Все светильники висят боком, каждый теперь держится на потолке благодаря только одному винту. На мгновение визг прекращается, оставляя их висеть надо мной.

А затем, медленно, винты снова начинают скрипеть, выкручиваясь из креплений. Я прижимаюсь к стене и смотрю, как они поворачиваются, выталкиваясь один за другим, как будто невидимая рука убирает их. Но вместо того, чтобы падать, светильники висят в воздухе. Я слишком занята, наблюдая за ними, чтобы заметить, как осколки стекла звенят вокруг меня, поднимаются надо мной, соединяются со светильниками на потолке, все они направлены своими зазубренными краями вниз, пока не становится слишком поздно.

Смех Лона отражается от стен.

— Ты не сможешь убежать от меня, Аурелия, — говорит он. — Я везде.

Я слышу, как кто-то ещё произносит моё имя — "Нелл!" — но голос звучит далеко, и я не могу оторвать глаз от потолка. Светильники и стекло шатаются.

Я закрываю голову и кричу, когда они падают.

* * *

— Нелл.

Кто-то трясёт меня за плечо, но я продолжаю прятать голову за сгибом рук.

— Нелл.

Женский голос.

— Всё в порядке, — говорит она. — Он ушёл.

Мой лоб хмурится. Я медленно поднимаю глаза и встречаюсь взглядом с Софией.

Коридор выглядит таким же мирным, как и тогда, когда я впервые вошла в него. Все окна по-прежнему открыты и целы, в них со свистом проникает лёгкий ветерок, а светильники прочно закреплены на потолке. Я поднимаюсь с пола и осматриваю себя на предмет порезов и колотых ран, которые, я уверена, должны быть на мне, но ничего нет. Ни единой царапины.

И тогда я вспоминаю, что она сказала.

Он ушёл.

— Ты знала, что это была я? — я спрашиваю её. — Всё это время?

Она кивает.

— Я просто ждала, когда ты вспомнишь.

— Но как ты узнала меня? Алек сказал, что никто не помнит меня после...

Я не могу закончить предложение. *После того, как я умру.*

— Твои фотографии у Алека, — говорит она. — И я знаю, что прошло шестнадцать лет с тех пор, как ты была здесь в последний раз. Нетрудно было собрать всё воедино.

— Кто-нибудь ещё видел меня здесь?

— Я так не думаю, — говорит София. — Но довольно много людей слышали тебя. Неважно. Я смогу дать своим сотрудникам объяснение для любого, кто спросит, — она вздыхает. — Я знаю, это ужасно, но постарайся не позволить ему добраться до тебя. Он может причинить тебе боль, только если ты ему позволишь. Пока ты не вернёшься, конечно.

Ей легко говорить. Она не выпрыгивала во сне прямо из окна и не просыпалась от кошмара с окровавленной рукой.

— Хорошо, — говорю я. — Спасибо.

— Если я могу ещё что-нибудь для тебя сделать, дай мне знать.

Я киваю.

Она начинает уходить.

— Вообще-то, — говорю я, останавливая её. — Есть одна вещь.

— Да?

Пожилая пара неторопливо входит в холл, трость женщины постукивает по полу, когда они проходят мимо нас, её муж придерживает её за другую руку и замедляет шаг ради неё. Мы киваем друг другу в знак приветствия.

Как только они исчезают за углом, я подхожу на шаг ближе к Софии и понижаю голос:

— Когда я вернусь... если у меня не получится...

Черты Софии смягчаются.

— Да?

— Не могли бы вы присмотреть за моим отцом? Я знаю, что он меня не вспомнит, так что, думаю, ему действительно не из-за чего расстраиваться, но мы вроде как были командой, он и я, так что он может немного... потеряться... без меня здесь.

Её губы изгибаются в грустной улыбке.

— Конечно, я позабочусь о нём. Просто убедись, что Алек напомним мне.

Верно. Потому что она вообще не вспомнит, что у него была дочь.

— Спасибо.

Она кладёт руку мне на плечо. Прикосновение такое приятное, такое материнское, что я, не задумываясь, отшатываюсь от него.

Она быстро прячет свой хмурый взгляд.

— Не теряй надежды, — говорит она. — Тебе дали этот шанс не просто так. Есть кое-что, что ты можешь сделать, чтобы победить его. Тебе просто нужно понять, что это такое.

Я удивлена, что она чувствует себя так комфортно, говоря о Лоне здесь, где его дух только что продемонстрировал такое впечатляющее проявление и где он всё ещё может быть поблизости. Наблюдающий. Подслушивающий. Замышляющий. Но, конечно, она не беспокоится о том, что он придёт *за ней* или за кем-то ещё.

Он хочет только меня.

Она ещё раз похлопывает меня по плечу, а затем направляется обратно в отель. Я поворачиваюсь и иду в другую сторону, к своей комнате, моя решимость крепнет с каждым шагом.

Я *не* позволю себе стать жертвой в этом деле.

Как и не позволю Алеку вновь страдать.

ГЛАВА 52

НЕЛЛ

Я ЖДУ ДО ПОЛУНОЧИ. Лунного света не видно, поэтому я сужу о том, насколько крепко папа спит, по громкости и постоянству его храпа. Когда я уверена, что он погрузился в довольно глубокий сон, чтобы его разбудил звук хлопка, я выскальзываю из-под одеяла и беру свитер, который оставила на краю кровати, и ключ-карту, которую оставила на подставке для телевизора. Я засовываю ноги в пару поношенных туфель на плоской подошве, затем тихо выскальзываю за дверь, тихо закрывая её за собой.

В полночь в отеле не так тихо, как перед рассветом, особенно из-за того, что некоторые

из отдыхающих поздно ночью только возвращаются в свои номера из гостиной. По большей части, я могу выбросить мысли о Лоне из головы, когда иду по коридорам, ускоряя шаги только тогда, когда слышу скрип половиц за спиной или когда над головой мигает лампочка.

Я поднимаюсь по лестнице на самую высокую башню и стучу в дверь.

Никакого ответа.

Он мог быть в бальном зале или бродить по коридорам. Или он мог бы спать на этот раз. Я стучу снова, на этот раз сильнее.

Позади меня кто-то прочищает горло.

— Кого-то ищешь?

Я поворачиваюсь.

— Ты следил за мной?

Мускул на челюсти Алека дёргается.

— Я хотел убедиться, что ты снова не ходишь во сне.

— Ты следил за моей комнатой?

Он кивает, стараясь не встречаться со мной взглядом.

Я спускаюсь с лестничной площадки и приближаюсь к нему.

— Даже несмотря на то, что ты уже сдался?

Его глаза вспыхивают, но он не отрицает этого.

Я беру его за руку.

— Идём. Нам нужно поговорить.

* * *

Безлунное небо напоминает мне о ночи, которую мы с Алеком провели на яхте Лона, хотя уличные фонари и далёкие городские огни приглушают сияние звёзд над нами. Песок скользит по моим ногам, когда я веду Алека к линии прибоя. Его ладонь скользит по моей, пока мы идём, посылая электрические искры по моим венам.

Я беру его за другую руку, когда мы достигаем прибоя, заставляя его повернуться ко мне лицом.

— Что ты видишь, когда смотришь на меня? — спрашиваю я.

Он качает головой.

— Нелл...

Я сжимаю его руки, разочарование, утрата и горе обрушиваются на меня в равной мере.

— Давай, Алек.

Он стискивает зубы.

— Я вижу, как ты умираешь у меня на руках, снова и снова. Я вижу каждый божий день, который прожил без тебя за последние 112 лет. Я вижу, как меняется мир вокруг меня, мир, к которому я не могу прикоснуться, почувствовать или принять участие за пределами этих стен.

Его дыхание прерывается, и мучительный, горький смех срывается с его губ.

— Ты знала, что моя мать умерла через год после Лии?

У меня перехватывает дыхание.

— Нет, — говорю я. — Я не знала.

— Тогда я ещё не понимал, что не старею. Не знал, когда попрощался с ней и обещал, что увижу её снова, что это может не сбыться. Я не знал, что буду наблюдать в письмах и

фотографиях, как моя семья в России — единственная семья, которая у меня осталась, — стареет и умирает, в то время как я совсем не старею. Я не знал, что увижу, как то же самое произойдёт с Томми и Мойрой, Фитцем и Кларой, или что мне придётся солгать им и сказать, что я уехал, чтобы они не догадались о моём бессмертии. Я не знал, что все четверо останутся на острове, или что я буду иногда видеть их на пляже или в ресторане отеля. Что я буду считать каждую новую морщинку и каждого внука и, в конце концов, прочитаю все их некрологи. Я даже не смог присутствовать на их похоронах, Нелл. Ты знаешь, как это было больно?

— Я не могу себе представить, — говорю я тихим голосом, мои слова так незначительны в тени его скорби.

Он запрокидывает голову, и слёзы застилают его глаза.

— Когда я потерял мать, я не знал, что, в конечном итоге, также потеряю способность заботиться о ком-либо или о чём-либо, потому что я знал, что это слишком больно. Я знал только, что я сирота, и я не мог найти утешения в единственном человеке, который мог бы дать мне это, потому что она была мертва уже 383 дня к тому времени, когда моя мать испустила свой последний вздох. И самое худшее во всём этом то, что мне некого винить, кроме себя. Твоя смерть, проклятие — это всё моя вина. Это *всегда* была моя вина. Если бы я просто оставил тебя в покое с самого начала, как должен был...

— Я бы никогда не познала настоящей любви, — перебиваю я его. — Я бы вела жалкое существование с мужем, который сломил бы мой дух и держал бы меня под каблуком с того момента, как я сказала "Да". Даже если бы я дожила до ста лет, это была бы не *жизнь*. Ты освободил меня, Алек. За эти два месяца с тобой я прожила больше, чем за шестнадцать лет до этого.

— Ты заслужила больше, чем два месяца.

— И я получу это, — говорю я. — У нас может быть вечность, Алек. Нам просто нужно снять проклятие.

Слёзы скатываются по его ресницам, тихо стекая по щекам.

— Ты всегда такая оптимистка. В прошлом это тоже вселяло в меня оптимизм. Но это проклятие — не шанс для нас быть вместе. Это цена, которую я плачу за своё преступление. Это моё чистилище, и на одну ночь каждые шестнадцать лет я спускаюсь в ад, чтобы посмотреть, как ты снова умираешь, и отдать свой фунт плоти. Вот и всё, что это такое. Всё, что когда-либо было.

Я качаю головой.

— Нет. Я отказываюсь это принимать. Я возвращаюсь не только для того, чтобы мучить тебя, Алек. Если бы это было так, я бы вернулась как призрак или воспоминание. Что-то неосязаемое. Но *каждый раз* я живу полной жизнью. Я получаю новые имена, новых родителей и новые воспоминания. У меня появляются новые мечты, новые шрамы и новые причины жить. Я не Лия, и я не Кэти, и никакая другая, кто был до меня. Все они — часть меня, и всегда будут, но я — *Нелл*.

Слёзы жгут мне глаза, но я продолжаю, мой голос не дрогнул.

— Я потеряла мать в авиакатастрофе четыре года назад. Я хочу стать профессиональной балериной и хочу наблюдать, как мой отец превращается в счастливого старика. Я хочу *жить*, Алек. Но я не могу сделать этого без тебя.

Я прижимаюсь к нему, обнимая его руками.

— Пожалуйста, не сдавайся сейчас. Не позволяй этому закончиться так.

Я обнимаю его за шею и встаю на цыпочки, пока он не прижимается своим лбом к моему.

— Вернись ко мне.

Его тело напрягается.

— Нелл...

— Шшш, — шепчу я. — Верь в нас снова, Алек.

Я немного отстраняюсь и смотрю на него, запуская пальцы в его волосы.

— Верь в меня.

Он колеблется, и на мгновение мне кажется, что я опоздала, что он уже потерян.

Но затем он тихо ругается и прижимается своим ртом к моему, крадёт моё дыхание и сопит мои губы своими слезами. Его руки сжимаются вокруг меня, делая нас настолько близкими к одному человеку, насколько это возможно. Я рыдаю от облегчения, хватая ртом воздух, даже когда целую его в ответ, прижимаясь к нему, высвобождая каждое мгновение любви, страха, горя и радости, которые я испытывала с ним, в этой жизни и в семи других, которые я вела. Так много мыслей перемешивается в моём сознании — *я люблю тебя, я скучала по тебе, никогда больше не отпускай меня*, — но одна возвышается над другими.

Дом.

Слава богу, я наконец-то дома.

— Прости, — говорит Алек, осыпая поцелуями и слезами мою шею, плечо, ключицу. —

Мне так жаль. Теперь я здесь, — он сжимает меня. — Я не откажусь от нас.

Мы долго обнимаемся, прислушиваясь к шуму прибоя и нашему сбивчивому дыханию.

Здесь, в этот момент, время не имеет над нами власти.

ГЛАВА 53

НЕЛЛ

МЫ ПРОВОДИМ КАЖДЫЙ ДЕНЬ ВМЕСТЕ после этого. Наше утро занято работой Алек бродит по отелю, приступая к работе там, где он нужен, а я провожу своё время в кладовке. Не то чтобы я много чего успеваю сделать. Я пытаюсь сосредоточиться, но мои мысли по большей части заняты мыслями о том, как снять проклятие. Я одержима желанием проводить с Алеком как можно больше времени.

Я даю молчаливое обещание, что если мы переживём это на этот раз, я буду работать в две смены в кладовой, чтобы компенсировать свои блуждающие мысли. Я так сильно хочу быть здесь и увидеть музей, когда он откроется, что это желание перерастает в физическую боль, которая не даёт мне спать по ночам и преследует меня весь день.

Однажды утром, пытаясь сосредоточиться на фотографиях "Гранда" времён Первой мировой войны, я задаюсь вопросом, что станет со мной и Алеком, если мы никогда не снимем проклятие. Вернусь ли я сюда через сто, двести, триста лет? Будет ли "Гранд" вообще стоять?

Будет ли мир?

Что стало бы с таким бессмертным, как Алек, если бы миру пришёл конец и он остался единственным? Моё сердце сжимается в горле, когда я представляю его совсем одного во вселенной — судьба хуже смерти, — а потом мне приходится прогонять эту мысль. Это слишком ужасно, чтобы думать об этом.

Должно быть, это не только кошмары, а подобные мысли не дают Алеку спать по

ночам.

Мы проводим большую часть дня и вечера вместе, когда папа слишком занят на работе, чтобы заметить это. Мы обсуждаем разные идеи, планы по снятию проклятия, но единственное, что, по мнению Алека, может сработать, это номер пять в моём списке, который заключается в том, чтобы убежать до полуночи, возможно, где-то днём, когда Лон играет в гольф со своим отцом, слишком далеко, чтобы остановить нас. Будет почти невозможно ускользнуть незамеченными моими родителями и персоналом отеля, и мы даже не уверены, сможем ли мы покинуть отель, но это шанс, которым мы готовы воспользоваться.

Наше время вместе — это не только работа. Мы играем ровно столько, сколько планируем.

Купаемся в океане, собираем песчаные доллары⁵ вдоль линии прилива, набиваем наши физиономии сладостями из пекарни. Мы проводим каждую ночь в объятиях друг друга, и каждое утро до рассвета Алек наблюдает, как я репетирую свою программу прослушивания в бальном зале. Иногда я теряю концентрацию, задаваясь вопросом, стоит ли вообще практиковаться, когда я не знаю, буду ли здесь в сентябре, но Алек не позволяет мне так думать. Он аплодирует всякий раз, когда я делаю что-то особенно впечатляющее, и подбадривает меня криками, говоря что-то вроде: "Как кто-то вообще прыгает так высоко? На этот раз ты вернулась отчасти кенгуру?"

Пока я не одна, Лон не нападает на меня при дневном свете, и я почти никогда не бываю одна. Вместо этого он усиливает своё нападение в моих кошмарах, так что Алеку приходится будить меня каждый раз, когда я кричу.

Но сегодняшний сон совсем другой.

Я даже не уверена, что это сон или что-то совсем другое. Всё, что я знаю, это то, что в одну секунду я лежу на кровати Алека, слушая, как он читает "*Листья травы*", моя голова покоится на изгибе его плеча. В следующую — Лон стоит надо мной.

Я ожидаю, что Алек отреагирует, оттолкнет меня за спину, подальше от пытливых глаз и зловещей усмешки Лона. Вместо этого Алек продолжает читать, не обращая внимания на присутствие Лона в комнате.

Вот почему я знаю, что это не по-настоящему. Алек никогда бы не позволил ему подобраться ко мне так близко.

— Наслаждаешься жизнью? — спрашивает Лон.

Я встаю с кровати, но Алек этого не замечает.

— Убирайся, — приказываю я ему. — Тебе здесь не рады.

Лон *прищёлкивает* языком по нёбу.

— Вот тут ты ошибаешься, моя дорогая.

Он исчезает, затем снова появляется позади меня, его дыхание у моего уха. Он протягивает розу, такую красную, что она почти чёрная.

— Мне везде рады.

— Нет, — говорю я, поворачиваясь к нему лицом и отталкивая его розу. — Тебя нет.

Я знаю, что должна бояться его, но мой гнев стал сильнее моего страха.

Лон усмехается, тёмный, глубокий звук, который отдаётся эхом в моих костях, когда он сжимает розу. Лепестки крошатся в его ладони, и кровь капает сквозь пальцы.

— Так, так. Похоже, у принцессы вырос хребет. Как драгоценно.

Он протягивает окровавленную руку и проводит пальцами по моей челюсти,

запрокидывая мою голову назад.

— Знаешь, — говорит он, — я всегда восхищался твоим огнём, Аурелия. Это так весело его тушить.

Я выдёргиваю подбородок из его хватки.

— Не в этот раз, Лон, — я сдерживаю свои слова, мой голос наполнен всем ядом и ненавистью, которые я испытываю к этому человеку. — Ты проиграешь.

Веселье искривляет его губы.

— И что заставляет тебя так думать?

— Мы кое-что обнаружили.

Это ложь — мы не обнаружили ничего, кроме ещё одной идеи, которая может сработать, а может и не сработать, — но Лону не нужно это знать.

— Недостающее звено. Проклятие будет снято, и ты останешься ни с чем.

Его глаза сужаются.

— Я тебе не верю.

Моя улыбка становится шире, и я знаю, что мои глаза, должно быть, горят мстительной радостью, бурлящей внутри меня.

— Верь во что хочешь. Это не меняет того факта, что через четыре дня ты проиграешь, и мы с Алеком вместе выйдем из этого отеля.

Я делаю ещё один шаг ближе, наслаждаясь страхом и сомнением, кружащимися в его глазах.

— Мы повзрослеем, поженимся, родим детей и проживём вместе долгую, счастливую жизнь, а ты больше никогда не будешь даже мимолетной мыслью в наших головах.

Лицо Лона искажается от ярости. Он вытягивает руки, разбивая вдребезги окна, окружающие башню. Осколки летят внутрь, точно так же, как в тот день во внешнем коридоре. Но на этот раз я не позволю им напугать меня. Вместо этого я ложусь на кровать, прижимаясь к Алеку.

— Уходи, Лон. Ты ни на кого не производишь впечатления.

Я знаю, что это новоприобретенное мужество не будет длиться вечно. Я знаю, что когда мы вернёмся в 1907 год, мы окажемся в мире Лона, и он сможет убить меня так же, как делал это каждый раз раньше. Но сейчас я в своём мире, в безопасности в объятиях Алека, и я не позволю ему запугать меня здесь.

Лон усмехается.

— Я только начал раскрывать свои козыри в рукаве. Сладких снов, дорогая.

Я резко просыпаюсь.

Алек перестаёт читать.

— Ты что, заснула?

Я сажусь, по спине пробегает дрожь. Все окна целы, как я и предполагала.

Алек обнимает меня и откидывается на спинку кровати, прижимаясь губами к моему виску.

— Теперь всё в порядке, — говорит он. — Я не позволю ему причинить тебе боль.

Я хочу в это верить, но последние слова Лона эхом отдаются в моей голове, и когда будильник на моём телефоне сигнализирует об утренней тренировке, я до сих пор не смогла уснуть.

Я ВСЁ ЕЩЁ ДУМАЮ О ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ Лона на следующий день, п завтракаю в одиночестве в кафе. У папы была срочная встреча с гостями, а Алек работает с утренними розами вместе с остальными садовниками, поэтому я пользуюсь возможностью, чтобы набросать все возможные пути отхода и отвлекающие тактики, которые только могу придумать, чтобы дать нам преимущество над Лоном, когда мы вернёмся в прошлое.

— Итак, этот балетный фильм, который мы снимаем, — говорит Макс, плюхаясь на сиденье напротив меня. — Должны ли мы выбрать что-то сексуальное, как Натали Портман и Мила Кунис в "*Чёрном лебеде*", или что-то стильное, как Мойра Ширер в "*Красных туфельках*"?

— Ты чем занимался? — спрашиваю я, закрывая блокнот. — Пересматривал все когда-либо снятые балетные фильмы?

— Почти что.

Я выгибаю бровь, глядя на него.

— Что? У меня много свободного времени.

Я делаю глоток своего кофе.

— Что-нибудь классное, конечно. Может быть, действие должно происходить в школе-интернате. Ничего более классного ты не придумаешь.

— Школа-интернат, — говорит Макс, нажимая на приложение "Блокнот" на своём телефоне. — Понял.

— В Париже.

Он продолжает печатать.

— Само собой.

— И все должны постоянно пить шампанское.

— Ты сейчас смеёшься надо мной, не так ли?

— Только немного.

— Так, просто подожди. Однажды этот сценарий появится у тебя на пороге, и он тебе понравится.

— Не могу дождаться, — говорю я, ухмыляясь.

Макс слегка улыбается мне в ответ.

— Приятно снова видеть тебя счастливой. Я чувствую, что это было давно.

— Хорошо, что ты снова со мной разговариваешь, — отвечаю я.

— Я не избегал тебя, если ты об этом думаешь.

— Ты уверен в этом?

Он пожимает плечами.

— Хорошо, может быть, немного, но ты должна понимать, что мужское эго — очень чувствительная вещь. Нам нужно время, чтобы зализать раны, когда красивая девушка отвергает нас. Но я также по-настоящему погрузился в нашу работу. Похоже, у меня каждый день появляется идея для нового поворота сюжета.

— Значит, сценарий уже готов?

Он откидывается на спинку стула.

— Вчера вечером было десять новых страниц.

— Фантастика, — говорю я, хотя чувствую себя немного странно, зная, что сценарий Макса основан на Алеке.

Он оглядывается через плечо на людей, завтракающих вокруг нас, затем наклоняется вперёд и шепчет:

— Серьёзно, хотя. Петров хорошо с тобой обращается?

— Ты думаешь, именно поэтому я была такой раздражительной в последнее время?

— Ну... да.

Я качаю головой.

— Алек потрясающий. Я имела дело с кое-чем другим.

— О, — говорит Макс. — Хорошо.

Он не выглядит полностью убежденным. Я кладу руку ему на плечо и говорю:

— Правда. Я в порядке.

Макс секунду смотрит на мою руку. Когда он снова поднимает взгляд, его очаровательная, кривоватая улыбка немного слишком откровенна, и в его глазах появляется внезапный блеск, которого я никогда раньше не видела.

— Что ж, вопрос остаётся открытым, — говорит он, понижая голос. — Когда ты собираешься бросить этого неудачника и дать мне шанс?

Я заставляю себя рассмеяться, думая, что это, должно быть, шутка.

Но Макс смотрит на меня с решимостью.

Я хмурю лоб.

— Я думала, мы уже говорили об этом.

— Мы говорили, но я снова поднимаю этот вопрос.

Не знаю, что и сказать. Я не хочу ранить его чувства. Макс — единственный настоящий друг, кроме Алека, которого я приобрела на этом острове. Наверное, единственный друг, который у меня был за последние четыре года.

— Я думала, что ясно выразилась... Я заинтересована в Алеко, и это не изменится.

Он стискивает зубы.

— Я ничего не имею против тебя, — быстро говорю я. — Ты действительно отличный друг, Макс.

Он смотрит на стол, ничего не говоря.

Моё сердце колотится в груди.

— Макс?

Он взмахивает рукой, прижимая моё запястье к столу.

— Он тебе не подходит. Разве ты этого не видишь? — его хватка усиливается. — Я имею в виду, всем остальным совершенно ясно, что ты принадлежишь мне.

Всем остальным?

— Макс, ты делаешь мне больно.

— Я не хочу видеть, как ты убегаешь с ним.

— Убегаю? Макс, о чём ты говоришь?

— Он не принадлежит нашему миру, Лия.

Я резко вдыхаю.

— Как ты меня только что назвал?

Макс наклоняется вперёд, его дыхание касается моего уха. Голос Лона срывается с его губ:

— Ты не сможешь убежать от меня, дорогая. Я уже говорил тебе. Я *везде*.

Мимо нас пробегает маленький ребёнок, стуча доской для серфинга по сиденьям. Макс моргает, его жесткие, холодные глаза смягчаются. Он смотрит на моё запястье, как будто не

помнит, как схватил его. Он прочищает горло и отпускает мою руку.

— Нелл? — неуверенно спрашивает он. — О чём мы только что говорили?

Из его ноздри вытекает струйка крови.

Я протягиваю ему свою салфетку.

— У тебя кровь из носа.

Он прижимает бумагу к ноздре, затем убирает её и таращится на красное пятно.

— Я причинил тебе боль? — спрашивает он.

Я настороженно смотрю на него.

— Ты должен идти.

Он морщится, как будто я дала ему пощечину, но не спорит.

— Ты... ты будешь сегодня на работе?

Я опускаю взгляд на стол.

— Я сомневаюсь.

Макс смотрит на меня ещё мгновение, затем медленно отодвигает свой стул и встает.

— Прости, если я... — он качает головой. — Прости.

По выражению его лица и по тому, как он расправил плечи, я могу сказать, что он понятия не имеет, что только что произошло. Я хочу сказать ему, что всё в порядке. Хочу пойти с ним на работу, как делаю это каждый день, чтобы он знал, что я всё ещё его друг, что он не сделал ничего плохого.

Но если Лон сможет использовать его, чтобы добраться до меня, тогда я больше не буду в безопасности в комнате наедине с ним.

И он не в безопасности со мной.

* * *

Я нахожу Алека в саду, он набивает розами мешки для компоста. Другие рабочие находятся во внешних коридорах, вырубая ветви, которые обвивают окна сеткой из шипов, заглушая свет.

— У нас серьёзная проблема, — шепчу я.

Алек берёт меня за руку и ведёт внутрь отеля. Я жду, пока мы останемся одни, а потом рассказываю ему о моменте Макса в роли Линды Блэр⁶.

— Не хватало только горохового супа, — заканчиваю я.

Я не знаю, понял ли Алек намёк, и смотрел ли он вообще когда-то "*Экзорциста*", но я не думаю, что он слышал что-либо из того, что я сказала, в любом случае, после того, как я рассказала ему, как сильно Макс схватил меня.

Алек сжимает кулак.

— Я убью его.

Я закатываю глаза.

— Макс не причинял мне вреда. Это был Лон.

— Хорошо, — шепчет Алек в ответ. — Я причину боль Лону через Макса.

Я бросаю на него многозначительный взгляд.

Он вздыхает.

— Знаю, знаю. По правде говоря, я не причиню ему вреда.

— Лон когда-нибудь делал что-нибудь подобное раньше?

— Вселялся в кого-то? — он качает головой. — Я не думаю, что он когда-либо

чувствовал в этом потребность, а это значит, что он либо находит новые способы развлечь себя, либо...

— Либо?

— Либо он думает, что на этот раз мы действительно можем представлять угрозу.

ГЛАВА 55

НЕЛЛ

ЖЕЛАЯ ДЕРЖАТЬСЯ КАК МОЖНО ДАЛЬШЕ от кладовки и Макса, я помогаю Алк в саду до конца утра. Мы проводим вторую половину дня, сражаясь с прибоем, позволяя воде и песку смыть грязь и пот с наших тел. Я стараюсь не думать ни о Лоне, ни о Максе, но мой телефон продолжает гудеть от извинений.

Мне очень жаль, Нелл.

Я не знаю, что сделал не так, или почему ты злишься на меня.

Как я могу всё исправить?

— Я не знаю, что ему сказать, — говорю я Алеку. — Я не могу сказать, что всё хорошо, когда это не так.

Наконец, я говорю Макс, чтобы он немного отдохнул и, возможно, несколько дней провёл вне отеля.

Он не отвечает.

В шесть вечера мы с папой ужинаем вместе. Я стараюсь присутствовать, насладиться этими последними мгновениями с ним, прежде чем вернуться в прошлое, но я беспокоюсь о Максе. Я надеюсь, что если буду держаться подальше от Макса, то и Лон тоже, особенно теперь, когда он высказал свою точку зрения.

Но я ошибаюсь.

Очень сильно ошибаюсь.

— Мистер Мартин? — спрашивает Макс, подбегая к нам в коридоре четвёртого этажа, когда мы с папой возвращаемся в нашу комнату.

Папа смотрит на часы.

— Макс? Что ты здесь делаешь так поздно? Сжигаешь полуночный жир? — он смотрит на меня. — Или ты здесь, чтобы увидеть Нелл?

Я понимаю, что это не Макс, как только он улыбается.

— Нет, сэр. Я уверен, что она получает достаточно моего общества на работе, — он подмигивает, заставляя мои внутренности дрожать. — Мама послала меня найти вас. На регистрации есть гость, которому в чём-то требуется помощь.

Папа вздыхает.

— Обязанности менеджера по работе с гостями никогда не заканчиваются. Не могла бы ты положить это в мини-холодильник для меня? — спрашивает он, протягивая мне коробку с остатками.

— Конечно, — говорю я, мой голос дрожит под пристальным взглядом Макса.

— У тебя есть ключ? — папа спрашивает меня.

Я не хочу говорить "да", когда Макс стоит прямо здесь, но у меня нет другого выбора. Я киваю.

— Хорошо, — говорит папа. — Вы, дети, веселитесь.

А потом он уходит, и мы с Максом остаёмся одни в пустынном коридоре.

Макс смотрит на меня чужими глазами.

— Если ты подойдёшь ко мне, — говорю я ему. — Я буду кричать.

Он смеётся. Мой желудок переворачивается от этого холодного, гулкового звука.

— О, моя дорогая, — говорит он, делая шаг вперёд. — Ты уже должна была знать, что мне *нравится*, когда ты кричишь.

Я пинаю его между ног так сильно, как только могу. Он отступает, но я не жду, чтобы увидеть, насколько ему больно.

— Извини, Макс, — выпаливаю я, вытаскивая ключ-карту из кармана, и бегу к своей двери.

Если я смогу просто попасть внутрь номера и запереть дверь, Лон не сможет добраться до меня, не покинув тело Макса.

Я вставляю ключ в считывающее устройство.

— Ну, давай же, — шепчу я, ожидая, когда вспыхнет светодиод.

Макс уже поднялся на ноги и направляется ко мне.

Индикатор мигает зелёным. Я рывком открываю дверь и практически врываюсь внутрь, закрывая за собой дверь...

Рука Макса блокирует дверь.

— Макс, отпусти, — говорю я ему. — Я не хочу причинять тебе боль.

Он врезается плечом в дверь. Я прижимаюсь спиной к другой стороне, толкаясь изо всех сил, но мои ноги устали от утренних тренировок и дрожат под давлением. Я лезу в задний карман и достаю телефон. У Алека нет мобильного, поэтому я звоню единственному человеку, о котором могу вспомнить.

Она берёт трубку после первого гудка.

— Алло?

— София.

Дверь ударяется о мой позвоночник, когда Макс врезается в неё.

— Ты всё ещё в отеле?

— Да, но я как раз собиралась уходить. Что случилось?

— Найди Алека, — говорю я ей. — Сейчас же отправь его в мою комнату.

Она колеблется.

— Что происходит?

Дверь снова врезается в меня, на этот раз сильнее.

— Это Макс, — говорю я ей. — Лон овладел им. Ты должна немедленно привести Алека сюда.

— О, Боже, — бормочет она. — Я сейчас буду.

Дверь снова врезается в меня, лишая равновесия. Мои ноги подкашиваются, и я падаю на пол, а Макс врывается в комнату. Я рвусь вперёд, но Макс сжимает мои волосы в кулак и рывком поднимает меня на ноги.

— Думаешь, ты победила? — говорит Лон устами Макса. — Думаешь, я не могу прикоснуться к тебе здесь? Думаешь, я не смогу причинить тебе боль?

Он отбрасывает меня к стене. Я вскрикиваю от боли, пронзающей мой бок. Он снова пытается схватить меня, но я отталкиваю от стены и хватаю настольную лампу, стоящую рядом с шезлонгом. Я держу её над головой, готовая нанести удар.

— Макс, если ты там, — говорю я, — если ты меня слышишь, я не хочу причинять тебе боль. Ты должен воспротивиться ему, хорошо? Ты должен вернуться.

— Он тебя не слышит, — отвечает Макс. — И даже если бы он мог, сомневаюсь, что он остановил бы меня.

Я колеблюсь.

— Что ты имеешь в виду?

Макс ухмыляется.

— Мальчик заботится о тебе, — говорит он голосом Лона. — Было слишком легко манипулировать этими эмоциями. Отторжение, которое он почувствовал от тебя, гнев и ревность из-за того, что кто-то другой добрался до тебя первым. Он оставил своё сердце широко открытым. Вот почему я смог овладеть им. Почему я смог надеть его кожу точно так же, как надеваю каждую стену, пол и потолок этого отеля. Он *хотел* причинить тебе боль.

— Макс это не ты, — выплевываю я. — Он не причинил бы мне вреда из-за этого.

— Почему нет? — отвечает он, делая шаг вперёд. — Ты причинила *ему* боль.

Я поднимаю лампу повыше.

— Ни шагу больше.

— Будет справедливо, если он причинит тебе боль в ответ.

— Макс! — я кричу. — Макс, пожалуйста, не позволяй ему этого делать. Борись!

— Я уже говорил тебе, — он крутит шей, хрустя каждой косточкой. — Макс не хочет сопротивляться.

Я бью основанием лампы по его голове, но он в последнюю секунду уклоняется, лампа задевает его плечо. Он обхватывает руками мой живот и бросает меня на кровать. Я пытаюсь оттолкнуть его, но он уже на мне и сцепляет руки на моём горле.

— Меня не волнует, что вы там нашли, — говорит Макс, сдавливая мою трахею. — Вы не сможете победить, если уже мертвы.

Я хватаю ртом воздух, но его руки слишком крепки — ничего не проникает внутрь. Я бью кулаками по его рукам, по груди. Пытаюсь обхватить его руками за горло. Перед моим взором вспыхивают чёрные пятна. Я пытаюсь ударить его снова, но мои руки становятся тяжёлыми, а лёгкие кричат, требуя воздуха.

— Нелл! — кричит Алек с порога.

Я не вижу его, но слышу, как он бежит через комнату. Его кулак врежется в челюсть Макса. Я делаю глубокий, болезненный вдох, как только руки Макса покидают моё горло.

София кричит и бежит к своему сыну.

— Не подходи, — говорит ей Алек, хватая Макса за рубашку и поднимая его.

Самодовольная ухмылка Лона кривит губы Макса.

— Оставь парня в покое, — говорит Алек, — или, клянусь Богом...

— Что ты собираешься делать? — спрашивает Макс. — Убить меня?

София стонет. Я поднимаюсь с кровати, у меня кружится голова.

— Всё в порядке, — хриплю я ей. — Алек не допустит, чтобы с ним что-нибудь случилось.

— Ты не можешь оставаться в нём вечно, — говорит Алек. — Макс может и достаточно силён, чтобы бросить Нелл, но я — совсем другое дело. Я запру тебя в шкаф, и ты не сможешь уйти, пока не отпустишь его.

Зловещий взгляд Макса скользит по Софии.

— Ты позволишь ему сделать это со мной, мамочка?

София вздрагивает.

Алек прижимает его к стене.

— Убирайся. Вон.

Макс выгибает бровь.

— Хорошо, — говорит он. — Но это ещё не конец.

Он сосредотачивается на мне.

— Ещё три дня, любовь моя, и мы снова будем вместе.

Я стискиваю зубы.

— Иди к чёрту, Лон.

— Только если я смогу взять тебя с собой.

Он подмигивает, а затем глаза Макса закатываются и его тело обмякает в руках Алека.

* * *

К тому времени, как Макс приходит в себя, София согласилась взять отпуск до конца недели и провести импровизированный отпуск с Максом где-нибудь на побережье, пока всё не будет сказано и сделано.

Мы не хотим давать Лону шанс использовать его снова.

— Последнее, что я отчётливо помню, это попытка покинуть отель, — говорит Макс, прижимая к подбородку полотенце для рук, наполненное кубиками льда, — а потом всё остальное как в тумане.

Он смотрит на меня, его глаза расширяются.

— Неужели я?.. — он втягивает воздух. — Я сотворил это с тобой?

Он показывает на мою шею, где уже начали образовываться синяки от его пальцев. Я провожу руками по нежной коже. Я понятия не имею, как собираюсь скрыть их от папы.

— Нет, — говорю я, мой голос хриплый и ужасный. — Ты этого не делал.

Он качает головой.

— Всё расплывчато, но я помню, что у меня были эти мысли и... и желание найти тебя...

София делает шаг вперёд и обнимает его.

— Давай. Пойдём домой.

Она останавливается в дверях, просит Алека отвести Макса в холл, а потом поворачивается ко мне.

— Уверена, Алек сказал тебе, что есть правила относительно того, кто может знать твой секрет?

Я киваю.

— Но правила не распространяются на тебя или Алека. Это *твой* секрет, который ты должна рассказать. Ты можешь поделиться им с кем захочешь, и, если ты не возражаешь, я хотела бы рассказать Максиму сегодня вечером, как только мы уедем отсюда. Я не могу видеть, как он выглядит таким растерянным и виноватым, когда я могла бы объяснить ему, что происходит на самом деле.

— Думаешь, он сможет с этим справиться?

Я задумываюсь о том, как сильно, по словам Лона, Макс волновался обо мне, и о том, как легко было манипулировать этими эмоциями.

— Ты просто позволь мне беспокоиться об этом, — говорит София.

— Он не вспомнит меня, если я не вернусь, — говорю я. — Значит, он тоже может ничего этого не запомнить. Ты могла бы подождать. Посмотреть, что произойдёт.

Она качает головой.

— Я не позволю тебе так говорить. На этот раз ты вернёшься.

Я едва ли ей улыбаюсь.

— Конечно, ты можешь сказать ему, — говорю я.

Она притягивает меня в объятия, крепко прижимая к себе, как это делала мама.

— Удачи.

В моём горле образуется комок.

— Спасибо.

Мы с Алеком провожаем Макса и Софию до лифта. Макс не сводит с меня глаз, пока оператор не закрывает дверь клетки, и лифт не начинает спускаться. Я провожаю его взглядом, пока он не исчезает из виду.

— Я не могу оставить тебя сейчас одну, — бормочет Алек. — Не тогда, когда Лон сможет вселиться в кого-нибудь и напасть на тебя.

— Я сомневаюсь, что он может обладать кем попало. Ты сам сказал, что он никогда не делал этого раньше, и Лон в значительной степени сказал мне, что он мог обладать Максом только потому, что его сердце было открыто для этого. Думаю, со мной всё будет в порядке.

Алек обнимает меня за плечи и прижимается губами к моему виску.

— *Думать* недостаточно.

— Мы справимся, — шепчу я. — Уже почти всё сделано.

Он сглатывает.

— И именно этого я боюсь.

ГЛАВА 56

НЕЛЛ

МЫ С АЛЕКОМ РАБОТАЕМ НАД НАШИМ ПЛАНОМ, пока он не становится расписан с точностью до минуты. Утром 5 августа 1907 года я буду со своей матерью и организатором свадьбы, у меня не будет ни одной свободной минуты до окончания обеда. Алек воспользуется этим временем, чтобы найти Томми. Он сомневается, что это будет, как в нашу прошлую попытку это сделать, когда мы не смогли уехать после полуночи, потому что Алек покинул собственность отеля тем утром, выполняя поручения. Только после полуночи, утром 6 августа, он больше не мог покинуть отель.

Он надеется, что ему удастся убедить Томми пригнать машину своего дяди к отелю ровно в пятнадцать минут второго пополудни, и в этот момент моя мама будет спать, а отец, Лон и множество деловых партнёров будут на поле для гольфа, не в состоянии следить за моим передвижением. Это большая просьба — Томми вообще-то не получил разрешения своего дяди "одолжить" машину, и единственная причина, по которой он согласился на это изначально, заключалась в обещании, что после того, как он станет свидетелем нашей предрассветной свадебной церемонии в Саванне, он сможет вернуть машину обратно к дому дяди ещё до того, как тот узнает, что её нет.

Если мы не сможем достать машину Томми, нам придётся сесть на паром и найти какое-нибудь другое средство передвижения в Чарльстоне. Алек не уверен, действительно ли нам придётся ехать до Саванны, как планировалось изначально, чтобы снять проклятие, или будет достаточно просто покинуть остров, но он не хочет ничего оставлять на волю случая, если это может помочь. Он думает, что помнит автобусную станцию в Чарльстоне на

Митинг-Стрит, поэтому мы решаем начать поиски там, если понадобится.

Я провожу свой последний день так же, как и все остальные: после утренней тренировки по балету быстро перекусываю с папой. Но на этот раз густые пятна консилера скрывают исчезающие синяки на моей шее. Работаю с Алеком до обеда, а потом плаваю с ним днём, вдыхая запах соли, песка и кокосового солнцезащитного крема.

Я считаю каждый вдох в своих лёгких. Сосредотачиваюсь на каждом изображении, которое воспринимают мои глаза, сохраняя их в памяти, как снимки с камеры. Я зарываюсь пальцами ног в песок и чувствую, как каждая песчинка пробегает рябью по моей коже. Я живу с осознанием того, что завтрашний день может стать последним днём моей жизни.

Живая и напуганная.

Я прошу папу взять отгул на ночь с работы и съесть со мной в номере на ужин пиццу. Он напоминает мне, что моя вечеринка с пиццей в честь дня рождения состоится только через несколько дней, но я говорю ему, что мне просто нужно немного побыть с ним. Он больше не задаёт никаких вопросов.

Мы смотрим старый фильм с Джимми Стюартом — думаю, я видела его в другой жизни — и говорим о папиной работе, моих тренировках. Это не очень глубокий или важный разговор, но это не имеет значения. Мы могли бы поговорить о морских коньках, мне всё равно. Я просто хочу слышать папин голос.

Когда папа засыпает, смотря повтор "*Фрейзера*", я выключаю телевизор, накрываю его одеялом и целую в щёку.

— Люблю тебя, папа, — шепчу я.

Я выскальзываю из нашей комнаты и провожу остаток ночи в объятиях Алека. Впервые за несколько недель мы не говорим о плане. Мы не пересматриваем наши поминутные расписания и не пытаемся найти новые способы обойти проклятие. Мы просто обнимаем друг друга, прислушиваясь к биению наших заклеимённых сердец.

В 11:59 Алек сжимает руки вокруг меня.

— Готова? — спрашивает он.

Я зарываюсь лицом в изгиб его плеча. Я не хочу смотреть, как стрелки часов переводятся на полночь.

— Никогда.

— Я люблю тебя, — говорит Алек.

Я открываю рот, чтобы сказать ему, что я тоже его люблю, но нас окутывает белый свет. Мир вращается.

А потом мне не за что держаться.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА 57

НЕЛЛ

Я ОТКРЫВАЮ ГЛАЗА НАВСТРЕЧУ тёплому утреннему солнечному свету струящемуся по моему лицу. Я тянусь через кровать к Алеку, но сразу несколько истин поражают меня:

Я нахожусь в другой, большей кровати.

Комната квадратная, а не круглая.

И Алека здесь нет.

Моё сердце колотится, когда я оглядываю комнату: кровать красного дерева с балдахинном и шкаф в тон, антикварный керамический кувшин и миска, стоящие на комод, старомодные светильники и большой дорожный сундук, задвинутый в угол комнаты.

Я смотрю налево, ловя своё отражение в зеркале на туалетном столике. Мои волосы длиннее, они падают локонами на плечи и спину, и на мне ночная рубашка из прозрачного кружева и розовой ленты. Я оттягиваю воротник от горла.

Желто-зелёные синяки, которые были там вчера, исчезли.

Я поднимаю руки и смотрю на мягкую, безупречную кожу, свободную от шрама под большим пальцем, который я получила в результате падения с велосипеда, когда мне было восемь.

5 Августа, 1907.

Я снова в этом дне.

Я уже шесть раз проделывала это и всё же это всё ещё застаёт меня врасплох, когда я возвращаюсь в эту комнату, где так много кошмаров и снов преследовали меня в то последнее лето моей жизни в качестве Аурелии Сарджент. Когда я понятия не имела, какая судьба ждала меня после этой ночи, и всё, что я знала, это то, что была влюблена в парня, который, по мнению общества, мне не подходит, и боялась жениха, которого общество навязало мне. Когда я стояла на краю пропасти, где с одной стороны была знакомая жизнь, полная комфорта и подчинения, а с другой — волнение и неизведанная территория, и — прежде всего — настоящая, бескорыстная, всеобъемлющая любовь.

Этим утром, в той жизни, я решила прыгнуть. Поверить в эту любовь. Довериться судьбе. Я понятия не имела, что Алек не сможет меня поймать. Смех Бенни доносится из-за закрытой двери моей спальни. Я втягиваю воздух от лёгкого, позвякивающего звука. В моё время Бенни давно умер вместе с остальными членами моей семьи, но здесь, в этот день, он просто ребёнок, у которого впереди полная жизнь.

Моя дверь внезапно открывается. Мать заполняет дверной проём, выглядя целой и здоровой, с розовой кожей, шелковистыми волосами и пухлыми щеками — совсем не похожая на труп, который я видела в своих кошмарах. Она смотрит на меня сверху вниз со смесью раздражения и веселья.

— Всё ещё в постели в этот час?

— Который сейчас час? — спрашиваю я, мой голос хриплый, сердце болит при виде её.

— Половина десятого, — отвечает она, подходит к шкафу и роется в моих платьях.

Я уже знаю, какое из них она выберет.

— Думаю, белое кружево с голубой лентой выглядит подходящим для встречи с организатором свадьбы. Ты не согласна?

Я киваю, поднимаясь с кровати.

Мама протягивает мне платье.

— Поторопись, — говорит она. — Твой завтрак стынет.

Я жду, пока она выйдет из комнаты, закрыв за собой дверь, затем наливаю воду из кувшина в таз и умываюсь.

Затем я расчесываю волосы. Прошло более ста лет — или шестнадцати лет, в зависимости от того, как вы на это смотрите, — с тех пор, как я скручивала и собирала волосы в такой сложный пучок на макушке, но мои руки выполняют движения так, как будто времени не прошло. Затем я переодеваюсь в платье, аккуратно завязываю ленту вокруг талии. Затем, не задумываясь, я щипаю себя за щёки и кусаю губы, чтобы придать им

немного цвета.

Вы можете забрать девушку из эдвардианской эпохи, но вы не можете забрать эдвардианскую эпоху из девушки.

Бенни заканчивает свой завтрак из тостов и фруктового варенья, когда я вхожу в гостиную, его прыгающие светлые кудри мерцают на солнце, как золотые нити.

— Бенни.

Его имя — едва слышный вздох на моих губах, но он всё равно смотрит на меня. И хотя он никак не мог знать, что прошла целая жизнь с тех пор, как я видела его в последний раз, или, что в моих снах он был всего лишь гниющим трупом, он отталкивается от маленького столика, бежит ко мне и обнимает меня за талию.

Я обхватываю руками его хрупкое тело.

— Доброе утро, — говорю я, слёзы жгут мне глаза.

— Доброе утро, — радостно говорит он, глядя на меня с улыбкой и ямочками на щеках, которые я так люблю. — Мы с няней собираемся на пляж. Хочешь пойти?

Я смагиваю слёзы, прежде чем они успевают пролиться.

— Я бы с удовольствием, но у нас с мамой уже есть планы.

И хотя я знаю, что этого не произойдёт, даже если это разбивает мне сердце, я говорю то же самое, что сказала ему более века назад:

— Завтра?

Он кивает.

— Завтра.

Мадлен прогоняет его в комнату, чтобы он переоделся в купальный костюм. Я смотрю, как он уходит, кудри подпрыгивают во все стороны.

Мама настороженно смотрит на меня.

— Ты странно ведёшь себя сегодня утром, — замечает она. — Ты хорошо себя чувствуешь?

— Я чувствую себя прекрасно, мама, — отвечаю я, сажусь за стол и тянусь за булочкой.

Я должна сохранять спокойствие и не позволять ничему из этого влиять на меня. Я не могу дать маме повод изменить наше сегодняшнее расписание. Всё должно оставаться точно таким же, если наш план сработает.

* * *

Следуя за организатором мероприятий отеля по внутреннему двору, когда она описывает своё видение нашего свадебного завтрака, просто сюрреалистично. Не потому, что я помню каждую деталь, от предложенных цветочных композиций до костяного фарфора с монограммой, что я и делаю, а потому, что помню чувство клаустрофобии, которое возникало у меня каждый раз, когда планировщик говорил о дне моей свадьбы, беспокойство, которое угрожало задушить меня за моей хорошо отработанной улыбкой.

Но сегодня утром всё было по-другому. Этим утром я знала, что собираюсь сбежать с Алеком в полночь, оставив всё это позади, и я нервничала по совершенно другой причине — задавалась вопросом, сработает ли это, считала часы до того, как мы сможем быть вместе, молилась, чтобы на рассвете я стала миссис Алек Петров.

Теперь я волнуюсь и нервничаю по тем же причинам, только на этот раз наш план изменился, и я знаю, что нас ждёт, если мы потерпим неудачу.

— Почему ты ёрзаешь? — мама спрашивает меня, едва шевеля губами, когда планировщик показывает нам макет стола, покрытого белоснежной скатертью, с полностью белой цветочной композицией, украшенной жемчугом в центре. — Тебе нужно быть где-то ещё?

— Нет, — шепчу я в ответ. — Прости.

Я сосредотачиваюсь всеми фибрами своего существа на том, чтобы оставаться неподвижной на протяжении всей встречи, даже когда в моей голове проносится миллион вопросов.

Будет ли Лон по-прежнему играть в гольф сегодня днём, надеясь, что день сложится точно так же, как это было столетие назад?

Смог ли Алек заполучить машину, чтобы отвезти нас в Саванну?

Увижу ли я когда-нибудь своего отца снова?

В половине двенадцатого мы с мамой думаем о планировщике и направляемся в вестибюль. Комната переполнена лицами, некоторые из них знакомы, некоторые нет. Наверху старые летучие мыши сидят в своих креслах вдоль галереи второго этажа, наблюдая за жизнью, разыгрывающейся под ними. Я прищуриваюсь, глядя на них, задаваясь вопросом, рассказали ли они уже Лону об Алке и мне. У меня уходят все силы, чтобы не показать им средний палец, когда я прохожу мимо.

Вместо этого я бросаю взгляд вперёд, игнорируя их. И затем — у меня перехватывает дыхание — вот он, шагает ко мне в той же униформе коридорного, что была на нём в первый день нашей встречи.

Алек.

Он не встречается со мной взглядом, и я быстро отвожу от него глаза. Но он проходит достаточно близко, чтобы вложить мне в руку записку. Я скрываю это от мамы, пока мы не сядем в столовой, и она не займётся меню обеда. Спрятав бумагу под скатертью, я читаю слова, наспех нацарапанные на ней.

Машины нет. Встречаемся в то же время. 2:00 паром.

Уже было решено, что, если Алек не сможет взять машину, нам нужно будет сесть на двухчасовой паром, так как мы не сможем дойти до причала достаточно быстро, чтобы успеть на час тридцать, так что на самом деле *ничего* не изменилось, но всё равно кажется, что изменилось.

По какой-то причине план Б не кажется таким надежным, как план А.

Мама выбирает лёгкий обед из супа и салата, и через полчаса мы возвращаемся в наш номер, каждый расходится по своим комнатам. Я не упаковываю чемодан, как в первый раз, в этом нет смысла, только лишь привлечёт внимание.

Всё, что я могу сделать, это ждать.

ГЛАВА 58

НЕЛЛ

АЛЕК УЖЕ ЖДЁТ У ЧЁРНОГО ВХОДА, КОГДА Я ПРИХОЖУ.

Он сменил форму коридорного на подтяжки и хлопчатобумажную рубашку. Что-то незапоминающееся, что никому не бросится в глаза. Было сложнее найти что-то столь же незапоминающееся в моём гардеробе, поэтому я остановилась на блузке и юбке, которые надевала, когда Алек впервые повёл меня танцевать в Палаточный город, заплела волосы по

спине и надела простую соломенную шляпу, низко надвинув её на глаза.

Я хочу подбежать к нему, обнять его и вдохнуть его запах, и по выражению его глаз я могу сказать, что он хочет сделать то же самое. Но мы быстро отводим взгляд друг от друга и держимся в противоположных концах зала, как будто мы два человека, случайно оказавшиеся в одном и том же пространстве, а не те, кем мы являемся на самом деле — две половинки одного целого, ищущие спасения.

— Готова? — Алек бормочет себе под нос.

Я киваю, всего на долю дюйма. Почти незаметно, но Алек улавливает мой ответ.

Он поворачивается к двойным дверям.

Он пройдёт первым и направится к докам. Я последую за ним через тридцать секунд. Он подождёт меня за углом, подальше от любопытных глаз, а потом мы вместе пойдём к парому, как обычная пара, отправляющаяся на прогулку по городу.

Он кладёт руку на дверную ручку и тянет.

Дверь не открывается.

У меня перехватывает дыхание. Я отвожу свой взгляд и сосредотачиваю его на часах, чтобы никто не заметил моего беспокойства.

— Попробуй ещё раз, — бормочу я.

Он так и делает, но дверь не поддаётся.

Я перестаю беспокоиться о других людях и направляюсь к дверям. Я поворачиваю ручку другой двери, но она тоже заперта.

Алек встречает мой взгляд.

— Нет, — шепчу я.

Смех Лона эхом разносится по коридору. Другие люди, проходящие мимо, кажется, не слышат этого, но для нас это оглушительно.

— Ты думала, что можешь изменить правила, а я ничего не буду с этим делать? — голос Лона разносится по залу.

Алек хватает меня за руку и встаёт передо мной.

— Ну, — продолжает Лон, — я тоже могу изменить правила.

Двери распахиваются, и рука Алека вырывается из моей. Он пролетает через дверной проём и тяжело приземляется на гравийную дорожку.

— Алек!

Я пытаюсь побежать за ним, но двери захлопываются у меня перед носом. Я стучу по ним и кручу ручки. Втискиваю пальцы в стыки и пытаюсь их разомкнуть.

Алек колотит по другую сторону двери, выкрикивая моё имя, но не может войти.

— Не сдавайся, Нелл, — кричит он. — Я найду другой способ войти.

— Ну, что, — говорит Лон, смешок звучит в его словах. — Время немного повеселиться.

Как картина, облитая водой, обои начинают стекать, цвета перетекают друг в друга, пока я больше не могу даже разглядеть дверь.

— Алек, что-то происходит, — кричу я.

Его ответ через двери искажен, приглушён, как будто я слышу его из-под воды. Цвета приобретают новые линии, новые формы. Я закрываю глаза, мой желудок сжимается при виде этого.

Когда я открываю их снова, я стою в переполненном бальном зале. Ночь давит на окна вокруг меня. Я больше не ношу повседневную блузку и юбку. Вместо этого на мне бальное платье, в котором я была этой ночью много лет назад.

Лон стоит передо мной, на его губах играет улыбка.

— Могу я пригласить тебя на этот танец?

Он не даёт мне шанса отказать ему. Он делает шаг вперёд, берёт мою руку в свою и обхватывает другой рукой мой торс.

— Шестнадцать лет это слишком долго, чтобы ждать, чтобы снова прикоснуться к тебе, любовь моя, — шепчет он мне на ухо.

Часы бьют одиннадцать. Тридцать минут до того, как я сбегаю в свою комнату, чтобы собрать вещи и переодеться. Пятьдесят минут до прихода Лона. Один час до того, как он застрелит меня, а потом застрелится сам.

Лон кружит меня по танцполу, *кружит, кружит, кружит*, пока меня не начинает подташнивать.

Я нигде не могу найти Алека.

* * *

Всё осталось таким же, как и в ту ночь, вплоть до запаха алкоголя во рту Лона и невнятности его слов. Мать и отец стоят в стороне от танцпола, общаясь с деловыми партнерами Лона и их жёнами. Бенни и Мадлен благополучно укрылись в комнате его друга на ночь, а Алека по-прежнему нигде не видно.

Но когда часы показывают половину двенадцатого и оркестр переключается на "Ревери" Дебюсси — ту же песню, которую я услышала, впервые войдя в столовую в июне 1907 года, ту же песню, которую я услышала более века спустя в бальном зале, призрачную мелодию, доносящуюся из ниоткуда, — Лон наклоняется вперёд, и его голос, чистый от всякого опьянения, говорит:

— Полагаю, это твой сигнал бежать.

Я смотрю на него, не зная, что мне делать. Если я сейчас убегу в свою комнату, эта ночь закончится так же, как и все предыдущие ночи до неё. Но если я этого не сделаю, если я останусь здесь, я тоже не уверена, что это что-то изменит.

Я должна найти Алека.

Я вырываю руку из хватки Лона и делаю шаг назад.

Его лицо расплывается в слишком широкой улыбке.

— Иди, Аурелия, — говорит он. — *Беги.*

Я стискиваю зубы, борясь с желанием сделать так, как он говорит. Вместо этого я нахожу маму, как и много жизней назад, и говорю ей, что возвращаюсь в свою комнату пораньше из-за головной боли. Она недовольна мной, и в прошлом разочарование в её глазах вывело бы меня из себя. Но сегодня я слишком занята, запоминая её, здесь, вот такой. Живой, целой и здоровой. *Такой* я хочу её запомнить. Как я хочу вспомнить отца и Бенни, когда всё это закончится. Даже если это только на последние несколько минут моей жизни.

Я ещё раз встречаюсь взглядом с Лоном, молча давая ему понять, что я его не боюсь, что я не сдалась, и спокойно выхожу из бального зала.

Как только я выхожу, я скидываю туфли, подхватываю юбку и бегу к чёрному ходу. Залы в основном пусты, за исключением нескольких служащих отеля и пар в тёмных углах. Они пялятся на меня, когда я пробегаю мимо них, но мне всё равно.

Я больше не придерживаюсь этого нелепого сценария.

Я подхожу к двойным дверям и пытаюсь их открыть, но ручки даже не поворачиваются

в моих руках, а двери не показывают никаких признаков того, что они сдвинулись с места. Я пытаюсь выдернуть винты из петель, но они не сдвигаются ни на сантиметр. Как будто двери были заварены, и Алек не отвечает, когда я зову его по имени. Я бегу обратно в вестибюль, мимо очень растерянного клерка за стойкой регистрации. Я пробую двери у главного входа, но они тоже плотно закрыты.

Я стучу по ним, проклиная Лона, но двери остаются закрытыми.

Через окна в дверях я вижу Алека, бегущего ко мне. Он колотит в двери с другой стороны, но, как бы мы ни старались, мы не можем их открыть.

— Я ищу вход, — кричит он мне через стекло. — Просто попытайся спрятаться от него, пока я не доберусь туда.

— Алек...

— Не смотри на меня так, — говорит он. — Не смотри на меня так, будто это прощание. Это не прощание, ты меня слышишь?

Он снова трясёт двери. Мои глаза горят при виде него, так старающегося добраться до меня. Мы оба знаем, что он не войдёт, если Лон этого не захочет.

Служащий кричит:

— Эй! Что вы там делаете?

Я вытираю слёзы со щёк и своим самым снобистским, властным голосом говорю:

— Откройте эту дверь.

Служащий хмурит брови.

— Она заперта? — спрашивает он, обходя стойку администратора.

Бестелесный голос Лона окружает меня.

— Ну, ну. Ты портишь мне веселье, Аурелия.

— Пожалуйста, поторопитесь, — говорю я служащему.

— Как насчёт того, чтобы мы отправили тебя туда, где тебе самое место, *a*? — спрашивает Лон.

Мир вокруг меня снова начинает расплываться.

Я поворачиваюсь к двери.

— Алек!

Последнее, что я вижу, это как Алек отчаянно пытается добраться до меня...

А потом я возвращаюсь в свою комнату, мой саквояж на кровати, бумажное кольцо Алека на моём пальце, а Лон стоит в дверях, его руки уже сжаты в кулаки.

ГЛАВА 59

НЕЛЛ

— ВОТ МЫ И СНОВА ЗДЕСЬ, — говорит Лон, крадучись приближаясь ко мне. — Ты готова бросить меня ради нищего. Я, влюблённый жених, который этого не предвидел.

Я знаю, что должна бояться его, но мой гнев сильнее страха. Этот человек причинил мне боль и лапал меня, чтобы продемонстрировать своё превосходство, убил меня в приступе ревности, алкогольной ярости, привёл всё это в движение вместо того, чтобы просто отпустить меня, позволить мне быть счастливой, и он ещё *смеет* говорить, что любил меня?

— Ты никогда не был влюблен, Лон, — говорю я ему, мой голос дрожит. — Ты был ребёнком, который не хотел терять свою любимую игрушку.

Его глаза предупреждающе вспыхивают, но я продолжаю:

— Ты всё ещё тот ребёнок. Не в состоянии отпустить меня.

— О, нет. Сейчас всё гораздо глубже, — говорит он сквозь стиснутые зубы, придвигаясь ближе.

Я держу кувшин с водой на периферии зрения, но не осмеливаюсь смотреть прямо на него.

— Ты знаешь, каково это убить себя, Аурелия? Агония, которую я испытал в тот момент? Непреодолимая потребность в освобождении? Я не знал, где окажется моя душа — скорее всего, в аду, хотя я был уверен, что смогу оспорить свою правоту перед Богом, если понадобится, — но это казалось лучшей альтернативой, чем полное опустошение, которое я почувствовал в тот момент, когда убил тебя. Но знаешь ли ты, где я оказался вместо этого? *В этом чёртовом отеле*, — он колотит кулаком по стене. — Застрял в его стенах. Бесконечное чистилище. Ты действительно думаешь, что после всего этого я позволю тебе занять счастливый конец? — его ноздри раздуваются. — Меня бы здесь даже не было, если бы не ты.

— Ты сам сделал это с собой, Лон. Тебе больше некого винить.

— *Не смей...*

Он поднимает руку, но я быстрее его, хватаю кувшин вместо того, чтобы разбить окно, как он ожидает. Я обрушиваю его как можно сильнее на его голову, фарфор трескается о его череп. Он падает на край кровати, хватаясь за висок, а из раны уже начала сочиться кровь.

Я вбегаю в гостиную и несусь к двери.

Лон возникает передо мной.

— Куда-то собралась?

Я резко останавливаюсь.

Он смеётся.

— Ты можешь сопротивляться сколько хочешь, дорогая, — говорит он. — Это не изменит того, как всё закончится.

В другой жизни Алек был бы сейчас у двери, ожидая момента, чтобы сопроводить меня к нашей машине для побега. Он нашёл бы способ проникнуть в комнату и попытался бы спасти меня. Но Алека нет у двери — его даже нет в отеле — и некому спасти меня, кроме меня самой.

Я оборачиваюсь, отчаянно осматриваю комнату в поисках охотничьего ружья отца. Оно должно быть где-то здесь. Где бы ещё Лон нашёл его?

— Что-то ищешь? — спрашивает он, снова появляясь передо мной.

Я снова бегу к двери, на этот раз, добираясь туда раньше, чем он успевает меня остановить. Но когда я пытаюсь открыть дверь, она не поддается.

Лон хихикает.

— Полагаю, есть некоторые преимущества в том, чтобы застрять в этих стенах. Каждый подчиняется моей воле.

Его образ расплывается. В одну секунду он на другом конце комнаты от меня, а в следующую — прямо передо мной. Его руки сжимают моё горло, толкая меня к двери. Его глаза безумны, кровь капает с виска на ресницы, но его голос смертельно спокоен, когда он шепчет:

— *Я никогда* не позволю ему заполучить тебя.

Я сильно ударяю коленом ему между ног. Он наклоняется вперёд от боли, его пальцы

разжимаются ровно настолько, чтобы я смогла вывернуться из его хватки.

Я врываюсь в комнату Бенни. Он всегда оставляет окна открытыми. Есть шанс, что я смогу проскользнуть через одно из них, и если я повисну на выступе, падение будет не таким сильным...

Но Лон уже там, он вцепляется в мои волосы и швыряет меня на пол. Я врезаюсь в световой короб Бенни, как всегда пылающий. Он всегда забывал задуть свечу. Световой короб катится по полу, отбрасывая на стены головокружительные круги в виде полумесяцев и Полярных звёзд.

— Ты научилась некоторым новым трюкам в этой жизни, Аурелия, — говорит он. — Отдаю тебе должное. Сейчас ты ещё больший боец, чем была тогда.

Я пытаюсь подняться, но Лон наносит мне удар ногой в рёбра, сбивая меня с ног. Раскалённая добела боль пронзает мой бок. Я сворачиваюсь калачиком в позе эмбриона, когда он снова бьёт ногой. Дым окрашивает воздух, и каким-то отстранённым образом я понимаю, насколько неуместен этот запах в отеле, где запрещено использовать открытое пламя.

"Ты должна встать, — говорю я себе. — Ты не можешь позволить ему победить. Вставай, вставай, вставай..."

Лон замахивается ногой, желая ударить снова, но я откатываюсь в сторону и вскакиваю на ноги. Я вскрикиваю, когда боль в боку усиливается. Лон преследует меня, но я не смотрю на него. Шар оранжевого пламени вспыхивает позади него, поднимаясь по занавескам.

Световой короб Бенни находится в самом низу.

Я так отвлеклась, что не вижу, как приближается рука Лона. Он бьёт меня в лицо, моё зрение взрывается чёрно-белыми звёздами. Я разворачиваюсь от удара, шатаюсь вперёд. Я хватаю единственное оружие, которое могу найти, — вязальные спицы Мадлен, лежащие на её прикроватном столике, — и прикрываю их своим телом. Пламя теперь растёт, выше и быстрее, пожирая занавески и стены как пороховая бочка. Пот выступает на лбу и на сгибах ладоней. Я крепче сжимаю спицы.

Лон кладёт руки мне на плечи, разворачивая меня. Я поднимаю спицы, целясь ему в глаза. Он блокирует удар как раз вовремя, хватая меня за руку, но я впиваюсь зубами в его предплечье, прокусываю до крови. Он вскрикивает, отчасти от боли, отчасти от гнева, и отпускает меня. Он заносит другую руку, чтобы ударить меня, но я уже несусь в гостиную.

Где ружьё?

Дым становится всё гуще, проникает в гостиную из комнаты Бенни, щиплет глаза. Я слышу шаги Лона позади себя, но продолжаю искать ружьё. Лон стоял у дальней стены, у дивана, когда он направил его на Алека, так что это должно быть...

Лон врезается в меня и сбивает с ног. С тошнотворным *хрустом* я бью его по носу тыльной стороной ладони и пытаюсь отползти от него подальше. Он дергает меня за юбку, оттаскивая назад. Я набрасываюсь на него, царапая и пиная везде, куда могу дотянуться.

Этого достаточно, чтобы вырваться из его хватки.

Я пригибаюсь и ползу вперёд, дым сгущается в чёрное облако над нами, а языки пламени перекидываются через дверь комнаты Бенни на потолок гостиной. И тогда я вижу то, что искала.

Ружьё.

Оно прислонено к стене, наполовину скрыто приставным столиком, на котором лежит отцовский набор для чистки. Должно быть, он полировал ствол и положил туда оружие,

решив убрать его позже. Я оглядываюсь в поисках Лона, но его нигде не видно. Я отступаю к ружью, держась как можно ближе к полу, пламя надо мной становится всё жарче. Я отодвигаю стол в сторону и тянусь за оружием...

Рука Лона сжимает ствол винтовки, в то время как моя сжимается вокруг приклада. Я тяну винтовку к себе, но у Лона хватка лучше. Мои пальцы соскальзывают, и я хватаю единственное, до чего могу дотянуться.

Спусковой крючок.

Глаза Лона расширяются. Он толкает ружьё вперёд, вдавливая приклад в мои треснувшие рёбра. Я кричу, но не отпускаю. Лон пытается получше удерживать ружьё, и моя рука соскальзывает со спускового крючка. Я встаю, чтобы лучше использовать рычаг, мои пальцы дрожат, но дым такой густой, что я едва могу разглядеть Лона или оружие. Я чувствую округлый металл спусковой скобы, мой палец скользит назад, когда Лон вырывает у меня ружьё...

БАМ.

Выстрел эхом разносится по комнате. Мы с Лоном смотрим друг на друга широко раскрытыми глазами.

И тут у Лона подгибаются колени.

Он падает на пол, кровь расцветает на его белой рубашке.

Я делаю шаг назад, винтовка дрожит в моих руках. Я понятия не имею, убила ли я его — если ты вообще можешь убить кого-то, кто мёртв уже больше века.

Кровь собирается лужей вокруг него. Я падаю на пол, подальше от дыма, но не выпускаю ружьё из рук. Лон наклоняет ко мне голову, встречаясь со мной взглядом, и я почти ожидаю, что он снова исчезнет и снова появится передо мной, совершенно целый. Но он делает глубокий вдох, и с его губ срывается одно-единственное слово.

— Аурелия.

Его тело дёргается. Дыхание вырывается наружу...

А потом его глаза тускнеют.

Двери и окна распахиваются, создавая аэродинамическую трубу, которая разжигает пламя. Огонь разлетается по комнате, охватывая стены, потолок, мебель. Ветер стихает, как только давление в помещении выравнивается, но ущерб уже нанесён. Я пытаюсь ползти вперёд, к открытой двери, но дым такой густой, что я не могу понять, в правильном ли я направлении ползу. Мои лёгкие горят — от дыма или от моих сломанных рёбер, я не уверена от чего, — но внезапно не могу дышать. Каждый вдох наполняет мои лёгкие дымом, я задыхаюсь. У меня кружится голова, перед глазами всё расплывается, и всё...

начинает...

исчезать...

прочь.

— Нелл!

В открытой двери появляется Алек. Балка падает с потолка, врезаясь в ковёр. Алек перепрыгивает через неё и резко останавливается передо мной.

— Алек...

— Всё в порядке, — говорит он, подхватывая меня на руки. — Я держу тебя.

Он переносит меня через балку и выносит в коридор. Мы оба кашляем от дыма. Гости пробегают мимо нас, в то время как звук сигнализации и крики “Пожар! Пожар!” эхом разносятся по залам. Большинство гостей выбегают из бального зала, все устремляются к

дверям.

— Держись, Нелл, — говорит Алек, убегая от толпы людей к заднему входу. — Мы справимся.

Я чувствую, что теряю сознание, но дым в моих лёгких рассеивается с каждым глотком чистого воздуха, и я верю Алеку.

Мы собираемся сделать это.

— Держись, — говорит Алек, пинком открывая двери.

Я крепче обнимаю его за шею, и он выносит меня из отеля, вниз по ступенькам и на гравийную дорожку, где со скрежетом останавливается старомодная пожарная машина.

— У вас там всё в порядке, вы двое? — спрашивает пожарный, пробегая мимо нас.

Я пытаюсь сказать ему, что да, у нас всё в порядке, но его внезапно поглощает белый свет. Я закрываю глаза от яркого света.

— Алек?

— Всё в порядке, — шепчет он мне на ухо. — Я люблю тебя, Нелл.

Все звуки вокруг нас — пожарные выкрикивают приказы, люди кричат, убегая из отеля, и хруст гравия под ногами — сливаются воедино, становятся всё громче и громче, разбиваются и сливаются в статические помехи.

ГЛАВА 60

НЕЛЛ

ВНЕЗАПНО СВЕТ ТУСКНЕЕТ, И МИР ЗАТИХАЕТ, пока не остаётся ничего, кроме плеска океана, нежного гула летнего бриза и дыхания Алека, согревающего мой затылок.

Я открываю глаза.

Мы стоим у чёрного входа, но подъездная дорожка под нами асфальтовая, а не гравийная, и перед нами нет пожарной машины. Вместо этого здесь есть парковка, битком забитая современными автомобилями.

Мы с Алеком смотрим друг на друга, в наших глазах стоит один и тот же вопрос.

— Ты думаешь?..

— Мы действительно?..

Мы смеёмся, но ни один из нас не заканчивает вопрос. Я слишком боюсь, что это сон. Что если мы признаем это, то снова потеряем друг друга.

Алек убирает волосы с моего лица.

— У тебя были синяки, — говорит он, — от того, что Лон...

Он проглатывает слова, которые не может произнести.

— И твоя кожа была красной от огня, но теперь всё в порядке. Ни единой царапины.

Я делаю глубокий вдох, освобождая лёгкие от дыма.

— Как будто ничего не случилось.

Алек осторожно ставит меня на ноги, и я впервые осознаю, что на нас обоих та же одежда, что была на нас в его комнате, до того, как мы отправились в прошлое. Я в штанах для йоги и майке, а Алек одет в серую куртку Хенли и чёрные спортивные штаны.

— Такое когда-нибудь случалось раньше? — спрашиваю я его.

Он кивает.

— Но я всегда был один.

Мы смотрим друг на друга, зная, что это хороший знак, но ни один из нас не хочет в это

верить. Что, если мы как-то напортачили с пожаром, и нас вышвырнули обратно сюда только для того, чтобы пройти через это снова?

Действительно ли это тот день, о котором мы думаем?

Мир окрашен в серо-голубую палитру раннего утра, но золотой свет пробивается через горизонт вдоль пляжа слева от нас. Не говоря ни слова, Алек берёт меня за руку и ведёт на пляж.

К нам бежит бегун трусцой. Я останавливаю её взмахом руки.

Она вытаскивает наушники.

— Это прозвучит очень странно, — говорю я, виновато улыбаясь ей, — но не могли бы вы назвать нам дату?

Её брови хмурятся.

— Пятое.

Алек крепче сжимает мою руку.

— Августа? — спрашиваю я.

Женщина моргает.

— Да.

В моём горле образуется комок.

— А какой год?

Сначала она улыбается нам, как будто мы, должно быть, шутим, но улыбка исчезает, когда она замечает отчаяние в наших глазах.

— О, э-э... — она прочищает горло. — Две тысячи девятнадцатый.

— Спасибо, — бормочу я.

Она кивает, снова надевает наушники и убегает от нас.

Я поворачиваюсь к Алеку.

2019. Не 1907.

5 августа. Не 4 августа. Не июль, не июнь или любой другой прошедший месяц.

Нас не выкинуло обратно только для того, чтобы пройти через это снова. Если бы это было так, то сегодня было бы четвёртое, и мы бы ждали возвращения в 1907 год в полночь пятого, чтобы заново пережить день, предшествовавший убийству. Если сейчас утро пятого, и мы здесь, а не в 1907 году, то это может означать только...

На лице Алека появляется сияющая улыбка.

— Мы сделали это? — спрашиваю я его.

— Подожди, — говорит он, дёргая меня за руку. — Есть ещё один тест.

Мы идём по пляжу, рассвет освещает небо. Я восхищаюсь ощущением руки Алека в моей руке, воздухом, наполняющим мои лёгкие, и песком, сыплющимся между пальцами ног. Каждая секунда, которой я дышу, кажется мне самым драгоценным подарком, который я когда-либо получала, и я не знаю, почему я никогда не осознавала этого раньше, но если это реально, если мы действительно сняли проклятие, я никогда больше не хочу принимать это как должное.

Алек останавливается.

— Вот это, — говорит он. — Граница собственности отеля.

— Ты уверен?

Его челюсть напрягается, когда он смотрит на линию, которую, я уверена, он проходил миллион раз за последнее столетие, и это вся уверенность, которая мне нужна.

Я прижимаюсь губами к тыльной стороне его ладони.

Он смотрит на меня.

— Вместе? — спрашиваю я.

Он кивает.

— На счёт три, — говорю я. — Один. Два. Три.

Мы делаем шаг вперёд, оба напрягаемся, ожидая, что линия собственности отеля остановит нас, но наши ноги проходят насквозь, а за ними и всё остальное тело.

Алек колеблется, всего на секунду. Потом он поворачивается ко мне со слезами на глазах, поднимает меня и кружит.

— Ты здесь, — кричит он, его тело дрожит вокруг меня. — Ты действительно здесь.

Мы долго стоим так, держась друг за друга, не желая отпускать, пока солнце не поднимается так высоко, что я понимаю, что папа, должно быть, уже проснулся и, наверное, интересуется, где я.

Я вытираю слёзы с глаз и смотрю на Алека.

— Хочешь позавтракать со мной и моим папой?

Алек улыбается.

— Несомненно.

Он обнимает меня, и мы проделываем долгий путь обратно в отель. Не вдоль пляжа, а по жилой боковой улочке, Алек тянет руку за цветами, его поступь стучит по тротуару, а его глаза окидывают взором мир, который он не мог ни потрогать, ни увидеть, ни понюхать больше века. Я смотрю на удивление в его глазах и чувствую, как его рука сжимает ткань моей рубашки, не желая отпускать меня ни на секунду, и всё, о чём я могу думать, это *дом*.

Наконец-то мы дома.

ЭПИЛОГ

Февраль, 2020

ПОХОЖЕ, ВСЕ ЖИТЕЛИ острова собрались на торжественное открытие музея. Вестибюль настолько забит мужчинами в элегантных костюмах и женщинами в коктейльных платьях, что бедные официанты едва пробираются сквозь толпу, неся закуски и бокалы с шампанским.

Я лезу в сумочку и снова проверяю время на телефоне.

— Извини, я опоздал, — шепчет Алек мне на ухо.

Я улыбаюсь, когда он обнимает меня и прижимается губами к моему виску.

— Как прошёл твой экзамен?

— Отлично, — говорит он. — Там не было ничего такого, чего я не ожидал.

— Значит, всё ещё на пути к выпуску на год раньше? — дразню я.

Он ухмыляется.

— Да, но я стремлюсь к двум.

Я закатываю глаза. Помимо того, что он первокурсник, которого *все* знают в колледже Чарльстона благодаря тому, что он прошёл тестирование по всем общеобразовательным требованиям, так ещё и профессора Алека уже сказали, что после окончания школы он будет зачислен в Медицинский университет Южной Каролины. Конечно, с его оценками и результатами тестов он мог бы поступить в любую медицинскую школу, которую выберет.

Я замечаю папу и Софию сквозь разрыв в толпе. Они стоят возле дверей во внутренний

двор рядом с Максом. Я беру Алека за руку и направляюсь к ним, мой взгляд падает на обручальное кольцо на пальце Софии.

Я бы солгала, если бы сказала, что это не было странно, когда папа и София начали встречаться, или когда он сказал мне, что хочет на ней жениться. Я не думаю, что хотя бы малая часть этого когда-нибудь перестанет быть странной: видеть, как папа обнимает её, а не маму, есть еду Софии, а не мамину, обмениваться с ней рождественскими подарками и делиться с ней своей жизнью вместо того, чтобы делиться ею с мамой.

Но я не могу отрицать, что София и отец просто... зажигают. Сначала я не хотела этого видеть, но оно есть. И теперь, когда она не пытается тонко выяснить, помнила ли я свои прошлые жизни или нет, что, как она признала впоследствии, было похоже на охотника за жутким, она была совершенно нормальной. Или, по крайней мере, настолько нормальной, насколько может быть человек, помешанный на отелях.

Я знаю, что они осчастливят друг друга.

— Привет, Макс, — говорю я, когда мы останавливаемся рядом с ними. — Есть какие-нибудь новости из Калифорнийского университета?

После того, как мы вернулись, мы подтвердили историю, которую София рассказала Максиму о нас, хотя сначала он в это не поверил. Нам пришлось показать ему свои фотографии 1907 года и все остальные, которые Алек хранил в своей комнате. С нашего благословения Макс взял нашу историю и написал на её основе сценарий, образец которого он приложил к своей заявке на участие в программе сценаристов Калифорнийского университета. Я была бы шокирована, если бы они ему отказали — его уже приняли в несколько университетов по всей стране только за этот сценарий.

Думаю, что он хочет, в конечном итоге, раскрутить сценарий по всему Голливуду, но я не волнуюсь. История нереальная, чтобы кто-то мог поверить, что это произошло на самом деле.

— Пока нет, но скрестим пальцы. Привет, чувак, — говорит Макс, ударяя Алека по кулаку. — Как дела?

— Хорошо, — говорит Алек, ударяя Макса кулаком в ответ, хотя по его гримасе я могу сказать, что он предпочёл бы пожать руку старомодным способом, и я прикусываю внутреннюю сторону щеки, чтобы подавить смех.

— О, — внезапно говорит Макс, поворачиваясь ко мне. — Я такой идиот! У тебя же сегодня был кастинг!

— Так и было, — говорю я застенчиво.

Сегодня в Чарльстонской школе балета состоялся кастинг на весенний концерт — студенческую демонстрацию, в которой приняли участие вербовщики из всех ведущих балетных академий по всей стране. Главная роль только увеличивает шансы попасть в хорошую академию после окончания средней школы, а оттуда — в хорошую труппу.

— И? — спрашивает Макс. — Как всё прошло?

Алек сжимает мою руку. Я написала ему, как только кастинг закончился.

— Я получила главную роль в постановке *"Ромео и Джульетта"*.

— Они дали тебе Ромео? — спрашивает Макс.

Я толкаю его локтем в рёбра.

— Просто шучу, — говорит он, обнимая меня и притягивая к себе. — Поздравляю.

Папа гордо улыбается мне и обнимает Софию.

Меня бесит, что папа — единственный в нашей новой семье, кто не знает правды обо

мне и Алеке. Иногда я подумываю о том, чтобы рассказать ему, но знаю, что в это будет трудно поверить, и я не знаю, сможет ли он смириться с мыслью, что прошлым летом я могла умереть. Может быть, я расскажу ему когда-нибудь, когда мы оба станем старше и будем наслаждаться полноценной жизнью, когда это будет не так страшно, но я знаю, что это напугает его сейчас, когда всё ещё так близко к смерти мамы.

Это ещё одна причина, по которой я благодарна Софии. Я знаю, что она никогда не заменит маму в сердце папы, и я знаю, что она никогда бы этого не захотела. Но когда я вижу, что папа наконец-то двигается дальше, я чувствую, что мне не нужно оставаться так близко к дому. Я не знаю, где мы с Алеком окажемся, в конечном итоге, но по всей стране есть престижные медицинские школы и балетные труппы, и впервые с тех пор, как умерла мама, я больше не боюсь неизвестности.

Что бы ни случилось, я знаю, что это будет потрясающе. Потому что я здесь. Я жива.

И Алек тоже.

Один из рабочих машет Софии, чтобы она подошла к передней части зала, где большая красная лента перегораживает вход в музей.

— Мой выход, — говорит она, протягивая папе свой бокал с шампанским.

Она проходит в переднюю часть вестибюля и включает микрофон

— Всем добрый вечер, — говорит она, — и спасибо всем вам за то, что присоединились к нам в этот особенный вечер. Эта историческая выставка создавалась почти два года, и она была бы невозможна, если бы не два совершенно особенных молодых человека, которые были готовы отдать так много своего свободного времени, чтобы помочь собрать всё это воедино. Не могли бы вы, Нелл Мартин и Макс Морено, пожалуйста, присоединиться ко мне здесь?

Я поднимаю брови, глядя на Макса, и он подмигивает.

— Пойдём к ним, — говорит он.

Толпа аплодирует, когда мы продвигаемся вперёд. София инструктирует нас положить руки на гигантские ножницы вместе с её собственными.

— Итак, — говорит она, — без дальнейших церемоний я объявляю выставку *"Прогулка через время"* официально открытой.

Мы перерезаем ленточку, и толпа снова аплодирует. Мы ждём, пока папа и Алек присоединятся к нам, и только потом отправляемся внутрь.

Выставка именно такая, какой София себе её представляла, словно полностью погружаешь в долгую и яркую историю "Гранд Отеля". Экспозицию окружают фотографии гостей отеля в натуральную величину, а также видеозаписи прошлых президентов и знаменитостей, часто посещавших отель "Гранд". Музыка каждого десятилетия просачивается через скрытые динамики (моя идея), меняясь от классики до рэгтайма, от свинга до рок-н-ролла пятидесятых и продолжаясь до наших дней.

Мы с Алеком останавливаемся у экспозиции *"Пожар 1907 года"*. Информации о пожаре немного, кроме газетной фотографии ущерба и сопроводительной статьи, в которой говорится, что пожар, к счастью, локализован в одном номере. Предполагалось, что источником пожара был световой короб, а полироль, которую персонал регулярно использовал для чистки стен и мебели, послужил идеальным воспламенителем, в результате чего огонь за считанные секунды превратился в inferno. Благодаря системе сигнализации отеля "Гранд" сообщалось только об одном погибшем в результате пожара. Выставку

сопровождает фотография Лона вон Ойршота, а также краткая биография, подробно описывающая историю его семьи. К сожалению, говорится в биографии, он должен был жениться в конце лета, но помолвка была прервана его безвременной кончиной.

Никто не знает, что случилось с его невестой.

Сам номер был быстро восстановлен, и гиды часто просят людей угадать, какой это был номер, по внешнему виду отеля, но реконструкция была настолько плавной, что никто никогда не сможет сказать наверняка.

Алек сжимает мою руку и шепчет:

— Хочешь куда-нибудь сходить?

Я встречаюсь с ним взглядом.

— Всегда.

Алек ведёт меня на пляж. Полная луна, омывает песок, и белые волны серебрятся в её сиянии. На небе нет ни единого облачка. Мы снимаем обувь и идём к линии прилива. Это наше место, где мы когда-то лежали на песке и позволяли воде омывать нас. Где мы разделили наш первый поцелуй. Где мы влюбились друг в друга.

— Я солгал о том, что экзамен так поздно, — говорит он.

Я сдал его сегодня утром.

— Почему ты солгал?

— Потому что, — говорит он, залезая в карман и вытаскивая чёрную бархатную коробочку, — я должен был забрать это.

Моё сердце останавливается.

— Я знаю, что пока не могу подарить тебе официальное обручальное кольцо, не доведя твоего отца до сердечного приступа, — говорит он. — Но я подумал, что на данный момент этого может быть достаточно.

Он открывает коробочку. Внутри кольцо в виде ленты, которая выглядит так, словно сделана из стекла, с серебряной инкрустацией по краям. Алек вытаскивает кольцо и подносит его к лунному свету, чтобы я могла разглядеть бумагу внутри и написанную на ней цитату Уолта Уитмена.

"Я должен позаботиться о том, чтобы не потерять тебя".

— Я дарю тебе это кольцо, Нелл Мартин, — говорит Алек, нежно надевая его мне на палец, — в знак обещания, которое мы дали друг другу в другой жизни, и в знак обещания, которое я даю тебе сейчас, любить и лелеять тебя до того дня, когда я умру, и потом целую вечность после этого.

— О, Алек, — слёзы щиплют мне глаза. — Это идеально.

Я обнимаю его за шею и прижимаюсь губами к его губам. И когда океан разбивается вокруг нас, а луна наблюдает за нами сверху, эти девять слов — *я должен позаботиться о том, чтобы не потерять тебя* — обволакивают нас, связывая вечной клятвой. Никогда не принимать нашу жизнь, как должное. Чтобы никогда больше не терять друг друга. Выбирать друг друга, каждый день.

Выбирать любовь.

Снова и снова.

Выбирать любовь.

КОНЕЦ

Заметки

[

←1

]

House of Worth — французский дом высокой моды, который специализируется на от кутюр, прет-а-порте и парфюмерии.

[

←2

]

Арт-деко (Art déco), или ар-деко — стиль в искусстве начала XX века со строгими геометрическими формами и плавными линиями

[

←3

]

Дом развлечений — это развлекательный объект, в котором посетители сталкиваются и активно взаимодействуют с различными устройствами, предназначенными для того, чтобы удивлять, бросать вызов и развлекать посетителя

[

←4

]

Листья травы" — поэтический сборник американского поэта Уолта Уитмена. Хотя первое издание было опубликовано в 1855 году, Уитмен продолжал писать сборник на протяжении всей своей жизни и до своей смерти успел выпустить несколько изданий

[

←5

]

песчаный доллар — плоская круглая раковина с подобием цветка посередине

[

←6

]

Линда Дениз Блэр (англ. Linda Denise Blair, 22 января 1959 года, Сент-Луис, Миссури США) — американская актриса кино и телевидения. Наиболее известна по роли одержимой девочки Риган МакНил в фильме ужасов Уильяма Фридкина «Изгоняющий дьявола»